Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области Московский государственный областной университет

На правах рукописи

Баранова Таисия Михайловна

Индивидуальное образное сравнение как компонент идиостиля Т. Пратчетта и особенности его перевода на русский язык (на материале романов серии «Плоский мир»)

Специальность 10.02.20 –
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна

Мытищи – 2021

Оглавление

Введение 4
Глава 1. Теоретические предпосылки исследования индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» и их переводов на русский язык 24
Вводные замечания и задачи главы 24
1.1. История перевода романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» с английского языка на русский 27
1.2. Сравнение как междисциплинарная категория. Подходы к изучению сравнения в теории и практике перевода 30
1.2.1. История развития научных представлений о категории сравнения 30
1.2.1.1. Сравнение как универсальная логическая категория 30
1.2.1.2. Сравнение как категория теории языка 33
1.2.1.3. Основные подходы к изучению сравнения в лингвистике 38
1.2.2. Роль и место категории сравнения в теории и практике перевода 45
1.3. Сравнение и метафора в теориях отечественных и зарубежных ученых 49
1.4. Классификация сравнений в отечественном и зарубежном языкознании 60
1.5. Феномен образности и характеристика индивидуального образного сравнения с позиций психосемантики 73
1.5.1. История развития научных представлений об образе 73
1.5.2. Теоретические основы рассмотрения индивидуального образного сравнения с позиций психосемантики 79
Выводы по главе 1 89
Глава 2. Индивидуальное образное сравнение как компонент идиостиля Т. Пратчетта и его значимые для перевода структурно-семантические и функциональные особенности 96
Вводные замечания и задачи главы 96

2.1. Жанровые особенности романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» и роль индивидуального образного сравнения в создании вторичного мира данных художественных произведений 97
2.2. Структурно-семантическая классификация индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир»..... 110
2.3. Функции индивидуального образного сравнения в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир» 130
Выводы по главе 2..... 137
Глава 3. Проблемы перевода индивидуальных образных сравнений в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир» 141
Вводные замечания и задачи главы..... 141
3.1. Семантическая парадоксальность в индивидуальных образных сравнениях: способы выражения, влияние на процесс перевода..... 142
3.2. Типология индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием с позиции их восприятия реципиентом и процедура выявления смысла в данных сравнениях..... 156
Выводы по главе 3..... 167
Заключение 173
Список литературы 180

Введение

В настоящей работе на материале романов английского писателя Т. Пратчетта серии «Плоский мир» и их переводов на русский язык рассматривается индивидуальное образное сравнение как компонент идиостиля писателя и особенности перевода такого типа сравнений с английского языка на русский. Исследование предполагает изучение значимых для целей перевода структурно-семантических и функциональных особенностей индивидуальных образных сравнений данных художественных текстов, относящихся к жанру комического фэнтези.

Важность настоящего исследования обусловлена необходимостью решения как практических, так и теоретических проблем художественного перевода. В ходе развития филологического знания исследователи различных направлений обращали особо пристальное внимание на проблему перевода художественных текстов. В области лингвистики изучением данного вопроса занимались Л.С. Бархударов [Бархударов, 1975], Е.В. Бреус [Бреус, 1998], В.С. Виноградов [Виноградов, 1978], Г. Гачечиладзе [Гачечиладзе, 1980], Д.И. Ермолович [Ермолович, 1996], Т.А. Казакова [Казакова, 1989, 2006, 2008], А.И. Клишин [Клишин, 2003], В.Н. Комиссаров [Комиссаров, 1973, 1975, 1980, 2014], П.И. Копанев [Копанев, 1972], Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман [Левицкая, Фитерман, 1976], Л.Л. Нелюбин [Нелюбин, 2007], Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни [Нелюбин, Хухуни, 2006], И.Я. Рецкер [Рецкер, 2004], А.В. Федоров [Федоров, 1983], О.А. Фирсов [Фирсов, 2003], А.Д. Швейцер [Швейцер, 1988] и др. С позиций психолингвистики художественный перевод рассматривался В.Н. Базылевым, Ю.А. Сорокиным [Базылев, Сорокин, 2000], Т.Г. Пшенкиной [Пшенкина, 1984, 1998, 2002], Ю.А. Сорокиным [Сорокин, 1985, 1998], Т.А. Фесенко [Фесенко, 2001] и др. Ученые, рассматривающие вопросы адекватности и эквивалентности перевода, исследовали также механизмы взаимодействия языка и культуры. К числу работ данного направления относятся исследования

Н.В. Багринцевой [Багринцева, 2001], В.Г. Гака [Гак, 1998], И.Г. Жировой [Жирова, 2013, 2019], И. Левого [Левый, 1974], Л.Л. Нелюбина, Г.Т. Хухуни [Нелюбин, Хухуни, 2006], С.Л. Пшеницына [Пшеницын, 1998], И.Я. Рецкера [Рецкер, 2004], С.Г. Тер-Минасовой [Тер-Минасова, 2000], Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцевой [Хухуни, Валуйцева, 2003], А.Д. Швейцера [Швейцер, 1994] и др. Несмотря на возрастающее количество работ в этой области научного знания и разнообразие затрагиваемых в них аспектов, проблема перевода художественных текстов остается открытой.

Лингвистическая категория сравнения получила относительно широкое освещение в научной литературе. Однако в исследованиях этого направления недостаточно внимания уделено исключительной информативности структуры и семантики индивидуальных образных сравнений, создающей предпосылки для рассмотрения их в качестве значимого элемента идиостиля, отражающего особенности языковой личности писателя. Из немногочисленных работ, в которых рассматривается собственно индивидуальное образное сравнение, для настоящей диссертации особую ценность имеет исследование Н.Н. Макаренко [Макаренко, 2001], посвященное изучению индивидуального образного сравнения с позиций психосемантики, а также работа А.Е. Шевченко [Шевченко, 2003], в которой образное сравнение рассматривается как компонент идиостиля писателя-билингва В. Набокова.

Многоаспектность индивидуального образного сравнения как носителя авторской идиостилистической информации в художественном тексте не позволяет считать вопрос о данном языковом средстве исчерпанным. При наличии в современной научной литературе ряда исследований, в которых изучаются образные сравнения и их функционирование в художественных произведениях, а также работ, посвященных особенностям перевода на русский язык произведений жанра фэнтези, в том числе проблеме перевода средств выразительности (исследования М.В. Игнатович [Игнатович, 2011], Д.С. Лукина [Лукин, 2016], А.С. Назина [Назин, 2007], А.А. Новичкова

[Новичков, 2012], И.А. Столяровой [Столярова, 2009] и др.), вопрос о роли индивидуального образного сравнения как средства изображения вторичного мира (термин «вторичный мир» предложен Дж.Р.Р. Толкином в эссе “On Fairy-stories” [Tolkien, 2001], в современном литературоведении употребляется для обозначения фантастического мира, создаваемого автором произведения жанра фэнтези) в произведениях жанра комического фэнтези до сих пор не получил должного освещения в научной литературе. Эти факторы определяют актуальность настоящей работы.

Таким образом, **актуальность** исследования обусловлена:

1. необходимостью всестороннего изучения вопросов межкультурной адаптации художественного текста, а также рациональных переводческих стратегий и тактик, способствующих адекватному переводу авторского словотворчества;

2. неконсолидированностью позиции научного сообщества по многим вопросам теории перевода, в том числе и вопросам перевода индивидуального образного сравнения как компонента идиостиля писателя, а также возросшим интересом к дискуссионным вопросам взаимоотношений объективной действительности и индивидуально-авторского мира создателя художественного произведения;

3. необходимостью дальнейшего изучения специфики перевода произведений популярного в настоящее время жанра комического фэнтези, исследования особенностей текстов этого жанра в переводческом аспекте, в частности детального рассмотрения особенностей перевода индивидуальных образных сравнений в произведениях этого жанра английского писателя Т. Пратчетта;

4. необходимостью изучения особенностей идиостиля Т. Пратчетта и разработки переводческих стратегий, позволяющих эффективно передавать на русском языке сложные, яркие и нестандартные образы, создаваемые автором при помощи сравнительных конструкций.

Степень разработанности темы диссертации. Жанр фэнтези, сформировавшийся лишь в прошлом веке, на сегодняшний день изучен в недостаточной степени. Менее исследован его относительно новый вид – комическое фэнтези. Произведения данного жанра, в том числе романы Т. Пратчетта серии «Плоский мир», рассматриваются в весьма небольшом количестве отечественных и зарубежных научных работ.

Проблема перевода произведений Т. Пратчетта также лишь начинает разрабатываться в научной литературе. В отечественных исследованиях затрагиваются такие аспекты, как особенности перевода комического в произведениях Т. Пратчетта [Столярова, 2009], культурная адаптация интертекстуальных включений при переводе романов Т. Пратчетта [Игнатович, 2011], лингвокультурологический анализ британского юмористического фэнтези [Вержинская, 2012]. В исследовании Е.С. Абаевой [Абаева, 2020], посвященном проблеме передачи юмористического эффекта при переводе, данный вопрос рассматривается в том числе на материале романов Т. Пратчетта.

В зарубежных работах рассматриваются пародийность в романах Т. Пратчетта [Bryant, Электронный ресурс], сатира как средство критики общественного устройства в романах Т. Пратчетта [Britton, 2018], критика эпического фэнтези в романах Т. Пратчетта [Kristiansen, Электронный ресурс], особенности стиля Т. Пратчетта [Luthi, 2014]. Перевод пародии в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир» на немецкий язык рассмотрен учеными из Иордана и Ирака [Mahmood, Abdellatif, 2010]. Турецкий исследователь изучил в своей работе проблему перевода игры слов в романах Т. Пратчетта [Mustonen, 2016].

В отношении степени разработанности проблемы особенностей перевода с английского языка на русский образных сравнений в художественных произведениях жанра фэнтези можно сказать, что данный аспект затронут лишь в некоторой степени в ряде работ, посвященных особенностям перевода произведений жанра фэнтези. Так, в исследовании

Д.С. Лукина [Лукин, 2016], где изучаются лингвокультурные особенности перевода средств выразительности на материале произведений Дж. Роулинг, при рассмотрении проблемы перевода метафор обсуждается и вопрос передачи сравнительных конструкций. В работе А.С. Назина [Назин, 2007], где проводится сопоставительное исследование метафор в романе Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит, или Туда и Обратно», также затрагивается проблема перевода сравнения. При этом работ, посвященных изучению образных сравнений в произведениях жанра комического фэнтези, на момент написания настоящего исследования не обнаружено. Особенности идиостиля Т. Пратчетта, как видно из представленного выше обзора научных работ по произведениям писателя, также являются недостаточно разработанным направлением исследований.

Центральное понятие настоящей диссертации – «сравнение» – представляет собой в значительной степени изученную в лингвистической науке категорию. Основы исследования данного феномена заложены в работах классиков отечественной лингвистики: В.В. Виноградова [Виноградов, 1959, 1980], А.М. Пешковского [Пешковский, 2001], А.А. Потебни [Потебня, 1914], Л.В. Щербы [Щерба, 1974] и др.

Разработке различных аспектов изучения сравнения как лингвистической категории посвящен широкий ряд исследований, среди которых работы Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1990, 1990_1], В.С. Беловой [Белова, 1961], Э.С. Войновой [Войнова, 1963], Т.Е. Ворониной [Воронина, 1988], Р.А. Глазырина [Глазырин, 1972], М.М. Жилина [Жилин, 1963], С.Г. Ильенко [Ильенко, 1963], И.А. Ионовой [Ионова, 1975], Р.С. Иткиной [Иткина, 1959, 1964, 1966], В.В. Каменской [Каменская, 1998], С.О. Карцевского [Карцевский, 1976], Н.Н. Кирсановой [Кирсанова, 1996], М.И. Конюшкевича [Конюшкевич, 2000], М.Б. Крепса [Крепс, 1973], Л.И. Кузнецовой [Кузнецова, 1988], М.И. Лекомцевой [Лекомцева, 1983], Ю.В. Литвинова [Литвинов, 1990], Л.А. Макаровой [Макарова, 1989], Л.А. Маузене [Маузене, 1976], В.Ф. Мейерова [Мейеров, 1972, 1974],

Р.А. Московиной [Московина, 1971], Е.А. Некрасовой [Некрасова, 1977, 1979], В.М. Огольцева [Огольцев, 1974, 1978], В.В. Павловой [Павлова, 1994], С.Н. Павловой [Павлова, 1989], М.П. Плющ-Высокопоясной [Плющ-Высокопоясная, 1963], Л.В. Разуваевой [Разуваева, 2008, 2009], С.И. Ройзенона [Ройзенон, 1972], А.В Терентьева [Терентьев, 1997], О.В. Уаровой [Уарова, 2005, 2006], М.И. Черемисиной [Черемисина, 1962, 1971, 1973, 1976, 2006] и др.

Категория сравнения рассматривалась в русле лингвистики с различных позиций. Синтаксические особенности сравнения нашли отражение в исследованиях В.В. Миргородской [Миргородская, 1998], Н.К. Размахниной [Размахнина, 1973], М.И. Черемисиной [Черемисина, 1971], Е.Т. Черкасовой [Черкасова, 1971], И.В. Шенько [Шенько, 1972_2, 1977] и др. Особенности семантики сравнений рассмотрены в работах В.Г. Голышевой [Голышева, 1980, 1984, 1985], Н.Н. Макаренко [Макаренко, 2001], Е.К. Мельниченко [Мельниченко, 1980], Е.Т. Скибицкой [Скибицкая, 1969], И.В. Шенько [Шенько, 1969, 1972_1, 1972_2, 1977] и др. Вопросы формы сравнительных конструкций, а также функций сравнения в художественном произведении и его роли как стилистического приема, с помощью которого создается языковая образность, затронуты в исследованиях С.Я. Александровой [Александрова, 1981], М. Арынова [Арынов, 1972], С.Б. Асаматова [Асаматов, 1997], Л.И. Байсара [Байсара, 1975], Т.Е. Гончаровой [Гончарова, 1982], Н.А. Кожевниковой [Кожевникова, 1991], С.М. Мезенина [Мезенин, 1969, 1971], Е.А. Некрасовой [Некрасова, 1979], И.Г. Пятаевой [Пятаева, 1994], Т.А. Тулиной [Тулина, 1973], О.В. Уаровой [Уарова, 2006], М.И. Черемисиной [Черемисина, 1962, 1972, 1976], Н.В. Чуйкиной [Чуйкина, 2000], А.Е. Шевченко [Шевченко, 2003], И.В. Шенько [Шенько, 1972, 1972_1,1972_2] и др.

Проблема типологии сравнительных конструкций затрагивается в значительном количестве отечественных и зарубежных работ, в числе которых исследования Д.У. Ашуровой [Ашурова, 1970], Я.Г. Биренбаума

[Биренбаум, 1966], А.В. Ваганова [Ваганов, 1998], И.Р. Гальперина [Гальперин, 1958], Х.М. Гурбанова [Гурбанов, 1988], Н.М. Девятовой [Девятова, 2010, 2010_1, 2011, 2011_1], Г.И. Демидовой [Демидова, 1976], И.З. Искандеровой [Искандерова, 1982], Е.Н. Колодкиной, С.Г. Альгиной [Колодкина, Альгина, 1997], В.И. Кононенко [Кононенко, 1970], И.К. Кучеренко [Кучеренко, 1961], Л.А. Лебедевой [Лебедева, 1999], Н.Т. Мальшаковой [Мальшакова, 1953], Л.Н. Мурзина [Мурзин, 1998], И.В. Назаровой [Назарова, 2000], Е.А. Некрасовой [Некрасова, 1977], В.М. Огольцева [Огольцев, 1978], Е.М. Поркшеян [Поркшеян, 1991], Л.В. Разуваевой [Разуваева, 2008], Н.М. Сидяковой [Сидякова, 1967, 1969], Т.Н. Федуленковой [Федуленкова, 2000], Д.Н. Фельдман [Фельдман, 1968], И.В. Шенько [Шенько, 1972_2, 1977], Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1988], H. Bredin [Bredin, 1998], C. Fromilhague [Fromilhague, 1995], A. Ortony [Ortony, 1993], P. Pierini [Pierini, 2007].

Образное сравнение, в том числе в аспекте перевода, было рассмотрено в ряде отечественных и зарубежных научных работ. Изучением данной проблематики занимались Л.А. Абдушукурова [Абдушукурова, 1969], Д.У. Ашурова [Ашурова, 1970], Я.Г. Биренбаум [Биренбаум, 1966], Р.А. Будагов [Будагов, 1974], И.Р. Гальперин [Гальперин, 1958], В.Г. Голышева [Голышева, 1980, 1984, 1985], А.О. Григорьева, Н.Н. Иванова [Григорьева, Иванова, 1985], С.М. Мезенин [Мезенин, 1971], Е.К. Мельниченко [Мельниченко, 1980], А.Г. Назарян [Назарян, 1965], А.А. Рыженкова [Рыженкова, 2009], Е.Т. Скибицкая [Скибицкая, 1969], Н.В. Чуйкина [Чуйкина, 2000], И.В. Шенько [Шенько, 1969, 1972_2], Н.А. Широкова [Широкова, 1968], H. Bredin [Bredin, 1998], D. Chiappe [Chiappe, 2003], C. Fromilhague [Fromilhague, 1995], A. Ortony [Ortony, 1993], P. Pierini [Pierini, 2007].

Объектом настоящего исследования является индивидуальное образное сравнение как значимый компонент идиостиля английского

писателя Т. Пратчетта, играющий важную роль в изображении вторичного мира в его произведениях жанра комического фэнтези.

Предметом исследования являются способы адекватной и эквивалентной передачи индивидуальных образных сравнений при переводе художественного произведения жанра комического фэнтези с английского на русский язык.

Цель исследования состоит в том, чтобы на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» изучить и описать значимые для перевода структурно-семантические и функциональные особенности индивидуального образного сравнения как важного компонента идиостиля писателя, а также выявить способы адекватной и эквивалентной передачи индивидуальных образных сравнений на русский язык.

Поставленная цель определила необходимость решения следующего ряда **задач:**

1. Рассмотреть теоретические основы исследования индивидуального образного сравнения как компонента идиостиля Т. Пратчетта, для чего:

- изучить понятие «идиостиль», дать краткий обзор развития направления исследований, касающегося идиостиля, выявить роль индивидуального образного сравнения в идиостиле писателя;

- представить краткий обзор истории перевода романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» с английского языка на русский;

- провести аналитический обзор развития научных представлений о сравнении с акцентом на историю изучения сравнения с позиций лингвистики;

- изучить современное состояние научного знания о сравнении, в том числе исследовать роль сравнения в теории и практике перевода, рассмотреть феномен сравнения в его соотношении с метафорой, а также изучить проблему типологии сравнений;

- проследить историю изучения художественного образа в русле различных научных направлений, а также рассмотреть индивидуальное

образное сравнение с учетом достижений психолингвистики и психосемантики.

2. Проанализировать жанровые особенности романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир», относящихся к жанру комического фэнтези.

3. Определить особенности семантики и структурной организации индивидуальных образных сравнений в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир».

4. Изучить функционирование индивидуальных образных сравнений в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир».

5. Выявить роль индивидуального образного сравнения в изображении создаваемого автором вторичного мира.

6. Выявить значимые для целей перевода особенности индивидуальных образных сравнений в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир».

7. Провести сопоставительный анализ авторского текста рассматриваемых романов серии «Плоский мир» и текста переводов данных романов на русский язык и разработать рекомендации по адекватной и эквивалентной передаче индивидуальных образных сравнений с английского языка на русский с учетом выявленных особенностей данных сравнений.

В качестве рабочей **гипотезы** исследования было принято положение о том, что индивидуальные образные сравнения в силу высокой частотности и существенной функциональной нагруженности являются значимым компонентом идиостиля Т. Пратчетта, вследствие чего их адекватная и эквивалентная передача с английского языка на русский имеет важное значение для сохранения особенностей идиостиля Т. Пратчетта и специфики жанра комического фэнтези, при этом осмысление структурно-семантических и функциональных особенностей индивидуальных образных сравнений способствует достижению их адекватной и эквивалентной передачи в тексте перевода.

Научная новизна настоящего исследования состоит в следующем:

1. Впервые предпринимаются попытки детального изучения индивидуального образного сравнения как средства изображения вторичного мира в произведениях жанра комического фэнтези, в частности в произведениях Т. Пратчетта, и особенностей перевода данного типа сравнений на русский язык.

2. В результате проведения структурно-семантического анализа индивидуальных образных сравнений, отобранных из текстов романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир», впервые выявлена присущая ряду рассматриваемых сравнений *структурно-семантическая особенность*: наличие семантически парадоксального сочетания компонентов на уровне эталона сравнения.

3. В связи с установлением наличия вышеуказанной структурно-семантической особенности в значительном количестве рассматриваемых сравнений впервые выявлен и описан с позиций психосемантики, теории и практики перевода *новый тип эталона индивидуального образного сравнения – эталон с семантически парадоксальным сочетанием компонентов.*

4. Расширена разработанная Л.В. Разуваевой типология индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием с точки зрения восприятия ее реципиентом – добавлен *новый тип сравнительных конструкций* – сравнения, в которых основание определяется через воссоздание сконструированного автором образа, выраженного в эталоне сравнения.

5. Разработана и описана на примерах *процедура выявления смысла в различных типах индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием.*

6. Выявлены *значимые для целей перевода особенности процедуры выявления смысла индивидуальных образных сравнений, обусловленные наличием или отсутствием семантической парадоксальности на различных уровнях структуры сравнения*: на уровне сравнения в целом и на уровне структуры эталона сравнения.

7. Разработана *структурно-семантическая классификация индивидуальных образных сравнений* на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир», в рамках которой:

- в результате проведения анализа компонентов структуры индивидуальных образных сравнений и выявления их возможных комбинаций расширена классификация образных сравнений по степени сложности объекта и эталона, предложенная Х.М. Гурбановым. Введены понятия для обозначения выделяемых в рамках предлагаемой расширенной классификации видов структурных компонентов сравнений *объект-элемент, эталон-элемент, объект-ситуация, эталон-ситуация*. Понятия *«объект-элемент», «эталон-элемент»* введены для объекта и эталона соответственно, обозначающих предмет, явление, качество или действие. Понятия *«объект-ситуация», «эталон-ситуация»* введены для объекта и эталона соответственно, обозначающих ситуацию, под которой в настоящем исследовании понимается описание предметов, явлений, качеств или действий в их динамической взаимосвязи с другими предметами, явлениями, качествами или действиями;

- разработана и описана на примерах *классификация способов выражения объекта-элемента и эталона-элемента*: одной лексемой, словосочетанием;

- разработана и описана на примерах *классификация способов выражения объекта-ситуации и эталона-ситуации*: словосочетанием, предложением, группой предложений;

- расширено предложенное Х.М. Гурбановым понятие *«ситуативное сравнение»*, в настоящей работе оно определяется как сравнение, в котором один или все компоненты структуры (объект, эталон) имеет(ют) вид «ситуация». Уточнено понятие *«предметное сравнение»* – это сравнение, в котором все компоненты структуры (объект, эталон) имеют вид «элемент»;

- разработана и описана на примерах классификация индивидуальных образных сравнений в зависимости от семантического типа объекта или эталона вида «элемент»;

- разработана и описана на примерах классификация индивидуальных образных сравнений в зависимости от семантического типа объекта или эталона вида «ситуация». Выделено два крупных семантических типа ситуаций, возможных в тексте жанра фэнтези: реальная ситуация и нереальная ситуация.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в расширении имеющихся знаний о семантике и функционировании, а также типологии индивидуальных образных сравнений путем исследования особенностей таких сравнений в произведениях жанра комического фэнтези. В работе предпринимается попытка по осмыслению типологии образных сравнений в художественном тексте с позиций теории перевода и с учетом представлений о сравнении, сложившихся в психолингвистике, когнитивной лингвистике. В исследовании представлена авторская *структурно-семантическая классификация индивидуальных образных сравнений,* разработанная на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир», которая может дополнить представления о средствах выразительности, используемых в художественных произведениях, в частности в текстах жанра комического фэнтези.

В результате проведения структурно-семантического анализа индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» выявлена присущая ряду данных сравнений *структурно-семантическая особенность – наличие семантически парадоксального сочетания на уровне структуры эталона сравнения.* В связи с выявлением данной особенности у значительного количества сравнений, сообразуясь с современными представлениями различных научных направлений о художественном образе и с учетом достижений психосемантики в осмыслении природы индивидуального образного

сравнения, предлагается выделить *новый тип эталона* индивидуального образного сравнения – *эталон с семантически парадоксальным сочетанием компонентов*.

Таким образом, настоящее исследование направлено на содействие развитию представлений о лингвистической категории сравнения в русле современных научных тенденций.

Практическая ценность настоящей работы состоит в том, что её результаты и материалы могут найти применение при подготовке курсов и разработке учебных пособий по теории и практике перевода, лингвокультурологии, лингвостилистике, когнитивной лингвистике, а также при проведении практических занятий по данным дисциплинам. Разработанные рекомендации относительно особенностей перевода индивидуальных образных сравнений с учетом наличия семантически парадоксальных сочетаний компонентов на различных уровнях структуры сравнения, а также представленные процедуры выявления смысла различных типов индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием могут найти применение в практике перевода художественных текстов.

Теоретическую базу настоящей диссертации составили труды отечественных и зарубежных исследователей в следующих областях:

– теория и практика перевода: Л.С. Бархударов [Бархударов, 1975], Л.И. Борисова [Борисова, 1995, 2016], В.С. Виноградов [Виноградов, 1978, 2006], С. Влахов, С. Флорин [Влахов, Флорин, 1986], В.Г. Гак [Гак, 1998], Н.Л. Галеева [Галеева, 1999], В.Н. Гарбовский [Гарбовский, 2004], Н.Г. Епифанцева [Епифанцева, 2017], И.Г. Жирова [Жирова, 2013, 2019], И.Г. Жирова, Д.А. Паттерсон, Р.О. Ларби [Жирова, Паттерсон, Ларби, 2020], Т.А. Казакова [Казакова, 1989, 2006, 2008], В.Н. Комиссаров [1973, 1975, 1980, 1990, 2014], А.А. Лебедева [Лебедева, 2016, 2017, 2020], М.Н. Левченко, Е.М. Савина [Левченко, Савина, 2017], Л.С. Макарова [Макарова, 2006], О.И. Максименко [Максименко, 2007], О.И. Максименко,

Е.П. Подлегаева [Максименко, Подлегаева, 2019], Р.К. Миньяр-Белоручев [Миньяр-Белоручев, 1996], Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни [Нелюбин, Хухуни, 2006], М.Г. Новикова [Новикова, 2014], А.А. Осипова [Осипова, 2016], И.Я. Рецкер [Рецкер, 2004], Л.К. Свиридова [Свиридова, 2013], А.В. Федоров [Федоров, 1983], И.Н. Филиппова [Филиппова, 2014, 2015, 2016, 2020], Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева, А.А. Осипова [Хухуни, Валуйцева, Осипова, 2014_1, 2016], М.Я. Цвиллинг [Цвиллинг, 2009], Р.Р. Чайковский [Чайковский, 2011, 2017], А.Д. Швейцер [Швейцер, 1988, 1994, 1996], A. Neubert [Neubert, 1992], P. Newmark [Newmark, 1982];

– лингвокультурология и теория межкультурной коммуникации: Г.А. Антипов [Антипов, 1989], С.Г. Воркачев [Воркачев, 2001, 2015], М.С. Каган [Каган, 1988], В.И. Карасик [Карасик, 2002, 2011], О.П. Крюкова [Крюкова, 2019], Е.Л. Кузьменко [Кузьменко, 2016], О.А. Леонтович [Леонтович, 2007], О.И. Максименко, В.Ю. Хлебутина [Максименко, Хлебутина, 2015], В.А. Маслова [Маслова, 2018], В.В. Ощепкова [Ощепкова, 1995, 2017], В.В. Ощепкова, Н.В. Соловьева [Ощепкова, Соловьева, 2020], В.Н. Телия [Телия, 1999], С.Г. Тер-Минасова [Тер-Минасова, 2000], Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева [Хухуни, Валуйцева, 2003], Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева, А.А. Осипова [Хухуни, Валуйцева, Осипова, 2014], R. Brislin [Brislin, 1993];

– когнитивная лингвистика и психолингвистика: Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1973, 1990, 1990_1, 1998], В.П. Белянин [Белянин, 2011], И.И. Валуйцева, Г.Т. Хухуни [Валуйцева, Хухуни, 2016], Л.С. Выготский [Выготский, 2011], С.В. Гринёв-Гриневич, Э.А. Сорокина [Гринёв-Гриневич, Сорокина, 2016], А.Е. Гусева [Гусева, 2008, 2011], И.Г. Жирова, Е.П. Савченко [Жирова, Савченко, 2014], О.А. Корнилов [Корнилов, 2003], А.В. Кравченко [Кравченко, 1996], Е.А. Красина, Н.В. Перфильева [Красина, Перфильева, 2016], В.В. Красных [Красных, 2001], А.А. Леонтьев [Леонтьев, 2003], З.Д. Попова, И.А. Стернин [Попова, Стернин, 2001, 2007], Т.Г. Пшенкина [Пшенкина, 1984, 1998, 2002], И.М. Румянцева [Румянцева,

2000], Ю.А. Сорокин [Сорокин, 1985, 1998], Э.А. Сорокина [Сорокина, 2012], Ю.С. Степанов [Степанов, 1985], И.А. Стернин [Стернин, 1979], Т.А. Фесенко [Фесенко, 2001], G. Lakoff, M. Johnson [Lakoff, Johnson, 2003], L. Talmy [Talmy, 2001];

– проблематика компаративных структур в языке: Я.Г. Биренбаум [Биренбаум, 1962, 1966, 1980, 1987], В.В. Виноградов [Виноградов, 1959, 1980], И.Р. Гальперин [Гальперин, 1958], Н.М. Девятова [Девятова, 2010, 2010_1, 2011, 2011_1], Л.А. Лебедева [Лебедева, 1999], В.М. Огольцев [Огольцев, 1974, 1978], А.М. Пешковский [Пешковский, 2001], А.А. Потебня [Потебня, 1914], М.И. Черемисина [Черемисина, 1973, 1976], Н.Л. Шадрин [Шадрин, 1991], Н.А. Широкова [Широкова, 1968], H. Bredin [Bredin, 1998], D. Chiappe [Chiappe, 2003], C. Fromilhague [Fromilhague, 1995], A. Ortony [Ortony, 1993], P. Pierini [Pierini, 2007].

Сформулированные цель и задачи основываются на **методологическом положении** о диалектической связи языка, сознания и культуры, а также их взаимной обусловленности. В настоящем исследовании мы опираемся на антропоцентрическое понимание сравнения, разработанное в русле междисциплинарного общенаучного подхода и отраженное в зарубежных исследованиях психолингвистического направления, а также получающее развитие в современной отечественной лингвистике. Мы ведем работу с позиций междисциплинарного, а также системного общенаучных подходов, поскольку сравнение понимается нами как сложная антропоцентрическая система, входящая, в свою очередь, в состав систем более высокого уровня. В настоящем исследовании нашли применение общенаучные **методы** анализа и синтеза, описания, сравнения, обобщения, интерпретации научных данных. В работе использованы следующие частнонаучные методы исследования: метод лингвистического описания, сравнительно-сопоставительный метод, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа, метод количественных подсчетов.

Материалом настоящего исследования послужили относящиеся к серии «Плоский мир» (“Discworld”) романы Т. Пратчетта «Ведьмы за границей» (“Witches Abroad”), «Вещие сестрички» (“Wyrd Sisters”), «Вор времени» (“The Thief of Time”), «Мор, ученик Смерти» (“Mort”), «Мрачный Жнец» (“Reaper Man”), «Роковая музыка» (“Soul Music”), «Санта-Хрякус» (“Hogfather”) и их переводы на русский язык. Из текстов рассматриваемых романов методом сплошной выборки извлечены более 2000 единиц индивидуальных образных сравнительных конструкций.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Одной из важнейших характеристик жанра комического фэнтези является создание писателем вторичного мира, для изображения которого автор использует средства выразительности, выполняющие особые функции. Романы Т. Пратчетта серии «Плоский мир» отличаются тщательной проработанностью вторичного мира. Основным образным средством, с помощью которого Т. Пратчетт создает реальность вторичного мира, является индивидуальное образное сравнение в силу высокой частотности его употребления, а также высокой значимости выполняемых им функций.

2. Идиостиль Т. Пратчетта характеризуется широким использованием образных языковых средств, помогающих передать нереалистичные образы вторичного мира. Индивидуальное образное сравнение является преобладающим средством выразительности в романах серии «Плоский мир», оно неизменно присутствует в рассматриваемой серии романов, составляющей значительную часть творческого наследия Т. Пратчетта, в связи с чем, согласно В.В. Виноградову, оно может быть отнесено к средствам выражения, образующим «стилистическое ядро» произведений автора [Виноградов, 1963, с. 80], или к *стилистическим доминантам* идиостиля Т. Пратчетта.

3. Индивидуальные образные сравнения в романах Т. Пратчетта используются в функциях: а) описания вторичного мира; б) акцентуации внимания на необычной природе вторичного мира; в) создания комического

эффекта; г) передачи чувств, эмоций, ощущений; д) выражения оценочного суждения.

4. Индивидуальные образные сравнения, широко используемые Т. Пратчеттом в романах серии «Плоский мир», обладают рядом структурно-семантических особенностей, в числе которых наличие в значительном количестве сравнений семантически парадоксальных сочетаний на различных уровнях структуры сравнения, в том числе наличие выявленного в ходе настоящего исследования *семантически парадоксального сочетания компонентов на уровне структуры эталона сравнения*. Также для рассматриваемых текстов Т. Пратчетта характерно значительное количество индивидуальных образных сравнений *с имплицитно выраженным основанием,* представляющих существенные трудности для перевода в связи с тем, что в таких сравнениях реципиенту сложнее выявить важные для сохранения смысла сравнения значения, заложенные автором в семантическую структуру сравнительной конструкции.

5. В связи с наличием в рассматриваемых сравнениях описанных выше структурно-семантических особенностей, осложняющих процесс выявления их смысла, а также в силу значимости функций, которые выполняют в рассматриваемых романах индивидуальные образные сравнения, проблема их перевода имеет существенное значение. Применение разработанной в настоящем исследовании *процедуры выявления смысла в различных типах индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием* способствует приближению к адекватной и эквивалентной передаче индивидуальных образных сравнений с английского языка на русский, что содействует возможно полному сохранению особенностей идиостиля Т. Пратчетта и жанровых особенностей комического фэнтези.

6. *Процедура выявления смысла* индивидуальных образных сравнений содержит следующие значимые для целей перевода *особенности*,

обусловленные наличием или отсутствием семантической парадоксальности на различных уровнях структуры сравнения:

- в сравнениях, *не содержащих семантически парадоксальных сочетаний компонентов*, процедура выявления смысла сравнения предполагает опору на пресуппозицию для осмысления образа, передаваемого эталоном сравнения, а также проведение компонентного анализа элементов сравнения – эталона и основания (в случае его эксплицитного выражения) в целях выявления значимых для сопоставления сем;

- в сравнениях*, содержащих семантически парадоксальное сочетание компонентов на уровне структуры сравнения в целом*, вышеописанная процедура осложняется необходимостью провести анализ контекста произведения с целью выявления значений, привнесенных автором в состав сравнения и положенных в основу сопоставления объекта и эталона;

- в сравнениях, *содержащих семантически парадоксальное сочетание компонентов на уровне структуры эталона сравнения,* процедура выявления смысла осложняется необходимостью провести синтез составляющих семантически парадоксальное сочетание образов, передаваемых компонентами эталона, чтобы по мере возможности воссоздать сконструированный автором образ, передаваемый эталоном сравнения, и выявить заложенные в нём существенные для рассматриваемого сопоставления значения. При этом в ходе анализа эталона данного типа опора на пресуппозицию происходит лишь на уровне компонентов эталона в отдельности, поскольку передаваемый эталоном целостный образ создан автором и не может быть известен реципиенту.

Достоверность выводов и результатов исследования обеспечивается, во-первых, репрезентативной выборкой единиц анализа (индивидуальных образных сравнений); во-вторых, комплексной методикой исследования, отвечающей поставленным целям и задачам.

Апробация работы. Основное содержание представленных результатов исследования апробировано в ходе обсуждений на заседаниях кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области Московского государственного областного университета (21.11.2018, 11.09.2019, 15.01.2020, 08.06.2020, 18.11.2020), а также докладывалось на научных конференциях, среди которых Международные научно-практические конференции ИЛиМК МГОУ: «Лингвистическое наследие Л.В. Щербы в свете современной науки о языке» (2020), «Американская лингвистика: наследие и современность (к 135-летию со дня рождения Э. Сепира)» (2020), а также Всероссийская научно-практическая онлайн-конференция с международным участием «Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики» (2020). Тезисы из представленных на данных конференциях докладов опубликованы в виде статей РИНЦ в сборниках по материалам конференций.

Материалы исследования отражены в публикациях общим объемом 5,5 п.л., в том числе в 4 статьях, опубликованных в журналах перечня ведущих периодических изданий ВАК РФ.

Структура работы определяется логикой поставленных цели и задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Во введении обосновывается актуальность темы и характеризуется степень её разработанности, устанавливаются объект и предмет исследования, определяются его цель и задачи, раскрываются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, описываются методология и материал исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации полученных результатов и публикациях по теме работы.

В первой главе рассматриваются теоретические вопросы исследования индивидуального образного сравнения как компонента идиостиля Т. Пратчетта, в числе которых история перевода романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир», развитие научных представлений о сравнении как о междисциплинарной категории, а также о сравнении как о категории языка, сравнение в теории и практике перевода, сравнение и метафора в отечественных и зарубежных исследованиях, проблема типологии сравнений, феномен образности в теориях различных научных направлений, психосемантический аспект исследования индивидуального образного сравнения.

Во второй главе раскрываются жанровые особенности романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир», представляются результаты структурно-семантического анализа индивидуальных образных сравнений в исследуемых романах, а также описываются функции индивидуального образного сравнения в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир» и характеризуется его роль в изображении создаваемого автором вторичного мира.

В третьей главе описываются выявленные в ходе исследования значимые для целей перевода структурно-семантические особенности изучаемых индивидуальных образных сравнений, определяется и рассматривается на примерах их влияние на процесс перевода. Также представляются результаты сопоставительного анализа текста рассматриваемых романов и их переводов на русский язык и предлагаются рекомендации по адекватной и эквивалентной передаче индивидуальных образных сравнений с английского языка на русский с учетом выявленных особенностей данных сравнений.

В заключении подводятся итоги и обобщаются основные результаты работы, намечаются перспективы дальнейших исследований.

В списке литературы приводится перечень научных работ, словарей и энциклопедических изданий, а также лингвистического материала, использованных в ходе исследования.

Глава 1. Теоретические предпосылки исследования индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» и их переводов на русский язык

Вводные замечания и задачи главы

Глобальный эволюционизм, в том числе и художественной литературы, предполагающий широкое разнообразие жанров, предопределил и пути лингвистического поиска в области исследования адекватности передачи особенностей индивидуально-авторской идиостилистики.

Термином «идиостиль» обозначают «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, Электронный ресурс]. Проблема индивидуального стиля речи носит междисциплинарный характер, в связи с чем в научной литературе она рассматривается в различных аспектах: науковедческом, историко-научном, психологическом, функционально-стилистическом. В зависимости от подхода к рассмотрению идиостиля изучению подвергаются различные свойства текста: идейно-содержательные, концептуально-содержательные, коммуникативно целесообразные и другие [Там же].

При изучении идиостиля на первый план выдвигаются интеллектуальные особенности человека, которые проявляются на сложных уровнях организации языковой личности – мотивационном и лингвокогнитивном. Именно соотношение феномена идиостиля со сложными уровнями использования языка рассматривается в научной литературе как основание для дифференциации близких, но не тождественных понятий *«идиолект»* и *«идиостиль».* Согласно определению, приведенному М.П. Котюровой в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка», идиолектом называется «совокупность собственно структурно-

языковых особенностей (стабильных характеристик), имеющих место в речи отдельного носителя языка» [Там же]. Идиостиль же определяется как «совокупность именно речетекстовых характеристик отдельной языковой личности (индивидуальности писателя, ученого, конкретного говорящего человека)». При этом уточняется, что идиостиль формируется под влиянием всей экстралингвистической основы: функционально-стилевой, жанрово-стилевой, индивидуально-стилевой [Там же].

Понятие «идиостиль» традиционно используется при обсуждении стилей художественной литературы, рассмотрении стиля какого-либо писателя, изучении стиля определенного художественного произведения, в ходе работы над проблемами, касающимися интерпретации текстов. В.Г. Белинский писал, что все талантливые авторы обладают своим «слогом», под которым он понимал «непосредственное, данное природою уменье писателя употреблять слова в их настоящем значении, выражаясь сжато, высказывать много, быть кратким в многословии и плодовитым в краткости, тесно сливать идею с формою и на все налагать оригинальную, самобытную печать своей личности, своего духа» [Русские писатели о литературном труде, 1954, с. 681]. Д. Кристал и Д. Дейви отмечают, что «изучение индивидуального стиля автора, пожалуй, наиболее интересное поле деятельности для исследователя-филолога» [Кристал, Дейви, 1980, с. 165]. Изучение идиостиля представляет весьма значимое направление исследований для целей перевода, поскольку, как точно отмечает в своем исследовании, посвященном полижанровости идиостиля в аспекте перевода, В.М. Кузурман, «идиостиль очерчивает перед переводчиком тот магический круг, за который ему непозволительно переступать, и границы которого он обязан строго охранять» [Кузурман, 2004, с. 43].

Однако проблему идиостиля нельзя назвать в значительной степени разработанной. Направление исследований под общим названием «язык и стиль писателя» активно развивалось в начале второй половины XX века, позже оно было признано рядом ученых непродуктивным, и лишь в конце

XX – начале XXI века стали появляться работы, посвященные идиостилям различных авторов [Там же. С. 36]. Данные обстоятельства обусловливают наличие существенного количества недостаточно разработанных вопросов в рассматриваемом направлении исследований. Одним из таких вопросов является создание писателем образных сравнений.

Сравнение признается в науке основным способом категоризации внешнего мира, оно также находит свое выражение в языке, становясь частью языковой картины мира [Федорцова, Кощеева, 2013, с. 1060]. Индивидуальное образное сравнение формирует уникальный образ мира автора, несет в себе отражение специфики его образного мышления. Исследование сравнения как лингвистической категории получило широкое освещение в научной литературе, в настоящей главе мы подробно остановимся на этом вопросе. При этом многоаспектность феномена сравнения как носителя когнитивной информации в художественном тексте обусловливает перспективность дальнейшей работы в исследовании индивидуальных образных сравнений [Шевченко, 2003, с. 6].

Определение индивидуального образного сравнения как значимого компонента идиостиля Т. Пратчетта объясняется высокой степенью насыщенности текстов рассматриваемой серии романов писателя окказиональными сравнительными конструкциями, а также наличием у данных конструкций ряда структурно-семантических и функциональных особенностей, изучение которых представляет интерес как для рассмотрения в рамках исследования идиостиля писателя, так и для целей перевода. Как отмечает В.В. Виноградов, изучение идиостиля писателя сопряжено с выявлением «того стилистического ядра, той системы средств выражения, которая неизменно присутствует в произведениях этого автора, хотя бы в пределах отдельного периода его творчества» [Виноградов, 1963, с. 80]. Результаты исследования текстов романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» позволяют назвать индивидуальное образное сравнение одним из таких средств, характеризующих стиль Т. Пратчетта, существенным компонентом

его идиостиля, своеобразие которого необходимо сохранить при переводе текстов писателя.

Таким образом, исходя из глобального эволюционизма художественной литературы и причинной обусловленности изучения индивидуального образного сравнения как значимого компонента идиостиля Т. Пратчетта, в целях описания теоретических предпосылок настоящего исследования в соответствии с поставленными задачами в данной главе мы дадим краткий аналитический обзор истории переводов романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир», проследим путь развития научных представлений о сравнении как о междисциплинарной категории, а также как о категории языка, рассмотрим вопрос о роли сравнения в теории и практике перевода, представим аналитический обзор теорий об отношениях сравнения и метафоры, затронем проблему классификации сравнений в языкознании, рассмотрим феномен образности в теориях различных научных направлений, а также особенности индивидуального образного сравнения, выделяемые в рамках психосемантики.

1.1. История перевода романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» с английского языка на русский

Терри Пратчетт, английский писатель-фантаст, кавалер ордена Британской империи, является одним из наиболее читаемых авторов Англии. Известность ему принесли романы серии «Плоский мир», действие которых разворачивается в фантастическом мире в форме плоского диска, который покоится на спинах четырех гигантских слонов, стоящих на панцире еще более огромной морской черепахи, плывущей сквозь космическое пространство. Серия книг о Плоском мире получила признание за «увлекательные сюжетные линии, фантастические миры, описанные вплоть до мельчайших подробностей, и постоянно расширяющийся состав сквозных персонажей» *(перевод наш – Т.Б.)* [Britton, 2018, p. 1]. При этом ряд критиков

не воспринимали романы всерьёз, называя их «развлекательным чтивом, занимательной формой эскапизма». Сам Т. Пратчетт признавал, что его ранние работы, такие как «Цвет волшебства» (“The Colour of Magic”, 1983), были шуточными романами. Однако с тех пор книги серии о Плоском мире превратились из грубоватой насмешливо-иронической пародии в полноценный сатирический параллельный мир [Ibid.]. В определенном смысле романы о Плоском мире «выросли» с введением сложно организованной повествовательной структуры и серьезной сатиры, а также с переключением пристального внимания автора с высмеивания недостатков жанра фэнтези на размышления о нашем собственном мире через призму критики. Серия книг Т. Пратчетта о Плоском мире «…выставляет на всеобщее обозрение неудобную правду о человеке, приправленную щепоткой волшебства … окутывая неприглядные вещи музыкой и магией, чтобы сделать их более сносными, не прибегая ко лжи» *(перевод наш – Т.Б.)* [Ibid. P. 2]. Сочетая общепринятые приемы жанра фэнтези и сатиру, Т. Пратчетт ретранслирует социальную критику реального мира посредством искусно построенных образных средств языка, вызывая у читателей как смех, так и глубокие размышления.

Романы серии «Плоский мир» переведены на тридцать шесть языков и нашли признание у читателей по всему миру [Fantasy Book Review, Электронный ресурс]. Русскоязычные переводы романов серии «Плоский мир» появились в конце 90-х годов прошлого века. К настоящему времени переводы романов широко представлены текстами профессиональных переводчиков, среди которых Н. Берденников [Пратчетт, 2016_2, 2018_1, 2019]; В. Вольфсон [Пратчетт, 2016_1]; М. Губайдуллин; А. Жикаренцев [Пратчетт, 2016_2]; П. Киракозов [Пратчетт, 2016]; И. Кравцова; Е. Музыкантова [Пратчетт, 2020]; В. Сергеева; С. Увбарх [Пратчетт, 2018]; Е. Шульга.

Серия романов разбита на циклы, внутри которых существуют сквозные персонажи, встречаются одни и те же локации. В русскоязычной версии книги внутри одного цикла переведены разными переводчиками,

вследствие чего в текстах существует множество более или менее удачных версий перевода одних и тех же окказионализмов. В переводах присутствует множество неточностей, связанных со сложностями передачи игры слов, аллюзий, метафор и сравнений. Этими обстоятельствами можно объяснить появление любительских переводов романов серии «Плоский мир» в сети Интернет.

В связи с тем, что переводы романов серии «Плоский мир» с английского языка на русский выполнены различными переводчиками, при восприятии русскоязычных текстов романов ощущается разрозненность, серия не производит впечатления стилистически единого произведения. При этом оригинальные тексты характеризуются ярким, узнаваемым авторским стилем, который отличают легкий слог, виртуозное использование образных средств языка, реалистичное описание фантастического, тонкий юмор и ненавязчиво мудрые ироничные замечания. В переводах зачастую слог становится тяжелее, а заложенные автором смыслы искажаются. Данное обстоятельство можно связать с тем, что Т. Пратчетт обладает сложным для передачи на языке перевода идиостилем, который, на наш взгляд, нуждается в научном осмыслении. Тексты романов писателя характеризуются значительным количеством трудных для перевода фрагментов, поскольку насыщены интертекстуальными включениями, авторскими неологизмами, в числе которых множество номинативно-характеристических онимов и топонимов, а также образных средств языка. Дополнительные затруднения при переводе вызывает низкая степень изученности особенностей перевода молодого жанра комического фэнтези, к которому относят данные произведения. Эти обстоятельства превращают романы Т. Пратчетта серии «Плоский мир» в весьма перспективный для научного исследования материал. Сегодня произведения Т. Пратчетта привлекают все больше внимания, признается вклад писателя в развитие жанра комического фэнтези. Материал романов вызывает интерес специалистов в области лингвистики и переводоведения из разных стран. В настоящей работе мы сосредоточим

внимание на изучении индивидуального образного сравнения как одного из значимых компонентов идиостиля Т. Пратчетта, вызывающего существенные трудности при переводе.

1.2. Сравнение как междисциплинарная категория. Подходы к изучению сравнения в теории и практике перевода

1.2.1. История развития научных представлений о категории сравнения

1.2.1.1. Сравнение как универсальная логическая категория

Центральное понятие настоящего исследования – «сравнение» – представляет собой сложную междисциплинарную категорию, интерес к которой возник еще в античной философии. Аристотель, основоположник формальной логики, считал сравнение универсальным методом познания. Философ полагал, что познание самой сущности вещей не представляется возможным, а представление о каком-либо объекте окружающего мира можно получить только с помощью познания его качественного своеобразия через сравнение данного объекта с другими. Так, например, невозможно назвать нечто большим или малым без сопоставления его с другими вещами [Аристотель, 1976, с. 228]. Также Аристотель определил важное условие, необходимое для проведения операции сравнения, – наличие в сравниваемых объектах чего-либо тождественного, в чем отличаются между собой эти объекты, иначе говоря, общего признака, по которому можно их сравнивать между собой [Там же. С. 259]. В дальнейшем многие философы и ученые затрагивали в своих трудах проблему сравнения, однако, как отмечается в ряде источников, ничего принципиально нового ими сказано не было, сравнение все так же признавалось основополагающим средством познания мира [Дингилевская, 2013, с. 45; Рыженкова, 2009, с. 11]. Так, К.Д. Ушинский утверждал: «Сравнение есть основа всякого понимания и всякого мышления.

Все в мире мы узнаем не иначе, как через сравнение, и если бы нам представился какой-нибудь новый предмет, которого мы не могли бы ни к чему приравнять и ни от чего отличить (если бы такой предмет был возможен), то мы не могли бы составить об этом предмете ни одной мысли и не могли бы сказать о нем ни одного слова» [Бартон, 1978, с. 4–5]. Американский философ, логик и математик У.О. Куайн замечал, что «нет ничего более фундаментального для мышления и языка, чем наше ощущение подобия» [Quine, 1977, p. 157]. Отечественный философ В.Т. Павлов называл сравнение «наиболее простым и широко распространенным логическим методом» [Павлов, 1961, с. 24]. Американский лингвист и антрополог Э. Сепир отмечал, что сравнение является самым древним видом интеллектуальной деятельности, предшествующим счету [Сепир, 1993].

На сегодняшний день под сравнением в широком смысле понимается логическая категория, необходимая для познания окружающего мира [Рыженкова, 2009, с. 12]. Как и в учении Аристотеля, в современной логике считается, что сравнению могут подлежать лишь объекты, имеющие какой-либо общий признак, называемый основанием сравнения. Определения сравнения как логической категории включают отмеченное Аристотелем указание на необходимое наличие основания сравнения. Так, в энциклопедии эпистемологии и философии науки сравнение называется «операцией по сопоставлению нескольких объектов с целью выяснения степени их взаимного подобия» и уточняется, что данная операция применима лишь к объектам, имеющим какой-либо общий признак, рассматриваемый в качестве основания сравнения [Энциклопедия эпистемологии и философии науки, 2009, с. 928]. В философской энциклопедии сравнение определяется как «познавательная операция, посредством которой на основе некоторого фиксированного признака – основания сравнения – устанавливается равенство либо различие объектов путем их попарного сопоставления». Там же приводится цитата Д. Юма о том, что операция сравнения имеет смысл

только для тех объектов, «...между которыми есть хоть какое-нибудь сходство» [Философская энциклопедия, Электронный ресурс].

В «Логическом словаре-справочнике» Н.И. Кондакова сравнение определяется как «один из основных логических приемов познания внешнего мира и духовных ценностей». Н.И. Кондаков отмечает, что познание каждого предмета и явления начинается с того, что мы его «отличаем от всех других предметов и устанавливаем его сходство с родственными предметами». В процессе познания различение и сходство находятся в неразрывном единстве, и операция сравнения применяется и в ходе обобщения, и в умозаключениях по аналогии, а также в индукции и дедукции [Логический словарь-справочник, 1975, с. 567].

Таким образом, сравнение как категория логики рассматривается в качестве основополагающего метода, приема или операции познания, при этом необходимым элементом сравнения является наличие основания – общего признака сравниваемых предметов. Как отмечает Н.И. Кондаков, значимость сравнения как метода познания состоит в том, что он «органически входит во всю практическую деятельность людей» [Там же]. В современной науке операция сравнения встроена в систему научных методов, в самих названиях многих научных направлений отражена их связь с категорией сравнения (сравнительная анатомия, сравнительно-историческое языкознание и др.), особо выделяют и сравнительный метод.

В рамках изучения сравнения как логической категории была разработана его структура. В.И. Бартон, изучавший сравнение как средство познания, определяет его как основной фактор процесса отражения объективной действительности и дает наиболее полную структуру сравнения [Бартон, 1978, с. 3]. В ней он выделяет следующие элементы: 1) объект, который подвергается сравнению; 2) объект, с которым сравнивается первый объект; 3) свойство, по которому объекты сравниваются, или основание сравнения; 4) вывод из сравнения. Первые три элемента традиционно выделяются учеными в структуре сравнения, четвертый же элемент внесен

В.И. Бартоном на том основании, что сравнение как метод познания должно производить новое знание, не ограничиваясь лишь констатацией тождества или различия сопоставляемых объектов. В выводе из сравнения и содержится данное новое знание о величине или степени интенсивности рассматриваемого свойства объекта, с которым сравнивают, относительно объекта, подвергаемого сравнению [Там же. С. 33–34]. В отличие от построения сравнений в рамках логики, реализация сравнения в языке далеко не всегда подразумевает эксплицитное выражение нового знания, а само знание носит субъективный характер.

1.2.1.2. Сравнение как категория теории языка

На основе разработанной в рамках логики структуры сравнения строятся теории сравнения в языкознании. Как правило, в структуре сравнения как лингвистической категории упоминаются первые три названных выше компонента. Так, А.А. Потебня отмечал, что «сам процесс познания есть процесс сравнения» и выделял в этом процессе три компонента: познаваемое (то, что подвергается сравнению), познанное (то, с чем сравнивается познаваемое) и третья величина – нечто общее между познаваемым и познанным [Потебня, 1914, с. 130].

М.А. Шапиро понимает под сравнением уподобление объекта сравнения (изображаемого факта или явления действительности) образу сравнения (другому факту или явлению, привлекаемому в качестве изобразительного средства). Основанием для сравнения является признак их сходства [Шапиро, 1958, с. 4].

М.Б. Крепс обозначает компоненты сравнения как тему (объект, подвергаемый сравнению), рему (то, с чем сравнивается объект) и основание сравнения. Сравнение в понимании М.Б. Крепса представляет собой «средство образного описания явлений окружающей действительности, описания внешнего облика, характера и других качеств» [Крепс, 1973, с. 64].

М.И. Черемисина также говорит о теме и реме в структуре сравнения, понимая под темой сравниваемый объект, а под ремой – компаративный образ или имя объекта, с которым сравнивается первый объект; в качестве третьего компонента М.И. Черемисина называет показатель сравнения [Черемисина, 1973, с. 17].

Значительный вклад в изучение языкового сравнения внес В.М. Огольцев. Наряду с определением элементов структуры языкового сравнения (предмета, подвергаемого сравнению, образа сравнения и признака-основания сравнения), он описывает логическую процедуру проведения сравнения. В ней В.М. Огольцев выделяет три этапа: сопоставление предметов и выявление общего признака; сопоставление проявлений этого общего признака; сопоставление степени интенсивности двух проявлений данного признака. Языковая компаративная конструкция фиксирует результат проведенной логической операции сравнения. Отдельно ученый упоминает такой компонент, как показатель или модуль сравнения – грамматическое средство выражения компаративных отношений, указывающее на факт уподобления. Показатель сравнения – это средство языкового оформления сравнительных отношений (например, союзы как, словно, точно в русском языке) [Огольцев, 1978, с. 5]. В.М. Огольцев рассматривает сравнение как способ познания и полагает, что цель сравнения – опираясь на нечто известное, понять нечто еще не познанное [Там же. С. 34]. Такой подход приближает его трактовку сравнения к структуре сравнения В.И. Бартона [Бартон, 1978], выделявшего результат сравнения в качестве четвертого компонента его структуры.

Я.Г. Биренбаум предлагает для сравниваемого объекта термин «компарат», а то, с чем сравнивают, называет «компарант», выделяя также основание сравнения [Биренбаум, 1987, с. 52]. В то время как А.В. Терентьев выделяет в структуре сравнения референт (слово или группа слов, описываемые с помощью компаративной единицы), модуль сравнения (компонент, выполняющий функции дифференциации и интенсификации

референта) и агент (основание сравнения) [Терентьев, 1997, с. 16]. Е.Н. Колодкина и С.Г. Альгина, рассматривая сравнение в английском языке, называют компоненты структуры сравнительной конструкции объектом сравнения, образом сравнения и общим признаком данных элементов. [Колодкина, Альгина, 1997, с. 25]. О.П. Разумова обозначает то, что сравнивается, субъектом сравнения, а то, с чем сравнивается, объектом сравнения. Третий компонент О.П. Разумова называет признаком-основанием, с помощью которого производится сравнение. [Разумова, 1998, с. 95]. О.В. Уарова, как и В.М. Огольцев, отмечает наличие четырех компонентов в структуре сравнения: референта (объекта, который сравнивается), агента (объекта, с которым идет сравнение), основания (признака сравнения) и связки подобия (грамматического средства выражения сравнения) [Уарова, 2005, с. 138].

Н.М. Девятова в своем исследовании сравнительных конструкций русского языка, наиболее новом из перечисленных, также упоминает о четырехкомпонентной структуре сравнения, в которую входит объект сравнения (то, что сравнивается), эталон сравнения (то, с чем сравнивается объект), общий признак сравнения или компаративная константа и показатель сравнительного отношения [Девятова, 2011, с. 3].

В зарубежной литературе также достаточно распространена трехчастная структура сравнения и встречаются различные наименования основных ее компонентов. Так, Дж. Миллер выделяет в сравнительной конструкции референт (сравниваемый объект), релят (то, с чем сравнивают) и основание сравнения [Miller, 1993, p. 358]. К. Фромильхейг также пишет о трех компонентах структуры сравнения, выделяя в ней сравниваемое, то, с чем сравнивают, и показатель сравнения [Fromilhague, 1995, p. 73–74]. А. Ортони обозначает объект сравнения темой, а то, с чем его сравнивают, оболочкой [Ortony, 1993, p. 345].

Таким образом, в языкознании получила широкое распространение трехчленная структура сравнения, включающая объект, подвергаемый

сравнению, объект, с которым проводится сравнение и признак, по которому сравниваются два эти объекта. Ряд ученых также называют в качестве компонента показатель сравнения, и в наиболее новых исследованиях, как правило, говорится о четырехкомпонентной структуре сравнения, включающей все перечисленные элементы.

При преимущественно одинаковом подходе к определению основных компонентов языкового сравнения среди ученых нет единого мнения по поводу наименования этих составляющих. К одним из наиболее частотных терминов для обозначения компонентов структуры сравнения относятся термины «субъект сравнения», «объект сравнения», «основание сравнения» [Веселовский, 1989, с. 101; Гужанов, 1984, с. 129; Разумова, 1998, с. 95]. Широкое распространение также получили термины, предложенные А.А. Потебней [Потебня, 1914, с. 130]: «предмет сравнения» – то, что подвергается сравнению; «образ сравнения» – то, с чем сравнивается предмет сравнения [Образцова, 1973, с. 45; Троицкий, 1983, с. 49; Федоров, 1985, с. 56].

Во избежание возможности неоднозначной трактовки понятий «субъект сравнения» и «образ сравнения» в настоящем исследовании будем использовать термины, предложенные Н.М. Девятовой [Девятова, 2011, с. 3]: *«объект сравнения»* – для обозначения того, что подвергается сравнению, *«эталон сравнения»* – для обозначения того, с чем сопоставляется объект Общий признак объекта и эталона будем называть закрепившимся в научной литературе термином *«основание сравнения»*. Для обозначения средства языкового оформления сравнительных отношений будем использовать также устоявшийся термин *«показатель сравнения»*.

В понимании структуры сравнения как лингвистической категории будем опираться на наиболее полную ее модель, разработанную В.М. Огольцевым [Огольцев, 1978] и закрепившуюся в современной научной литературе. То есть будем придерживаться его точки зрения о том, что компаративная конструкция имеет следующий компаративно-компонентный

состав: средства выражения логических элементов сравнения (в принятой нами терминологии – объект сравнения, эталон сравнения и основание сравнения) и средство языкового выражения компаративных отношений между ними (показатель сравнения). Кроме того, модель В.М. Огольцева подразумевает понимание сравнения как мыслительной операции, позволяющей на основании сопоставления получить новое знание. Т.е. результат сравнения, четвертый и необходимый, по В.И. Бартону [Бартон, 1978], компонент структуры сравнения как категории логики, заложен в модели В.М. Огольцева [Огольцев, 1978], согласно которой языковая компаративная конструкция фиксирует результат проведенной логической операции сравнения.

В то время как по вопросу структуры языкового сравнения у ученых не возникает существенных разногласий, трактовка понятия сравнения вызывает серьезные затруднения. Категория сравнения имеет долгую историю изучения в рамках филологических наук. Выделяют риторико-поэтологическое, литературоведческое и лингвистическое направления исследований сравнения в филологии [Уарова, 2005, с. 136]. Как отмечает Н.М. Девятова, лингвистика изучает сравнение как целостный лингвистический объект, в то время как риторика и литературоведение рассматривают выразительные возможности сравнения [Девятова, 2010_1, с. 4].

К вопросу о разногласиях в понимании категории сравнения добавим, что в литературоведении, по-видимому, не сложился единый подход к определению статуса сравнения. Ряд ученых относит сравнение к тропам, поскольку при сравнении какого-либо предмета с другим яснее проявляются его свойства [Уарова, 2005, с. 138]. И.В. Шенько называет сравнение тропом на том основании, что сравнение, как и метафора, обладает функцией «приписывать» признаки объекту [Шенько, 1972, с. 153]. Исследователи, не относящие сравнение к тропам, исходят из того, что при сравнении семантическое сближение заранее ограничивается и не подразумевается

изменение значения сопоставляемых единиц. Такие расхождения в понимании природы сравнения связывают с отсутствием единого подхода в определении тропов [Уарова, 2005, с. 138].

1.2.1.3. Основные подходы к изучению сравнения в лингвистике

Рассмотрим различные подходы к изучению сравнения в рамках лингвистического направления. В отечественном языкознании сложилось несколько подходов к исследованию сравнения, каждый из которых рассматривает определенный аспект данного явления. В качестве основных подходов выделяют лингвоструктурный и функционально-стилистический. Лингвоструктурный подход направлен на выявление и изучение языковых средств выражения сравнения. Он включает в себя синтаксический (или грамматический), лексико-семантический и фразеологический подходы. Функционально-стилистический подход направлен на изучение употребления и функционирования сравнения в тексте [Рыженкова, 2009, с. 16].

Синтаксический подход подразумевает изучение синтаксических средств языка, с помощью которых может быть выражено сравнение. В рамках данного подхода рассматриваются такие вопросы, как статус и семантика союзов, с помощью которых вводятся сравнения, и структура придаточных предложений, выражающих сравнение. Ряд работ в этом направлении исследований посвящен изучению определенных синтаксических моделей сравнения. Синтаксический подход отражен в исследованиях Я.Г. Биренбаума [Биренбаум, 1962], Л.Д. Игнатьевой [Игнатьева, 1976], Р.С. Иткиной [Иткина, 1966], Е.М. Поркшеян [Поркшеян, 1991], А.П. Сазонова [Сазонов, 1962], М.И. Черемисиной [Черемисина, 1971, 1973, 1976] и др. Значительный вклад в развитие данного направления внесла М.И. Черемисина, рассматривающая сравнительную конструкцию как сложное цельное построение, имеющее компаративную функцию, вне

зависимости от окружения [Черемисина, 1976, с. 57]. Е.М. Поркшеян разработала одну из наиболее полных классификаций сравнительных конструкций, основанную на типологизации объектов сравнения в их отношении с объективной действительностью на основе системы функционально-семантического поля компаративности русского языка [Поркшеян, 1991, с. 5].

Лексико-семантический подход предполагает изучение компонентов сравнения в отношении их образности, их связи с предметами окружающего мира. Также в рамках данного подхода уделяется особое внимание функции второго компонента структуры сравнения, его семантической нагруженности. Лексико-семантический подход представлен в работах Е.Н. Колодкиной и С.Г. Альгиной [Колодкина, Альгина, 1997], С.М. Мезенина [Мезенин, 1969], С.И. Ройзензона [Ройзенон, 1972], Н.М. Сидяковой [Сидякова, 1970], А.В. Терентьева [Терентьев, 1997] и др. В рамках данного подхода разрабатываются классификации сравнений по различным критериям. При создании классификаций ученые концентрируют внимание на каком-то определенном элементе структуры сравнения, либо рассматривают семантическую природу сравнения в целом. В ряде работ проводятся параллели между сравнениями в различных языках, ведется поиск сходных конструкций в различных языках, а также определяются специфичные для конкретных языков особенности сравнений. Такая направленность работы позволяет выйти за рамки собственно лингвистического исследования и охватить культурный, исторический и социальный аспекты. Возможность выхода на такой уровень исследования говорит о том, что сравнение может рассматриваться не только как средство выразительности, но и как познавательный инструмент [Рыженкова, 2009, с. 17].

В рамках фразеологического подхода проводится работа по выявлению, систематизации и теоретическому осмыслению устойчивости и воспроизводимости сравнений. К данному направлению относятся

исследования В.Ф. Мейерова [Мейеров, 1972, 1974], С.И. Ройзензона [Ройзенон, 1972], З.Е. Смерчко [Смерчко, 1968] и др. Значительный вклад в изучение устойчивых сравнений как фразеологических единиц внес В.М. Огольцев, разрабатывавший проблему различения изобразительности устойчивых и свободных сравнений. Он полагает, что свободное сравнение характеризуется большей изобразительностью, поскольку представляет собой «средство выражения восприятия», тогда как устойчивое сравнение выражает представление [Огольцев, 1978, с. 42]. В работах Л.А. Лебедевой и В.А. Масловой устойчивые сравнения рассматриваются в лингвокультурологическом ключе. Л.А. Лебедева также уделяет внимание разграничению устойчивых и индивидуально-авторских сравнений, называя первые «единицами языковой системы», а вторые – «продуктом речевого творчества» [Лебедева, 1999, с. 5]. В рамках данного подхода наряду с исследованием сравнений в русском языке проводилась работа по изучению сравнений на материале других языков, в области англистики значительный вклад в изучение компаративной фразеологии внесли Я.Г. Биренбаум [Биренбаум, 1962], А.И. Бурлак [Бурлак, 1955], В.С. Мезенин [Мезенин, 1969], Н.М. Сидякова [Сидякова, 1967, 1969], Н.А. Снопкова [Снопкова, 1971].

Функционально-стилистический подход, получивший теоретическое обоснование в трудах В.В. Виноградова [Виноградов, 1959, 1963, 1980], предполагает рассмотрение сравнения как элемента художественной образности, важной составляющей идиостиля писателя [Девятова, 2010_1, с. 4]. Исследования данного направления направлены на оценку сравнения на фоне других образных средств языка, определение специфики функционирования сравнения в художественном тексте. Значительный вклад в разработку данного подхода внесли А.Т. Рубайло [Рубайло, 1961] и А.И. Федоров [Федоров, 1969], изучавшие семантическую основу образных средств языка и выражение образного представления в языке Заслуживает внимания подход к исследованию сравнения Е.А. Некрасовой [Некрасова,

1994]. В своей работе Е.А. Некрасова проводит сопоставление идиостилей нескольких авторов «через сравнение», опираясь на идею описания стилистических характеристик текста через изучение отдельного приема как элемента структуры художественного произведения [Шевченко, 2003, с. 42]. Функционально-стилистический подход представлен значительным количеством исследований, среди которых работы Б.А. Беловой [Белова, 1972], С.Б. Берлизон [Берлизон, 1973], М.Б. Крепса [Крепс, 1973], В.П. Ковалева [Ковалев, 1972], М.П. Плющ-Высокопоясной [Плющ-Высокопоясная, 1963], Н.В. Чуйкиной [Чуйкина, 2000] и др.

Таким образом, для сравнения как категории логики характерна однозначность его трактовки и четкая структура. Концепция сравнения как лингвистической категории выросла на основе представлений логики о явлении сравнения, однако сравнение в языкознании имеет особую природу, осмысление которой привело к появлению различных подходов к его изучению и, соответственно, возникновению множества определений.

Учитывая многоаспектность понятия сравнения и отсутствие единого понимания его природы в литературоведении и лингвистике, наличие множества различных определений данного явления в лингвистике закономерно. Приведем некоторые определения, сформировавшиеся в связи с рассмотрением сравнения с позиций различных подходов. Словарь-справочник лингвистических терминов Д.Э. Розенталя определяет сравнение как «троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому» на основании их общего признака [Словарь-справочник лингвистических терминов, Электронный ресурс]. В «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо отмечается, что в стилистике различают сравнение, в котором сопоставляются два сравниваемых объекта, и метафору, которая подставляет термин, с которым сравнивается, вместо сравниваемого [Словарь лингвистических терминов$_1$, Электронный ресурс]. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой дается два определения сравнения. В первом значении под сравнением подразумевается «равенство

или неравенство, большая или меньшая степень качества», которая может выражаться в грамматической категории степени сравнения прилагательных и наречий, а также в лексике и фразеологии [Словарь лингвистических терминов, 1966, с. 159]. Во втором значении сравнение трактуется как «фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым» [Там же]. В современных исследованиях, посвященных изучению сравнения в лингвистике, отмечается проблема расхождения в трактовке данного термина и разрабатываются варианты ее решения.

Кроме вышеперечисленных подходов к изучению сравнения, сложившихся в филологических науках, данная лингвистическая категория в современной научной литературе осмысляется с позиций междисциплинарного (или интегративного) подхода. Данный подход относится к общенаучному уровню методологии и получает все большее распространение в современной науке [Юдин, 1978, с. 41–45]. Междисциплинарный подход подразумевает стирание границ между различными областями научного знания, изучение определенного явления с позиций различных наук для более полного его осмысления. В языкознании влияние данного подхода отражается в переходе к изучению языка в его взаимосвязи с культурной и познавательной сферами деятельности человека [Лукин, 2016, с. 13].

Междисциплинарный подход обусловил появление речеведческих дисциплин, опирающихся на достижения лингвистики, таких как лингвокультурология, психолингвистика, когнитивная лингвистика. В ряде работ лингвокультурологической направленности язык изучается с позиции национально-культурной специфики, отражающей представления о культурных ценностях народа [Воркачев, 2001; Гумбольдт, 1984; Маслова, 2018]. В исследованиях В.Н. Комиссарова [Комиссаров, 1980], С.Г. Тер-Минасовой [Тер-Минасова, 2000], А.Д. Швейцера [Швейцер, 1988]

разрабатываются проблемы перевода культурно-маркированных языковых единиц при сопоставлении различных языковых систем.

Основополагающей идеей настоящего этапа развития языкознания становится переосмысление ориентиров в исследовании языка, все больше внимания привлекает вопрос о роли человека в языкознании, в качестве вектора развития современной лингвистики ученые видят антропоцентризм. Так, Н.Г. Епифанцева говорит о том, что «основным принципом в исследовании взаимосвязи человека и языка становится культурная деятельность человека» [Епифанцева, 2013, с. 29].

Когнитивную лингвистику, изучающую язык с точки зрения познавательных механизмов мыслительной деятельности человека [Толковый переводоведческий словарь, 2003, с. 78], и психолингвистику, изучающую процессы создания и восприятия речи в их связи с системой языка [Лингвистический энциклопедический словарь, Электронный ресурс], как и лингвокультурологию, называют антропоцентрическими науками о языке [Лукин, 2016, с. 13].

Данные тенденции в развитии науки о языке нашли отражение в современных научных работах, посвященных изучению сравнения. Н.М. Девятова отмечает, что в настоящее время исследование сравнительных конструкций образует отдельную область знания – лингвистику сравнения, изучающую сравнение как целостный объект, выделяя при этом наряду с традиционными лингвоструктурным и функционально-стилистическим подходами, новые направления в изучении сравнения. В частности, Н.М. Девятова говорит о появлении исследований сравнения с позиции когнитивного направления в лингвистике. Сравнение в работах данного направления понимается как «языковая сущность, в которой находит отражение картина мира», проявляется «национальная специфика видения мира» [Тулина, 1973; Херберман, 1999; Маркелова, Хабарова, 2005; Бойко, 2009; Разуваева, 2009], а в составе художественного идиолекта сравнение рассматривается «как преломление авторской картины

мира» [Девятова, 2010_1, с. 4–5]. Также когнитивное направление в изучении сравнения отражено в исследовании А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1990].

Интерес к сравнению с позиции когнитивной лингвистики связан также с разработкой когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004]. Как и в метафоре, в сравнительной конструкции стали видеть когнитивный механизм, все большее внимание стал привлекать вопрос об отношениях сравнения и метафоры (которые будут рассмотрены в следующем пункте).

После представления обзора существующих в современной лингвистике подходов к изучению сравнения Н.М. Девятова заявляет о необходимости осуществления перехода от изучения сравнения с позиций различных конкретно-научных направлений к рассмотрению данного явления в его целостности, как сложной системы. Для осуществления такого перехода Н.М. Девятова предлагает рассмотреть сравнение через призму антропоцентрического подхода, подразумевающего в данном контексте необходимость учета в современной теории сравнения роли «сравнивающего субъекта как организующего центра сравнительной системы». Н.М. Девятова, опираясь в том числе на результаты работы М.И. Черемисиной, определившей антропоцентризм в качестве принципа системного изучения сравнения [Черемисина, 1973, 2006], посвящает свое исследование разработке антропоцентрической теории сравнения. В рамках данной работы Н.М. Девятова изучает сравнение как систему, включающую упорядоченное множество диктумно-модусных структур. Сравнительная конструкция в теории Н.М. Девятовой рассматривается как «отражение результата сравнительной деятельности сравнивающего субъекта и представляет одну из реализаций сравнительной модели» [Девятова, 2010_1, с. 5].

Таким образом, с развитием междисциплинарного подхода в лингвистических исследованиях, появлением когнитивного направления языкознания, широким распространением идей антропоцентризма

происходит переосмысление ориентиров в изучении сравнения, научная мысль движется к рассмотрению данного явления как сложной антропоцентрической системы с позиций различных наук.

1.2.2. Роль и место категории сравнения в теории и практике перевода

Любой перевод художественного произведения с одного языка на другой представляет собой межкультурный творческий диалог между автором произведения и его переводчиком. Переводчику необходимо осмыслить передаваемую автором информацию и передать ее читателю с учетом различий в картинах мира двух народов. Сравнение, являясь одним из основных методов познания, служит для категоризации объектов окружающего мира и находит отражение в языке, становясь значимой частью языковой картины мира [Федорцова, Кощеева, 2013, с. 1060]. Языковая картина мира находится в тесной взаимосвязи с культурной картиной мира, она отражает «особенности членения и категоризации внешнего мира, закрепленные в языке» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 259]. Перевести сравнение с одного языка на другой – значит постичь логику стоящей за ним познавательной операции на языке оригинала и найти способ передать эту логику на языке перевода. Таким образом, сравнение представляет собой значимую категорию для теории и практики перевода.

Вместе с развитием представлений о сравнении как о лингвистической категории происходило накопление знаний о данном явлении, применимых для целей перевода. С распространением междисциплинарного подхода началось формирование нового понимания категории сравнения в лингвистике, в соответствии с которым сравнение приобретает всё большую значимость для теории и практики перевода. Так, в русле когнитивного направления в лингвистике появилось представление о сравнении как о «языковой сущности, в которой находит отражение картина мира» [Девятова, 2010_1, с. 4–5]. Причем, устойчивые сравнения отражают национальную

картину мира, представления народа о каком-либо объекте, а индивидуальные сравнения отражают мировосприятие автора. При этом отмечается, что индивидуальная картина мира любого автора содержит в себе отражение картины мира народа, к которому принадлежит автор [Федорцова, Кощеева, 2013, с. 1060].

Вопросам собственно перевода сравнительных конструкций уделяется существенное внимание как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях.

В отечественной науке вопросы перевода устойчивых сравнений относятся к проблематике перевода фразеологических единиц, особенности перевода индивидуальных сравнений рассматриваются в рамках изучения окказиональной лексики. При этом, как отмечает В.С. Виноградов, при переводе любого сравнения перед переводчиком стоит та же цель, что и при переводе всех языковых единиц – передать на языке перевода смысл, эмоции, функцию, стиль исходной единицы [Виноградов, 2006, с. 183].

Перевод фразеологизмов рассматривается теоретиками и практиками перевода как отдельная переводческая проблема. Я.И. Рецкер подробно рассматривает данную проблему и поднимает вопрос о развитии у переводчика умения распознать фразеологизм в тексте, определить его значение и передать экспрессивно-стилистические функции [Рецкер, 2004, с. 143–150]. Особое внимание Я.И. Рецкер уделяет проблемам перевода образных фразеологических единиц [Рецкер, 2004, с. 158–162]. С. Влахов и С. Флорин рассматривают фразеологизмы, сосредотачивая внимание на способах преодолениях трудностей при их передаче с одного языка на другой [Влахов, Флорин, 1986, с. 228–265]. Т.А. Казакова затрагивает вопрос перевода фразеологических единиц в рамках описания лексических проблем перевода и разрабатывает способы решения выделяемых проблем [Казакова, 2008, с. 127–141].

В.С. Виноградов предлагает переводческую классификацию фразеологических единиц и разрабатывает способы перевода для

фразеологизмов различных групп [Виноградов, 2006, с. 182–184]. В отдельную группу В.С. Виноградов выделяет компаративные фразеологизмы или устойчивые сравнения. Он также отмечает, что при переводе устойчивых сравнений наиболее часто применяют два приёма: подбор соответствующего фразеологизма в языке перевода или калькирование оборота оригинала. В.С. Виноградов указывает на недостатки каждого из данных приёмов: передача устойчивого сравнения фразеологизмом, как правило, приводит к потере его национального своеобразия; калькирование также ослабляет национальный колорит сравнения, поскольку калька является в языке перевода свободным словосочетанием и воспринимается как индивидуальное, а не устойчивое сравнение [Там же. С. 196].

Как отмечает В.С. Виноградов, передача окказионализмов, к которым относятся индивидуальные сравнения, также выделяется учеными в обособленную переводческую проблему. В.С. Виноградов отмечает, что при переводе окказионализмов необходимо учитывать их специфику, которая заключатся в том, что значение окказионализма задается не только его формой, но также и контекстом. Такая двойственность природы позволяет переводчику калькировать индивидуальные образные сравнения, а также создавать свои, опираясь на контекст [Там же. С. 122–128].

В.Н. Комиссаров также отмечает роль контекста для перевода индивидуального образного сравнения и говорит о том, что переводчику необходимо учитывать характер образа и его роль в контексте в ходе принятия решения о сохранении образа в переводе или замене его другим образом [Комиссаров, 1980, с. 152].

Проблема перевода сравнений широко обсуждается и в зарубежных исследованиях, ученые представляют классификации сравнений и разрабатывают способы их перевода. Однако в значительном количестве зарубежных работ проблема перевода сравнений не отделяется от проблемы перевода метафоры. Данное обстоятельство связано с тем, что в зарубежном языкознании в исследованиях, не специализирующихся на разграничении

метафоры и сравнения, термин «метафора» может относиться к сравнению [Рыженкова, 2009, с. 35]. Работы зарубежных ученых подобного рода будут подробно рассмотрены в пункте 1.3. настоящего исследования, посвященном вопросу соотношения понятий «сравнение» и «метафора».

В настоящее время в отечественной и зарубежной науке появляются работы, внимание в которых сосредоточено исключительно на способах перевода сравнений. Из зарубежных исследований особенно значимым в контексте настоящей работы является исследование П. Пиерини, в котором изучается природа и функции образных сравнений, а также предлагаются стратегии перевода сравнений с английского языка на итальянский [Pierini, 2007]. Среди отечественных работ можно отметить исследование А.А. Рыженковой, посвященное проблемам перевода авторских преобразований устойчивых сравнений [Рыженкова, 2009], работу Е.С. Коршуновой, в которой рассматриваются способы художественного перевода сравнений на примере повести Э. Хемингуэя «Старик и море» [Коршунова, 2018].

Таким образом, сравнение является значимой категорией для теории и практики перевода в силу своей сложной природы, в соответствии с которой в сравнении находит отражение картина мира, авторская или народная. С развитием представлений о сравнении как лингвистической категории проблема перевода сравнений становится все более значимой. Как отмечалось выше, в настоящее время происходит оформление знаний о сравнении в отдельную научную область – лингвистику сравнения, что способствует росту интереса специалистов в области переводоведения к сравнительным конструкциям. В результате данных процессов в современной науке складывается тенденция к рассмотрению сравнений как значимых объектов перевода, требующих отдельного обстоятельного изучения.

1.3. Сравнение и метафора в теориях отечественных и зарубежных ученых

В научной литературе существует множество теорий, описывающих отношения сравнения и метафоры. В целом все эти теории можно разделить на два направления: теории, отождествляющие сравнение и метафору, и теории, оспаривающие это тождество [Aisenman, 1999, p. 45].

Традиция отождествления сравнения и метафоры берет начало в античных теориях. Римский теоретик ораторского искусства Квинтилиан называет метафору «укороченным сравнением» и видит различие этих явлений только в том, что при сравнении нечто уподобляется предмету, который мы хотим описать, метафора «заменяет название самого предмета» [Античные теории языка и стиля, 1936, с. 219]. Философ и оратор Цицерон полагает, что «Метафора есть сравнение, сокращенное до одного слова» [Там же. С. 216]. Подробное обоснование такого взгляда разработано Аристотелем, описавшим метафору как скрытое сравнение, основанное на принципе аналогии. Относительно разницы между метафорой и сравнением философ замечает: «Уподобление, как было сказано раньше, есть та же метафора, но отличающаяся присоединением союза сравнения» [Аристотель, 2010, с. 290–292].

В современной науке подход, предполагающий понимание сравнения и метафоры как тождественных по своей сути явлений, называют концептуальным. Его сторонники полагают, что метафора и сравнение лингвистически отличаются лишь поверхностно – наличием или отсутствием в структуре союза или другого показателя сравнения. Концептуально же сравнение и метафора видятся как идентичные явления в отношении понимания, интерпретации и использования [Рыженкова, 2009, с. 26]. Такой подход был поддержан многими учеными. Так, американский философ Р. Фогелин, интересовавшийся отношением сравнения и метафоры, утверждает: “The simile is a metaphor, differing from it only in the way that it is

put; and just because it is longer it is less attractive” / «Сравнение представляет собой метафору, отличающуюся только способом выражения; и оно менее привлекательно лишь за счет того, что является более длинным» *(перевод наш – Т.Б.)* [Fogelin, 1988, p. 27].

В лингвистике взгляды Аристотеля нашли отражение в сравнительной теории метафоры. Данная теория строится на основе понимания метафоры как сокращенного сравнения. Так, представитель американской школы психолингвистики Дж. Миллер называет метафору «стянутым сравнением» [Миллер, 1990, с. 236] и в своих рассуждениях приходит к выводу о том, что «по-видимому, метафору проще всего можно охарактеризовать как утверждение сравнения, в котором что-то опущено» [Там же. С. 260]. Согласно теории сравнения, в основе обоих явлений лежит сопоставление, которое в метафоре имплицитно, а в сравнении выражено с помощью союзов или иных показателей. Такая трактовка подразумевает, что между сравниваемыми объектами существует сходство. Именно идея о том, что и метафора, и сравнение передают сходство обозначаемого и обозначающего, лежит в основе понимания метафоры как скрытого или сокращенного сравнения [Miller, 1993, p. 371–386].

Сравнительная теория метафоры, поддерживаемая авторитетом Аристотеля, долгое время господствовала в научном мире, и лишь с середины XX века стали появляться работы, подвергающие ее критическому анализу, началась разработка альтернативных теорий метафоры.

А. Вежбицкая, отмечая существующую между сравнением и метафорой близость считает, что метафору некорректно понимать как «сокращенное, редуцированное сравнение», таким образом утверждая, что «отличие между метафорой и сравнением не является семантическим», поскольку сравнение и метафора различаются глубинными структурами [Вежбицкая, 1990, с. 142].

Подробную аргументацию против теории сравнения представляет американский философ Дж. Серль. Тезис о невозможности отождествления сравнения и метафоры ученый обосновывает, во-первых, существованием

множества метафор, не соотносящихся со сравнениями; и во-вторых, тем фактом, что теория сравнения не дает ответа на вопросы, как находить подразумеваемое говорящим сходство и как определить, что именно автор имел в виду при использовании своей метафоры. Основным доводом Дж. Серля против теории сравнения является его мысль о том, что, если бы теория сравнения была верна, то метафора не существовала бы как отдельная семантическая категория, были бы только эллиптические высказывания без союзов *как* и *подобно* (*like* и *as*) [Серль, 1990, с. 321–323].

Н.Д. Арутюнова придерживается менее радикальной позиции относительно теории сравнения, утверждая, что «в метафорическом высказывании можно видеть сокращенное сравнение» [Арутюнова, 1990, с. 18] и отмечая, что «близость к метафоре образного сравнения не вызывает сомнений», поскольку опущение показателя сравнения «часто считается основным приемом создания метафоры» [Там же. С. 26–27]. При этом Н.Д. Арутюнова выделяет ряд существенных различий сравнения и метафоры, позволяющих, по мнению Г.Н. Скляревской, рассматривать эти явления в качестве различных семантических категорий. [Скляревская, 2017, с. 11]. Одно из этих отличий состоит в том, что сравнение указывает на подобие одного объекта другому, вне зависимости от того, действительное оно или иллюзорное, постоянное или временное, случайное; метафора же выражает устойчивое подобие, определяющее сущность предмета. Поэтому для сравнений, в отличие от метафор, характерно использование обстоятельства места и времени. Подобие, по мнению Н.Д. Арутюновой, «может быть иллюзорным. Это то, что показалось… Метафора – это то, что есть. Спор о сходстве – это спор о впечатлениях. Спор о выборе метафоры – это спор об истинной сущности предмета» [Арутюнова, 1998, с. 354]. Также в качестве отличия Н.Д. Арутюнова отмечает то, что сравнение может свободно сочетаться с предикатами различных значений, «указывающими на те действия, состояния и аспекты объекта, которые стимулировали

уподобление», тогда как метафора не обладает синтаксической подвижностью [Арутюнова, 1990, с. 27].

В ходе движения научной мысли в направлении критического рассмотрения теории сравнения сформировался ряд альтернативных теорий. К их числу относится теория категоризации, разработанная С. Глюксбергом и Б. Кейзером. С позиций данной теории метафора представляет собой утверждение категоризации (class-inclusion statement), поскольку в метафоре категорично заявляется, что А – это Б, сравнение же избегает категоризации [Glucksberg, Keysar, 1993]. И метафора, и сравнение устанавливают определенную связь между двумя объектами, но метафора отождествляет эти объекты, а сравнение сопоставляет.

Представители аномальной теории метафоры, полагают, что в основе метафоры лежит не сходство, а несовместимость обозначаемого и обозначающего. Такое понимание метафоры было разработано М. Бирдсли, в ряде источников его подход выделяют, называя теорией конфликта. При этом и теория М. Бирдсли, и более поздние исследования в данном направлении сходятся в том, что конфликт, аномалия изначально присущи метафоре [Дебердеева, 2008, с. 26]. В отличие от сравнения, которое уподобляет два объекта, метафора их уравнивает, что является логической ошибкой, аномалией. Несмотря на то, что сравнения могут строиться по такому же алогичному семантическому принципу (*глуп как пробка* – как может пробка быть глупой?), само построение сравнительной конструкции помогает идентифицировать такие единицы как сравнения и выявлять их смысл [Рыженкова, 2009, с. 21]. Объясняя аномальную природу метафоры, французский лингвист Ж. Дюбуа утверждает, что данная семантическая фигура, он называет её метасемемой, соединяет «в одном знаке две реалии, относящиеся к разным классам предметов и несовместимые в жизни». Главная особенность метафоры – «семантическая аномалия, семантический и сочетаемостный конфликт». Ж. Дюбуа называет метафоры «маленькими семантическими скандалами» [Общая риторика, 1986, с. 195]. В отличие от

метафоры сравнение представляет собой всего лишь способ описания объекта путем сопоставления его с другим объектом, в нем нет логических отклонений.

Аномальную природу метафоры отмечает и Н.Д. Арутюнова: «Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании», «источник метафоры – сознательная ошибка в таксономии объектов» [Арутюнова, 1990, с. 17–18]. Тех же взглядов придерживается Е.В. Падучева, утверждая, что метафора алогична, не соответствует «реальным процессам действительности и природе рационального мышления», представляет собой «категориальный (иначе – таксономический) сдвиг» [Падучева, 2004, с. 158, с. 136]. Сравнение же, как отмечает, Г.Н. Скляревская, логично и «не содержит не только «семантического скандала», но и никакого семантического сдвига», поскольку каждое из сравниваемых понятий остается в пределах той категории, к которой они относятся на рациональном основании, не соединяясь [Скляревская, 2017, с. 13]. Теория аномалии, в свою очередь, подвергалась критике как формалистический подход, в основе которого тезис о том, что метафорический конфликт заложен в значении самих слов, вне зависимости от контекста и замысла автора.

Концепция метафоры как взаимодействия ее элементов или интеракционистская теория, разработанная А. Ричардсом [Ричардс, 1990] и развитая в работах М. Блэка [Блэк, 1990], способствовала переходу от рассмотрения метафоры и сравнения как чисто языковых явлений к их пониманию как когнитивных механизмов. Согласно данному подходу, метафора подразумевает взаимодействие двух разнородных референтов: «основной сущности» (“primary subject”), которая обозначается в ходе метафоризации, и вспомогательной сущности (“secondary subject”), которая соотносится с обозначаемым. При этом вспомогательная сущность не только дает наименование обозначаемому, но и служит основой для его осмысления,

выявления важных сторон обозначаемого метафорой объекта. При образовании метафоры основная сущность пропускается через фильтр ассоциируемых общих мест вспомогательной сущности. Вспомогательная сущность выделяет характерные черты основной сущности. В сравнении также присутствуют основная сущность и носитель значения, но их взаимодействие отличается тем, что они не фиксируются в одном слове, а складываются в компаративную конструкцию с показателем сравнения [Ortony, 1993, p. 344–345].

Р. Туранго и Р. Стернберг отмечали, что анализ метафоры подразумевает не просто поиск общего признака, на основании которого осуществлен перенос значения, а установление аналогии между различными сферами, к которым принадлежат основная и вспомогательная сущность. В основе интеракционистской теории лежит явление взаимодействия концептуальных систем, которое приводит к изменению нашего представления об обеих системах. Такое взаимодействие происходит и при сравнении, отличие лишь в том, что в сравнении обе системы эксплицированы, так что связи между основной и вспомогательной сущностью устанавливаются легче и восприятие смысла сравнения происходит быстрее [Tourengeau, 1982]. Интеракционистская теория была поддержана многими учеными и оказалась весьма жизнеспособной, критика данной теории строится на основе антропоцентрических взглядов: основным недостатком теории взаимодействия считается недостаточный учет личностного фактора в создании метафоры или сравнения.

С позиций когнитивной теории метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, метафора и сравнение рассматриваются как инструменты познания. Данная теория возникла в рамках когнитивной лингвистики, согласно которой язык гомоморфен мышлению, т.е. языковые структуры отражают структуры мышления, хотя они и не тождественны. Все, что есть в языке, непременно есть и в мышлении, но в модифицированном виде [Лаврова, 2015, с. 295]. Метафорическое переосмысление когнитивная

теория относит к базовым когнитивным процессам получения выводного знания, в ходе которого из сопутствующих какому-либо понятию ассоциаций формируется новое знание об объекте. При этом между аналогией и метафорой не усматривается существенных различий: метафора понимается как языковое отображение аналоговых процессов [Лапшина, 1998, с. 93].

Когнитивная теория говорит о метафоре и сравнении как инструментах познания, помогающих извлечь информацию о признаке, по которому сравниваются два объекта. Такой признак отражает наиболее релевантные характеристики обозначаемого, которые определяются говорящим на основе его представлений об обозначаемом [Там же. С. 97]. Осмысление метафоры подразумевает поиск данного признака и получение нового знания об описываемом объекте. Та же мыслительная операция требуется для изучения сравнений, в которых основание не выражено эксплицитно.

Представители психолингвистического направления изучения метафоры Э. Ортони, Р. Рейнолдс, Х. Гибб, Р. Уэлс и др. продолжают линию рассмотрения сравнения и метафоры как когнитивных процессов, выступая против возможности их концептуального отождествления [Reynolds, Ortony, 1980; Gibb, Wales, 1990].

Э. Ортони выступает против утверждения о том, что «метафоры – это имплицитные сравнения» и замечает, что «тот факт, что метафоры часто употребляются для сравнения – если это факт – не значит, что метафоры являются сравнениями» [Ортони, 1990, с. 221–222].

Р. Айзенман дает обоснование такому взгляду, доказывая, что метафора и сравнение отражают два различных когнитивных процесса и используются в разных функциях. При этом, ученый акцентирует внимание на ключевой роли говорящего в построении сравнения или метафоры: человек осознанно выбирает использование метафоры или же сравнения в зависимости от характера сходства, которое нужно выразить. Р. Айзенман отмечает, что при функциональном сходстве говорящий, скорее, выберет для

его передачи метафору, атрибутивные же черты чаще описывают с помощью сравнений [Aisenman, 1999, p. 49].

В работах, посвященных изучению отношений метафоры и сравнения, зачастую сопоставляется производимый ими эффект. В данном вопросе у ученых также нет единого мнения. Представители теории категоризации С. Глюксберг и Б. Кейзер считают, что метафора вызывает более сильный эффект, поскольку она передает целый комплекс свойств и признаков. Для подтверждения своей позиции они приводят в пример высказывание с метафорой "*my job is a jail"* и замечают, что признаки, относящиеся к *job*, группируются в категории, названной словом *jail.* В примере со сравнительной конструкцией "*my job is like a jail"* такой категоризации не происходит: в сравнении не подразумеваются все признаки, необходимые для *job,* чтобы стать *jail.* Также С. Глюксберг и Б. Кейзер замечают, что при перефразировании сравнения с помощью метафоры достигается большая экспрессивность высказывания: "*John is not just like a rock, he is a rock"* [Glucksberg, Keysar, 1993]. Т.е., согласно этой теории, категоризация в метафоре эксплицирована, а в сравнении – имплицирована, в связи с чем сравнительная конструкция предполагает реализацию лишь части релевантных признаков и проигрывает метафоре по выразительности и экспрессивности.

Дж. Кеннеди и Д. Чиаппе подвергают критике теорию категоризации, утверждая, что осмысление метафоры подразумевает определение некоторых общих признаков, а не просто отнесение слова к какой-либо категории, названной носителем метафоры. Ученые настаивают на необходимости следующего уточнения: метафоры сильнее по эффекту, чем сравнения, только в случае употребления обоих приемов в одном предложении. Дж. Кеннеди и Д. Чиаппе замечают, что, согласно теории категоризации, в утверждениях "*this is a banana" /* «это банан» и *"this is like a banana" /* «это похоже на банан» первое слово (*this*) обладает в первом случае всеми признаками банана, а во втором – лишь некоторыми *(здесь и далее перевод*

наш – Т.Б.). Однако объект, не являющийся бананом, не может обладать всеми признаками банана, даже выражаясь метафорически. Говорящий выбирает из всех признаков только существенные для сравнения и уподобления свойства. И в метафоре, и в сравнении сопоставляемый объект и то, с чем он сопоставляется, имеют релевантные сходные признаки. И в этом смысле сравнение и метафора не отличаются друг от друга, когда употребляются сами по себе. Когда же они используются совместно (как в высказывании "*John is not just like a rock, he is a rock" / «Джон не просто как скала, Джон – скала»)*, метафора выражает категорию, являясь ее языковой формой, а сравнение выражает подобие. Только в таком случае, заключают Дж. Кеннеди и Д. Чиаппе, метафора может считаться более сильной в отношении производимого эффекта [Kennedy, Chiappe, 1999].

Для настоящего исследования представляет интерес рассмотрение сравнения и метафоры как объектов перевода. В таком ключе эти языковые явления были изучены П. Ньюмарком, который относит сравнение к метафорическим выражениям, называя его более осторожной метафорой "a more cautious form of metaphor" [Newmark, 1982, p. 84]. Ученый отмечает, что метафорические выражения используются, когда необходимо описать какой-либо объект или качество более точно, чем это возможно при буквальном способе выражения, и для переводчика важно уметь их корректно передать. П. Ньюмарк разрабатывает классификацию метафор, включающую пять типов (dead, cliché, stock, recent, original), и предлагает стратегию перевода для каждого из них.

Мертвые метафоры, имеющие словарное соответствие, ученый не относит объектам теории перевода, поскольку их перевод не требует от переводчика поиска решения.

Клише, по мнению П. Ньюмарка, появляется вследствие некорректного или чрезмерного употребления и представляет собой стереотипное выражение, использования которого переводчику желательно избегать.

Для передачи стертой метафоры исследователь предлагает семь переводческих процедур: воспроизведение в тексте перевода того же образа, что в тексте оригинала (при условии, что образ узнаваем и имеет аналогичный регистр); перевод метафоры с помощью сравнения при сохранении образа (при условии, что текст не является эмотивным); перевод метафоры или сравнения сравнением с пояснением смысла (реже метафорой с пояснением); преобразование метафоры в смысл; опущение метафоры; передача метафоры той же метафорой с пояснением смысла. Кроме того, ученый выделяет три важных аспекта, которые необходимо учитывать при переводе: культурный, универсальный и субъективный [Ibid. P. 88–91].

П. Ньюмарк акцентирует внимание на том, что опущение метафоры возможно лишь в крайнем случае и только при тщательном рассмотрении соотношения существенного и несущественного в тексте оригинала. Например, опущение применимо в случае, когда метафора является избыточной. Ученый отмечает, что не существует универсальных критериев отделения важного от второстепенного, они могут быть определены только для каждого конкретного текста. Опущение метафоры, которая не является избыточной, допустимо при условии, что ее смысл будет компенсирован в тексте [Ibid. P. 91].

Относительно сравнений П. Ньюмарк замечает, что они служат для создания яркой образности, в связи с чем при переводе их не рекомендуется заменять менее образными выражениями.

Для перевода новых метафор, в основном представляющих собой неологизмы, П. Ньюмарк предлагает либо описывать подразумеваемый объект в тексте перевода, либо вводить термин в кавычках.

Основное внимание в своей работе П. Ньюмарк уделяет рассмотрению оригинальных метафор. Он выделяет несколько факторов, влияющих на их перевод: культурный фактор, роль метафоры в контексте, взгляды, убеждения и опыт читателя [Ibid. P. 92]. При переводе оригинальных метафор переводчик сталкивается не только с проблемой передачи

культурной информации, но и с проблемой передачи многозначности метафоры, а также с переводом игры слов, которая может быть заложена в метафоре. В последнем случае, как правило, встает выбор между передачей игры слов с сохранением какого-то одного значения и передачей нескольких значений без сохранения игры слов. В оригинальных метафорах, кроме культурного и универсального, содержится авторский элемент, который имеет иррациональную природу, поскольку порождается воображением конкретного автора. Такой элемент может интерпретироваться только в более широкой системе образов, созданных автором. П. Ньюмарк считает метафору и сравнение неотъемлемыми компонентами текста художественного произведения, которые необходимо передать в тексте перевода [Ibid. P. 94].

Проблема осмысления природы метафоры и сравнения имеет существенное значение для языкознания и теории перевода. Для переводчика важно уметь идентифицировать эти языковые явления, определять их тип и учитывать различные их аспекты при переводе.

В настоящем исследовании мы будем опираться на антропоцентрическое понимание сравнения, которое было разработано в русле междисциплинарного подхода и отражено в зарубежных работах психолингвистического направления, а также получает развитие в современной отечественной лингвистике [Черемисина, 1973; Девятова, 2011]. Таким образом, вслед за Н.М. Девятовой мы понимаем сравнение как антропоцентрическую систему, а также опираемся на тезис Р. Айзенмана о том, что сравнение и метафора отражают два различных когнитивных процесса и используются в разных функциях. Причем, говорящий сознательно выбирает использование сравнения или метафоры в зависимости от той функции, которую они должны реализовать по его замыслу.

1.4. Классификация сравнений в отечественном и зарубежном языкознании

После изучения научных подходов к пониманию явления сравнения, рассмотрения проблемы дифференциации сравнения и метафоры перейдем к собственно лингвистическому вопросу классификации сравнений. Природа сравнений основательно изучена и детально описана в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов. Рассмотрим результаты таких исследований в отношении выделения разновидностей сравнений.

И в отечественном, и в зарубежном языкознании существует деление сравнений на *безóбразные (обычные)* и *образные*. Согласно И.Р. Гальперину, обычное или безóбразное сравнение подразумевает сопоставление двух объектов, относящихся к одному классу вещей, в целях определения степени сходства между этими предметами. Образное сравнение предполагает сопоставление по какому-либо общему признаку объектов, относящихся к двум разным классам [Гальперин, 1958, с. 167]. Н.М. Девятова отмечает, что выделение образных сравнений как конструкций, в которых предмет сравнения и образ сравнения относятся к разным онтологическим классам, заложено Аристотелем, изучавшим природу метафоры и сравнения [Девятова, 2010, с. 57].

Деление сравнений на образные и безóбразные считается традиционным, при этом единая терминология в отечественном языкознании не принята. Так, Д.У. Ашурова называет их соответственно художественными и логическими [Ашурова, 1970], Я.Г. Биренбаум – образными и предметно-логическими [Биренбаум, 1966], а Д.Н. Фельдман – субъективными и объективными [Фельдман, 1968]. В настоящей работе данные типы сравнений обозначаются терминами *«образные»* и *«безóбразные»*, предложенными Н.М. Девятовой [Девятова, 2010, с. 56].

В англоязычной лингвистической научной литературе для обычного и образного сравнения используются отдельные термины: “*comparison”* и

“simile”. Первый из терминов используют для обозначения обычного сравнения, вторым называют образное сравнение. Термин “comparison” предполагает принадлежность сопоставляемых объектов к одному классу, понятие *“simile”* используется при сопоставлении объектов разных классов. Принадлежность сопоставляемых предметов к разным классам является необходимым условием для создания образного сравнения [Рыженкова, 2009, с. 32–33]. Х. Бредин определяет образное сравнение как языковое явление, с помощью которого устанавливаются связи между различными сферами. Он также отмечает, что образное сравнение строится на основе безóбразного сравнения, под которым понимается мыслительный процесс, играющий главную роль в познании и словесном описании окружающего мира [Bredin, 1998, p. 68].

Также общепринятым в отечественной и зарубежной лингвистике является деление образных сравнений на *устойчивые* или *языковые* сравнения и *индивидуальные* или *авторские* сравнения. Устойчивые сравнительные конструкции обладают постоянной формой, закрепленной в сознании говорящих на определенном языке людей, и воспроизводятся в языке в готовом виде. Связь основания и образа сравнения в таких сравнениях постоянна, тогда как в авторском сравнении данная связь носит случайных характер [Баранова, 2020_1, с. 275].

Такую классификацию встречаем в работах Х. Бредина [Bredin, 1998] и П. Пиерини [Pierini, 2007]. П. Пиерини выделяет устоявшиеся сравнения (*conventionalised similes: fixed/ standard/ idiomatic expressions),* и оригинальные, авторские *(original/ creative/ fresh similes).* Иллюстрируя это деление, он приводит в пример идиоматическое сравнение *(idiomatic simile)* “*This meat is as tough as old boot leather*” и авторское сравнение из пьесы У. Шекспира “*She (Desdemona) was false as water”*. В последнем примере, творческая мысль автора сравнивает Дездемону с водой, чтобы показать ее непостоянство [Pierini, 2007, p. 27].

В отечественной лингвистике значительный вклад в изучение языковых и авторских сравнений внес В.М. Огольцев. Он акцентирует внимание на том, что устойчивое сравнение представляет собой средство языкового выражения и закрепления особой категории мышления – представления [Огольцев, 1978]. В.А. Маслова также говорит о том, что устойчивое сравнение является средством закрепления результатов познания мира в культуре. Она называет устойчивое сравнение «одним из ярких образных средств, способных дать ключ к разгадке национального сознания» [Маслова, 2018, с. 145–147]. В устойчивых сравнениях закреплены представления народа о каком-либо фрагменте действительности и выражены оценочные установки по отношению к нему. Сопоставляя устойчивые сравнения, используемые, чтобы отметить наличие определенного признака, можно увидеть разницу в восприятии мира людьми, говорящими на разных языках. Так, например, одно и то же свойство в русском и английском языках приписывается разным объектам: *глупый как пробка/ сивый мерин*, *as stupid as a coot/a goose.*

В то время как устойчивые сравнения отражают представления народа о том или ином предмете или явлении, индивидуальные сравнения являются отражением мировосприятия автора, уникальным результатом его творческой деятельности. Так, согласно В.М. Огольцеву, устойчивое сравнение выражает представление, а индивидуальное сравнение выражает индивидуальное восприятие [Огольцев, 1978, с. 42]. Л. А. Лебедева называет устойчивые сравнения «единицами языковой системы», а индивидуальные – «продуктом речевого творчества» [Лебедева, 1999, с. 5]. С помощью индивидуального образного сравнения автор знакомит читателя со своей индивидуальной концептуальной системой. Если авторское сравнение вызывает отклик у читателей и получает широкое распространение, оно может со временем стать частью концептуальной системы всего народа [Баранова, 2020_1, с. 276]. С этим обстоятельством связывают размытость границ между устойчивыми и индивидуальными сравнениями, которая

находит отражение в англоязычных словарях сравнений. Так, в словаре сравнений Ф.Дж. Уилстача среди множества языковых сравнений встречается сравнение из пьесы У. Шекспира *false as water* без какого-либо комментария о его отличии от остальных сравнений [Wilstach, 1924]. Возникает вопрос о принципе отбора слов для данного словаря. Зафиксировать в словаре все образные сравнения, включая бесконечное множество авторских, не представляется возможным. Если словарь создавался в целях представления устойчивых сравнений, то из него необходимо исключить авторские выражения. В предисловии к словарю отмечается, что в нем собраны лучшие сравнения не только английского, но и других языков. Отметим, что данный словарь считается достаточно устаревшим, однако и в более новом, широко используемом словаре У. Макморди, в котором сравнительным конструкциям посвящена отдельная глава, также не дается определения устойчивому сравнению. Таким образом, мы видим, что проведение четкой грани между различными видами сравнений является непростой задачей. Английский лингвист П. Хэнкс утверждает, что различие между обычным и образным сравнением языком размытое и субъективное, в связи с чем нельзя выделить алгоритм отделения обычный сравнений от образных [Pierini, 2007, p. 28].

В лексикографическом отношении отечественными учеными был собран и систематизирован более полный материал по сравнительным конструкциям. Так, в «Словаре сравнений русского языка» В.М. Мокиенко [Словарь сравнений русского языка, 2003] и в словаре устойчивых сравнений Л.А. Лебедевой [Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь, 2003] даны определения данного вида сравнений, сделаны стилистические пометы и приведены примеры использования сравнений в различных контекстах.

Кроме общепринятого деления сравнений на безóбразные и образные, устойчивые и индивидуальные, существуют классификации по признакам, выделяемым различными авторами. А. Ортони делит сравнения на

буквальные (*literal*) и небуквальные (*non-literal).* Буквальными он называет сравнения, в которых можно поменять местами предмет и образ сравнения без изменения смысла выражения, таким является, например, утверждение *blackberries are like raspberries / ежевика похожа на малину (здесь и далее перевод наш – Т.Б.).* Аналогичная операция для небуквального сравнения приводит либо к существенному изменению смысла (*surgeons are like butchers / хирурги сродни мясникам*; *butchers are like surgeons / мясники сродни хирургам)*, либо вовсе к его утрате (*crime is like a disease / преступление – нечто вроде болезни; a disease is like crime / болезнь – нечто вроде преступления).* Также А. Ортони отмечает, при отбрасывании показателя сравнения (*like*) в небуквальных сравнениях сохранится смысл (*crime is a disease / преступление – это болезнь*), а в буквальных он будет утерян (*blackberries are raspberries / ежевика – это малина)* [Ortony 1993, p. 342–356].

Многие ученые рассматривают сравнение в его отношении к метафоре. В зарубежной лингвистической литературе достаточно часто можно встретить подход, при котором сравнения относят к метафорам. Относительно такого подхода заслуживает упоминания классификация метафор и сравнений П. Ньюмарка, подробно рассмотренная в предыдущем пункте настоящего исследования.

В отечественной лингвистике также существует множество исследований, в которых ученые предлагают свое видение классификации сравнительных конструкций.

Н.М. Девятова полагает, что традиционное деление всех сравнений на образные и безóбразные (также называемые логическими) следует расширить. Н. М. Девятова вводит деление безóбразных сравнений на две группы: логические и эталонные. Эталонные сравнения отличаются от логических тем, что в них позицию эталона сравнения занимает некоторое представление о норме явления, в то время как в логическом сравнении и объект, и эталон представлены элементами, относящимися к одному

онтологическому классу [Девятова, 2010, с. 56]. Эталонные сравнения, в свою очередь, делятся на два типа:

1. Сравнения, в которых признак сопоставляется с нормой его проявления или представлением говорящего о данном признаке. Такие сравнения строятся с помощью компонентов с модальным значением: *как следует, как положено, как надо, как ему показалось* и т.д.

2. Сравнения, в которых объект сопоставляется с классом. В таких сравнениях в качестве эталона выступают слова *как все, как многие другие, как человек* и т.д. [Девятова, 2011_1, с. 9–10].

Д.Н. Фельдман предпринимает попытку систематизировать классификации сравнений, выделяя пять признаков, которые могут быть взяты в качестве основы для выделения типов сравнений. По замыслу автора, классификация на основе данных признаков позволяет не только описать сущность и особенности сравнения как явления языка, но и определить функции, которые сравнение выполняет в речи. Д.Н. Фельдман, полагает, что сравнения можно разделить:

1. По авторству: на индивидуальные и традиционные. Авторская трактовка данных видов не отличается от общепринятого в лингвистике понимания авторских (индивидуальных) и традиционных (языковых, устойчивых) сравнений.

2. По объему: на краткие, расширенные и развернутые. Данные типы выделяются по объему объекта и эталона сравнения. Кратким является такое сравнение, в котором объект и эталон состоят только из одного названия соответствующего понятия или признака, не включая его подробных объяснений. Также к кратким сравнениям относятся конструкции, в которых объект и эталон содержат описание ситуации, все элементы которой только называются и не поясняются подробно. Расширенными называются сравнения, в которых содержится подробное пояснение объекта и эталона. Развернутыми Д.Н. Фельдман называет сравнительные конструкции или

сложноподчиненные сравнительные предложения с группой различных придаточных, содержащих пояснение понятию или ситуации.

3. По логическим отношениям между объектом и эталоном сравнения: на настоящие и мнимые. Мнимые сравнения отличаются тем, что в них сопоставляется одно и то же понятие в одной и той же ситуации само с собой. В настоящих же сходство различных объектов наблюдается по определенному признаку.

4. По основной функции: на объективные и субъективные. Первый тип сравнений используется для передачи объективной оценки фактов окружающего мира. Главная функция субъективных сравнений состоит в выражении субъективной оценки говорящего. Такое сравнение подразумевает намерение оказать эмоциональное воздействие на рецепиента. Однако четкое разграничение данных типов сравнений весьма затруднительно, поскольку субъективно-оценочный элемент может быть найден и в сравнении, построенном с целью объективного описания реально существующего факта.

5. По наличию или отсутствию базы сравнения: на положительные и отрицательные. Данными терминами называются соответственно сравнения, в которых лексическими средствами подтверждается или отрицается наличие базы сравнения у объекта и эталона сравнения.

Д.Н. Фельдман замечает, что сравнение может одновременно относиться к нескольким выделенным типам [Фельдман, 1968, с. 25].

И.З. Искандерова предлагает деление сравнений на семантические типы в зависимости от того, что подвергается сравнению: предметы, действия или качества. Внутри этих типов происходит традиционное деление на логические сравнения, которые отражают только логическую информацию об объективной действительности, и образные, выражающие субъективную интерпретацию объективных фактов. По степени устойчивости выделяются сравнения традиционные и окказиональные,

понимаемые И.З. Искандеровой в общепринятом смысле. Также сравнения могут быть реальными и гипотетическими [Искандерова, 1982].

Х.М. Гурбанов, рассматривая сравнения как образные средства языка, делит их по сложности объекта и эталона на предметные и ситуативные. *Предметными* он называет сравнения, предполагающие сопоставление явлений, предметов, их качеств и действий, а *ситуативными* – сравнения, отражающие сопоставление ситуаций, то есть сравнение явлений, предметов, их качеств и действий в их взаимосвязи. Х.М. Гурбанов называет ситуативное сравнение «формой образного отражения действительности». Языковое выражение семантического различия между данными видами сравнений состоит в том, что они передаются единицами разных уровней. Элементы предметного сравнения передаются единицами лексического уровня, а элементы ситуативного сравнения – единицами уровня словосочетания или предложения [Гурбанов, 1988, с. 15].

Также в научной литературе присутствует деление всех сравнительных конструкций с позиций семантики на два класса: сравнения, обозначающие равенство и сравнения, выражающие неравенство [Дмитриева, 2012, с. 6].

Существует ряд классификаций, основанных на анализе *структуры* сравнений. Одно из делений сравнительных конструкций в таком аспекте позволяет говорить о наличии *простых* и *развернутых* сравнений. Согласно И.В. Шенько, простое сравнение – такое сравнение, которое указывает на один общий признак сопоставляемых объектов. Развернутое сравнение содержит указание на несколько общих признаков [Шенько, 1972_2].

В контексте настоящего исследования необходимо упомянуть о принятой в отечественном и зарубежном языкознании классификации образных сравнений в зависимости от *имплицитного* или *эксплицитного способа выражения основания* сравнения. Так, К. Фромильхейг делит сравнительные конструкции на эксплицитные (*explicit*) и имплицитные (*implicit*). Сравнение “*music is like medicine because it takes away the pain” / «музыка сродни лекарству, поскольку она избавляет от боли*» (*перевод наш –*

Т.Б.) является эксплицитным, так как содержит пояснение, на основе какого именно признака оно построено. Имплицитные сравнения не содержат такого пояснения, что усложняет их трактовку: *“music is like medicine” / «музыка сродни лекарству»* [Fromilhague, 1995, p. 83–84]. Такое же деление встречаем у П. Хэнкса, который говорит о существовании сравнений с явным и неявным указанием на общий признак сопоставляемых объектов [Паршукова, 2017, с. 18]. В отечественном языкознании также выделяют данные типы сравнений, их называют сравнениями с актуализированным признаком (или эксплицитно выраженным основанием) и сравнениями с неактуализированным признаком (имплицитно выраженным основанием) [Разуваева, 2008, с. 102.].

Существует деление сравнительных конструкций на виды в зависимости от *формы языкового выражения*. В целях последующего изучения сравнения как объекта перевода рассмотрим данную классификацию применительно к образованию сравнения в русском и английском языке. В зависимости от средств оформления выделяются:

1. Сравнения, выраженные с помощью словообразовательных средств: сложными прилагательными, включающими в себя, в русском языке, элементы *-образный, -видный, -подобный* (*ромбовидный, конусообразный*), в английском языке – элемент *like* (*star-like eyes)*

2. Сравнения, выраженные с помощью лексических средств, в русском языке: *походить, смахивать, подобный* и др., в английском языке: *resemble, remind, seem, similar to, some kind of, a sort of* и др.

3. Сравнения, выраженные с помощью морфологических средств, в русском языке: конструкции с творительным падежом (*лететь стрелой),* а также с использованием сравнительной степени прилагательных *(мрачнее тучи);* в английском языке*: wasp-waisted.*

4. Сравнения, выраженные с помощью синтаксических средств: сравнительные обороты (и в английском, и в русском языке).

5. Сравнения, выраженные смешанными средствами: *faster than wind / быстрее, чем ветер.*

И в русском, и в английском языках выделяют адъективные, адвербиальные и глагольные сравнения [Рыженкова, 2009, с. 39].

Существует деление сравнений в зависимости от *формы выражения эталона* сравнения. И в русском, и в английском языке данный компонент структуры сравнения может быть выражен:

- одной лексемой (*to swim like a* ***fish*** */ плавать как* ***рыба***);

- словосочетанием (*to tremble as* ***an aspen leaf*** */ дрожать как* ***осиновый лист***);

- предложением (*as sure as* ***I'm standing here now*** */ как* ***камень с души свалился***) [Там же].

Анализ классификаций сравнений в зависимости от формы их языкового выражения показывает, что в английском и русском языке способы оформления сравнительных конструкций характеризуются большим количеством сходных черт, что создает благоприятную почву для перевода сравнений с английского языка на русский.

В рамках исследований, посвященных образным сравнениям, также разработано множество их классификаций. *Семантические классификации устойчивых сравнений* представлены в работах Е.Н. Колодкиной и С.Г. Альгиной [Колодкина, Альгина, 1997], Л.А. Лебедевой [Лебедева, 1999], В.М. Огольцева [Огольцев, 1978], Т.Н. Федуленковой [Федуленкова, 2000], Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1988] и др. В данных классификациях устойчивые сравнения разбиваются на группы по выделяемым авторами признакам. Анализ классификаций образных сравнений позволил сделать вывод о том, что в структурно-семантическом плане сравнительные конструкции классифицируют по семантическому типу структурных компонентов сравнения: по типу объекта, по типу эталона, по типу основания.

К классификациям образных сравнений по семантическому типу *объекта* можно отнести вышеупомянутое деление сравнений, предложенное

И.З. Искандеровой для всех видов сравнений, соответственно, применимое для образных сравнительных конструкций [Искандерова, 1982].

Ряд ученых делит образные сравнения на семантические группы в зависимости от специфики *эталона* сравнения. Так, В.М. Огольцев выделяет двенадцать семантических групп сравнений по характеру эталона сравнения: человек и его характеристики (*как маленький, как барин*); орудия, результаты труда (*как обухом по голове*); предметы домашнего обихода, продукты питания (*как бритва*); домашние животные (*как корова*); домашняя птица (*как курица с яйцом*); дикая птица (*как коршун*); насекомые (*как муха*); животные, рыбы, пресмыкающиеся (*как заяц*); явления природы (*как туча*); растения (*как осиновый лист*); вещества и их свойства (*как сталь*); связанные с религией сравнения (*как у Христа за пазухой*) [Огольцев, 1978].

Е.Н. Колодкина и С.Г. Альгина, рассматривая устойчивые сравнения английского и русского языка, выделяют следующие виды эталона: название человека (*плакать как ребенок, to cry like a baby*); название животного (*жалить как оса, to sting like a wasp*); название растения (*покраснеть как роза, to blush like a rose*); название вымышленного существа или абстрактного понятия (*выглядеть как привидение, look like a ghost*); название объекта неживой природы (*следовать за кем-то как тень, to follow somebody like a shadow*); название орудий труда (*резать как нож, to cut like a knife*) [Колодкина, Альгина, 1997].

К классификациям образных сравнений по типу *основания* относится классификация, предлагаемая Т.Н. Федуленковой, согласно которой основания можно разделить на следующие группы: сходство по форме *(круглый как мяч)*, сходство по цвету *(красный как рак)*, сходство по манере поведения *(трусливый как заяц)*, сходство по скорости *(ползти как улитка)*, сходство по характеру действия *(смотреть как баран на новые ворота)* [Федуленкова, 2000].

Т.В. Шмелева рассматривает устойчивые сравнения в русском и английском языке, выделяя следующие группы на основе анализа общего признака объекта и эталона, то есть *основания* сравнения:

1. Конструкции, характеризующие физические свойства человека. Внутри этой группы выделяются сравнения, имеющие одинаковый образ в обоих языках (*немой как рыба, as dumb as a fish)* и сравнения, где какой-либо признак относится к разным объектам *(неуклюжий как медведь, as clumsy as a puppy*).

2. Конструкции, характеризующие физические свойства предметов. В данной группе, согласно заключению Т.В. Шмелевой, имеется наибольшее количество соответствий образов в английском и русском языках (*горячий как огонь, as hot as fire; круглый как мячик, as round as a ball*).

3. Конструкции, обозначающие черты характера, умственные способности. В данной группе для обоих языков характерно использование обозначения животного или представителя какой-либо нации в качестве образа сравнения. При этом более часто в русском и английском варианте сравнения выражаемый признак приписывается разным объектам (*глупый как сивый мерин, as stupid as a goose).*

4. Конструкции, передающие настроение (*мрачный как туча, as black as thunder*).

5. Конструкции, передающие цвета, являются группой, где в русском и английском языках встречается большое количество сравнений с одинаковым образом (*голубой как небо, as blue as the sky).*

6. Конструкции, передающие вкусовые свойства *(кислый как лимон, as sour as a lemon.*

7. Конструкции, отражающие отношения между предметами. Здесь Т.В. Шмелева выделяет две подгруппы: сравнения, в которых значение признака выражено прямо (*похожи как две капли воды, as like as two peas*), и сравнения, передающие смысл, обратный названному признаку (*нужен как лягушке зонтик, as welcome as water in a leaking ship*) [Шмелева, 1998].

Для настоящего исследования особый интерес представляют классификации *индивидуальных образных сравнений*. В силу их бесконечного многообразия составление семантических классификаций данного типа сравнений весьма затруднительно, однако изучение классификаций устойчивых сравнений помогает составить общее представление о наиболее распространенных видах образных сравнений вообще, а также о сходствах и различиях в восприятии окружающего мира носителями русского и английского языков. Как правило, в исследованиях, посвященных индивидуальным образным сравнениям, дается характеристика выполняемых ими функций. В этой связи необходимо отметить особую значимость работы А.Е. Шевченко, в которой индивидуальное образное сравнение изучается как компонент идиостиля писателя-билингва В.В. Набокова [Шевченко, 2003]. В данном исследовании, кроме описания функционирования рассматриваемых сравнений в художественных произведениях писателя, дается структурно-семантическая классификация данных сравнений.

В контексте настоящего исследования заслуживает внимания классификация индивидуальных образных сравнений в художественном тексте, представленная в исследовании Л.В. Разуваевой. Разделяя образные сравнения на конструкции с эксплицитно и имплицитно выраженным основанием, автор дает классификацию последнего типа сравнений с позиции их восприятия реципиентом. Л.В. Разуваева выделяет два типа таких сравнений:

1. Сравнения, в которых признак сравнения определяется реципиентом на основе пресуппозиции (общего объема знаний автора и читателя). В таких конструкциях указание признака не требуется, поскольку основание сравнения легко определить благодаря заложенному в сравнении образу. Л.В. Разуваева отмечает, что сравнения такого типа ярко отражают авторское начало, поскольку основываются на индивидуальных ассоциациях.

2. Сравнения, в которых признак определяется по текстологическим показателям: идее, содержанию, внутри контекста. Л.В. Разуваева выделяет

два подтипа таких конструкций: сравнения, в которых признак основан на противопоставлении, и конструкции, в которых признак выводится на основе причинно-следственных отношений [Разуваева, 2008, с. 103].

Анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной языковому явлению сравнения, показывает, что существует множество классификаций сравнений по разным признакам, избираемым учеными в зависимости от их подхода к рассмотрению сравнения и направления исследования. Общепринятым считается деление сравнений на безóбразные и образные. Образные сравнения, в свою очередь, традиционно делят на устойчивые и индивидуальные. Настоящая работа посвящена изучению индивидуальных образных сравнений.

1.5. Феномен образности и характеристика индивидуального образного сравнения с позиций психосемантики

1.5.1. История развития научных представлений об образе

Теория образности развивалась в рамках нескольких научных направлений: литературоведения, психологии и лингвистики, с распространением междисциплинарного подхода явление образа стало рассматриваться с позиций психолингвистики. Проследим этот путь развития представлений об образности и образе и дадим характеристику современного представления об индивидуальном образном сравнении с позиций психосемантики.

У истоков изучения теории образности стоит Ш. Балли [Балли, 2009], выбравший образную речь в качестве предмета своего исследования по французской стилистике. Он выдвинул тезис о том, что образная причиной возникновения образной речи послужило несовершенство человеческого разума, состоящее в невозможности выразить абстрактное понятие вне связи с объективной действительностью. В ходе разработки данного вопроса в

литературоведении изучались способы создания образности. В середине XX века А.И. Ефимов [Ефимов, 1961] свел проблему образности к языковым средствам выразительности, иначе говоря, к словам и конструкциям, употребленным в переносном смысле. Он полагал, что только стилистические средства языка могут создавать образы в произведении. В. Назаренко [Назаренко, 1959], П. Палиевский [Палиевский, 1959] и Ю. Рюриков [Рюриков, 1960] обосновывали тезис о том, что образ и слово – понятия, относящиеся к разным уровням. Так, Ю. Рюриков утверждал, что образ представляет собой «отражение» в сознании реального мира, слово воплощает «мысленные образы». И с этой точки зрения все художественное произведение образно [Рюриков, 1960, с. 151]. В литературоведческом направлении формируется тенденция ставить образ выше слова, поскольку образ рассматривается в качестве эстетической категории. В связи с этим изучение лексики не относится к задачам литературоведения. В.В. Виноградов, обращаясь к проблеме образности, заявляет о необходимости исследования стиля писателя и системы его словесных образов. По мнению В.В. Виноградова, произведение не обязательно должно содержать так называемые образные средства, чтобы являться образным по своей сути, оно может быть образным благодаря идейно насыщенному содержанию. В.В. Виноградов подчеркнул, что стать образным может в принципе любое слово. Важно то, чтобы этот прием был оправдан в художественных целях [Виноградов, 1981, с. 107]. Так, в рамках литературоведения, научная мысль пришла выводу о том, что художественное произведение является системой образов, но литературный образ не связан с образом в лексикологическом понимании термина.

С позиций психологических наук, образ представляет собой одну из форм отражения действительности, субъективную картину мира, вмещающую «самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий» [Большой психологический словарь, Электронный ресурс]. Понятие «отражения» субъектом объективной

действительности является центральным понятием психологии. Важнейшим процессом, с помощью которого происходит отражение в сознании человека окружающего мира, является мышление. В процессе познания окружающего мира участвуют два вида мышления: наглядно-образное и логико-абстрактное. На основе данных, получаемых от органов чувств, в сознании формируются наглядные элементы, впоследствии наполняемые смыслом. Как отмечал отечественный философ и психолог С.Л. Рубинштейн, «наглядное и отвлеченное в процессе мышления друг в друга переходят» [Рубинштейн, 1989, с. 373].

Абстрактно-логическое мышление оперирует словами. Слово относится к выделенной И.П. Павловым второй сигнальной системе, системе речевых сигналов, позволяющей мыслить абстрактно. Слово относится к более высокому уровню мышления и служит ключом к разгадке феномена образа. Процесс мышления, происходящий при формировании речи, изучается в рамках психолингвистики. Отечественный представитель этой науки Н.И. Жинкин разработал теорию о кодах речи, подразумевая под понятием кода способ реализации языка. Согласно Н.И. Жинкину, механизм мышления получает реализацию «в двух противостоящих динамических звеньях – предметно-изобразительном коде (внутренняя речь) и речедвигательном коде (экспрессивная речь)». Мысль задается во внутренней речи, в экспрессивной речи она передается и снова задается для внутренней речи [Жинкин, 1964, с. 37]. При произнесении слова в памяти человека активируется механизм сопряжения всевозможных ассоциаций, идет переключение мышления с предметно-изобразительного на речедвигательный код, таким способом образ находит выражение в слове.

С.Д. Смирнов, рассматривая образ с позиций психологических наук, выдвинул тезис о том, что формирование образа начинается с построения системы «познавательных гипотез», которые создаются на различных уровнях мышления и включаются мыслящим субъектом в целостную систему, формирующую «образ мира человека» [Смирнов, 1985, с. 202]. Для

восприятия речи необходимо, чтобы гипотеза (или ментальная модель), формируемая реципиентом, совпала с гипотезой создателя речи.

Для настоящего исследования важно рассмотреть понятие художественного образа. Как и обычное, нехудожественное представление, художественный образ связан и с объективной реальностью, и с процессом мышления, так что в нем находит отражение индивидуальное мировосприятие человека. Образ приближается к понятию, однако отстает от него по степени абстракции. Эту особенность образа отметил Г. Гегель, утверждавший, что образ находится «посредине между непосредственно чувственностью и принадлежащей области идеального мыслью» [Гегель, 1968, с. 44]. Специфика художественного образа заключается в том, что он не только отражает окружающий мир, способствуя его осмыслению, но создает новый, воображаемый мир. Художественный образ связан с воображением, творчеством, в нем соединяется объективное с субъективным, существующее с вероятным.

Ученые, занимавшиеся исследованием образа и художественного образа, сформировали в науке представление о художественном образе как о «двойном видении» явлений окружающего мира (В.Г. Гак [Гак, 1977], Н.И. Жинкин [Жинкин, 1985], С.М. Мезенин [Мезенин, 1969, 1971], С.М. Рубинштейн [Рубинштейн, 1989]). Н.И. Жинкин отмечает ориентацию художественного образа на реципиента речи. Ученый называет образ «двойной речью», поскольку при восприятии высказывания читатель или слушатель учитывает не только смысл сообщения, но также форму, в которую заключены мысли [Жинкин, 1985, с. 78].

В словесном образе на первый план может выходить либо изображенное, либо изображение. А.Н. Леонтьев полагает, что главную роль в словесном образе должно играть изображенное, так как именно изображенное является частью картины мира человека, которая понимается как набор «познавательных гипотез» об образе мира. Однако изображение может выйти на первый план, если оно несет значимую информацию.

А.Н. Леонтьев разработал теорию о существовании пятого квазиизмерения, которое, наряду с выделяемыми в современной науке длиной шириной, высотой и временем, окружает человека. Этим измерением является смысловое поле. По мнению А.Н. Леонтьева, человек воспринимает мир в его многочисленных смыслах, создавая свой образ мира из знаний о том, как он функционирует [Леонтьев, 1979, с. 11]. Все объекты при восприятии человеком обретают пятое измерение, картина мира дополняется «невидимыми» свойствами объектов, например, такими, как стоимость вещи. Эти свойства присутствуют в значениях в скрытом виде. Образ мира при этом создается из чувственной картины и знаний.

В.Г. Гак разрабатывал понимание образности как «совмещенного видения двух картин» [Гак, 1977, с. 110]. Для понимания данного взгляда необходимо учитывать, что при «совмещенном видении» оба включенных в образ предмета приобретают в восприятии человека модифицированные свойства.

Проблема образности подвергалась рассмотрению и в собственно лингвистических исследованиях. Языкознание выделяют в языке лексические единицы, представляющие собой прямые наименования объектов реального мира, и образные лексические единицы, которые служат для характеризации этих объектов.

В языкознании разделяют лингвистический или «смысловой», «умозрительный» образ и художественный образ, который считается эстетической категорией. Анализировать художественный образ представляется возможным только исходя из идеи всего произведения, учитывая эстетическую концепцию автора. Художественная образность воспринимается комплексно, с учетом межтекстовых связей, и включает единицы различной протяженности, от слова до всего художественного произведения.

Существует теория об «общей» образности произведения, представленная А.М. Пешковским [Пешковский, 1930], полагавшим, что в

художественном произведении образно каждое его слово. Эту теорию критикуют, считая ее основную идею преувеличением. «Узкая» концепция образности относит к образным ограниченный набор стилистических приемов (в число которых включают и сравнение), используемых авторами художественных произведений для воздействия на читателя. Данная теория также подвергается критике на том основании, что не все стилистические фигуры образны [Макаренко, 2001, с. 36].

Мы будем придерживаться семантического обоснования образа, которое удачно отражается в высказывании А.Б. Аникиной, «образное слово – не обязательно метафора. Это любое слово, смысл которого не исчерпывается его обычным языковым значением» [Аникина, 1985, с. 16].

В рамках *лингвистического направления* А.П. Кораловой было усовершенствовано понимание образа, предложенного В.Г. Гаком. А.П. Коралова представила развернутый анализ процесса возникновения «двойного видения». А.П. Коралова полагает, что перед стадией совмещенного видения возникает «сопряжение двух предметов», после которого совмещенного видения может и не возникнуть. Формирование образа основано на «сопряжении», в результате которого образ наделяется основными чертами (наглядностью, яркостью). После этого из двух картин может сложиться третья, вбирающая в себя все ключевые признаки первых двух, появляется «новая идея», происходит образование системы с новыми присущими только ей свойствами. Формированию образа содействует наличие «связующего звена» – основания сравнения [Коралова, 1972, с. 75–77]. Отметим, что в работе А.П. Кораловой не рассматриваются случаи, когда возникают затруднения с выявлением основания сравнения.

1.5.2. Теоретические основы рассмотрения индивидуального образного сравнения с позиций психосемантики

После краткого обзора развития научных представлений об образе и образности можем перейти к рассмотрению индивидуальных образных сравнений с позиций психосемантики. Психосемантика представляет собой научную область, возникшую на стыке психолингвистики и психологии восприятия и изучения индивидуального сознания. Психосемантика изучает «генезис, строение и функционирование индивидуальной системы значений, опосредствующей процессы восприятия, мышления, памяти, принятия решений», а также исследует «формы существования значений в индивидуальном сознании (образы, символы, знаковые, вербальные формы)» [Большой психологический словарь, Электронный ресурс]. К задачам психосемантики относится реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой человек воспринимает окружающий мир и самого себя.

В развитие психосемантики внесли существенный вклад лингвисты Ю.Д. Апресян [Апресян, 1974], Ш. Балли [Балли, 1955], И.А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ, 1963], В.В. Виноградов [Виноградов, 1947], В.Г. Гак [Гак, 1972], А.А. Потебня [Потебня, 1989], Ф. де Соссюр [Соссюр, 1977], Д.Н. Шмелев [Шмелев, 2008], Л.В. Щерба [Щерба, 1974], Г.С. Щур [Щур, 2007] и др. Со стороны психологии, основные положения психосемантики представлены в исследованиях отечественных психологов Е.Ю. Артемьевой [Артемьева, 1999], В.Ф. Петренко [Петренко, 2010], В.И. Похилько [Похилько, 1987], В.В. Столина [Столин, 1982], А.Г Шмелева [Шмелев, 1979] и др. В данном аспекте изучения сравнения представляют интерес исследования, в которых языковые явления, связанные с переосмыслением понятия, объясняются в рамках семантического подхода (работы И.А. Стернина [Стернин, 1979], В.Н. Телия [Телия, 1986],

А.И. Федорова [Федоров, 1969, 1985], И.В. Шенько [Шенько, 1969, 1972_1, 1972_2, 1977], Д.Н. Шмелева [Шмелев, 2008], Е.А. Юриной [Юрина, 1994]).

Рассмотрим слово с точки зрения семантики. Как известно, слово является двусторонней единицей, имеющей план выражения (форму) и план содержания (значение). Семантику интересует второй план. Единицей языкового плана содержания или элементарным значением слова является семема [Большой психологический словарь, Электронный ресурс]. Семема реализуется на коммуникативном уровне как одно из элементарных значений слова. Лингвистический анализ позволяет разделить семему на минимальные составные части значения – семы.

В семантической структуре слова выделяют архисему (гиперсему или родовую сему), свойственную всем единицам данного класса и отражающую общие для них категориальные признаки. В научной литературе также называют данную сему интегральной [И.А. Стернин, 1979], маркером [Katz, Fodor, 1963].

На втором уровне располагаются дифференциальные семы (или специфические). Данные семы отличают значение определенного слова от значения семантически близких слов. Дифференциальные семы действуют в рамках лексико-семантической группы (группы слов, объединенных родовой семой) [Словарь лингвистических терминов$_2$, Электронный ресурс].

Кроме вышеперечисленных сем, выделяют потенциальные семы, образующие третий уровень структуры значения слова. Их обозначают также терминами «окказиональные семы», «коннотативные семы», «контекстуальные семы», «дистингвишеры» [Fodor, 1977; Katz, Fodor, 1963]. Данные семы передают второстепенные признаки, различные связанные с объектом ассоциации, возникающие в определенных ситуациях или наведенные контекстом.

Потенциальные семы имеют особый статус в связи с тем, что их актуализация происходит при помещении слова в какой-либо нестандартный контекст, или при нарушении логической сочетаемости слова с другим

словом, а также при намеренно нестандартном, авторском употреблении слова.

Лингвисты полагают, что можно говорить об образном коннотативном компоненте слова. Это компонент, который значение слова приобретает при его употреблении в переносном смысле. Лингвисты, изучающие образность, говорят о зависимости ее интенсивности от гносеологической сущности понятия, его принадлежности к абстрактным или конкретным понятиям. Образный компонент значения слова считается «исторически и национально-культурно обусловленным» [Загоровская, 1983, с. 16–19].

Выделение образного семантического компонента, по мнению Е.Ю. Артемьевой, обусловлено самой природой человеческого мышления, которое обладает способностью «образного обобщения» [Артемьева, 1999]. «Чтобы составить «свой» образ мира, человек преломляет в сознании впечатление от предметов и явлений, обобщает их свойства» [Макаренко, 2001, с. 43].

Функционирование образного компонента можно наблюдать на примере образных сравнений. В образных сравнительных конструкциях не происходит переосмысления значений, но вследствие «двойного видения» формируется новая смысловая сущность, состоящая из значений двух породивших ее компонентов сравнений. Эта новая сущность создается активировавшимися образными компонентами сравниваемых значений и получает набор сем из образа мира человека или, в терминологии А.Н. Леонтьева, «пятого квазиизмерения» [Там же].

Третий уровень значения слова или уровень потенциальных сем представляет наибольший интерес для изучения индивидуальных образных сравнений. В связи с тем, что для обозначения сем данного уровня существует несколько терминов, целесообразно соотнести понятия «потенциальный», «коннотативный» и «окказиональный».

Общим термином, обозначающим все семы третьего уровня, является термин «потенциальные семы», поскольку он подразумевает все семы,

которые могут проявиться в речи. Коннотативные и окказиональные семы являются видами потенциальных сем.

Понятие «коннотация» употребляется, когда речь идет о переносном значении. По выражению Б.А. Плотникова, коннотация заключает в себя все возможные дополнительные смыслы, появляющиеся в речи [Плотников, 1984, с. 34]. В более широком понимании термин «коннотация» используется как синоним интенсионального значения, то есть значения слова как единицы языка, в противопоставлении с экстенсиональным значением (значением, которое слово приобретает в контексте речи) [Словарь лингвистических терминов, 1966, с. 159]. Коннотации являются семантической сущностью, которая присуща значению лексической единицы изначально. Коннотации выражают эмоции, оценки, отличаются экспрессивностью и функционально-стилистической соотнесенностью, зависят от индивидуального мировосприятия человека, его отношения к объектам действительности.

Оценочные коннотации подразумевают сравнение, которое отличает, с одной стороны, представление объективных характеристик по аксиологической шкале, а с другой стороны – преломление объекта через призму картины мира человека.

Образный компонент становится одной из характеристик коннотативного уровня при активации модуса «как если бы», он предупреждает реципиента высказывания о начале «игры» (в терминологии Н.И. Жинкина [Жинкин, 1985]).

В основе коннотации лежит психологический феномен ассоциаций [Говердовский, 1985]. «Ассоциация – это связь между психическими явлениями, при которой актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление другого» [Большой психологический словарь, Электронный ресурс]. Понятие «ассоциация идей» введено Дж. Локком, противопоставлявшим такую ассоциацию связям на рациональной основе. Ассоциации являются частью мыслительного процесса, они устанавливают

связи между уже имеющимися знаниями, содействуют в образовании новых понятий. Ассоциации предполагают процесс сопоставления объектов «на основе общности» их характеристик [Овчинникова, 1994, с. 23].

Лингвисты отмечают, что на ассоциациях строится образность. При этом эффект обратно пропорционален обыденности ассоциации: более неожиданная, нестандартная ассоциация вызывает больший эффект. В данном аспекте говорят о «семантических расстояниях» между словами [Новиков, Ярославцева, 1990, с. 7]. В художественных текстах на таких «расстояниях» строится ассоциативный ряд [Ховаев, 1987, с. 75–84].

Художественный текст представляет собой своего рода ассоциативный эксперимент, поскольку создается творческой мыслью автора. От настоящего ассоциативного эксперимента, проводимого в психолингвистических исследованиях, он отличается тем, что проводится с образами, создаваемыми на основе сравнительных ассоциаций [Макаренко, 2001, с. 48].

А.А. Брудный отмечает, что понять текст – значит «собрать работающую модель», то есть найти ассоциации, которые подразумевал автор. Это легче сделать при помощи анализа сравнения. «Вообще сравнения раскрывают смысл (зачем они и нужны)» [Брудный, 1998, с. 247].

Ассоциативные связи в художественном тексте рассматриваются в исследовании Е.Б. Судомоиной как «результат установленной автором связи по смежности и сходству» [Судомоина, 1989, с. 33]. Автор опирается на в своих рассуждениях на теорию И.П. Павлова, в соответствии с которой мышление основывается на элементах ассоциации по смежности, которые затем формируют ассоциативные цепи. Ассоциации по сходству понимаются И.П. Павловым как «генерализация ассоциаций по смежности» [Там же. С. 11].

Е.Б. Судомоина делает предположение о том, что при реализации переносного (образного) значения в речи ассоциация по сходству не закрепляется за ним, а каждый раз устанавливается снова по причине того, что потенциальные семы содержат только «фоновую» ассоциацию по

смежности (читатель обладает определенным набором знаний, называемым «фоновыми»). Субъект переосмысляет значение слова и устанавливает ассоциацию по сходству [Там же. С. 42–43]. Таким образом, Е.Б. Судомоина понимает процесс создания экспрессивно-образных значений как результат переосмысления содержания фоновой ассоциации по смежности.

Устойчивые ассоциативные связи, возникающие у человека при использовании определенного слова, могут обогатить его семантическую структуру дополнительными коннотациями. Ассоциации, как отмечалось выше, являются психологическим феноменом. Коннотации включены в значение слова.

Область ассоциаций на уровне художественного текста является перспективным полем для исследования. Художественный текст можно определить как сложное ассоциативное поле, и позиция автора как создателя этого поля, составляет интересный объект для исследования с позиций психосемантики. Художественный текст является реализацией субъективной картины мира его создателя. Картина мира автора состоит из личностных смыслов, которые, как отмечалось ранее, исследуются в рамках психосемантики. Данная наука изучает значение как единицу психического отражения у человека.

Понятие личности связано с теорией Л.С. Выготского о «динамических смысловых системах индивидуального сознания личности, выражающих единство аффективных и интеллектуальных процессов» [Большой психологический словарь, Электронный ресурс]. Понятие *личностного смысла* как единицы сознания было введено А.Н. Леонтьевым, разработавшим теорию деятельности. В ходе деятельности картина мира человека изменяется при ее отражении в его сознании [Леонтьев, 2005].

Слово существует в сознании человека в трех качествах: в слове сосредоточены объективные знания о предмете, выработанные за время исторического развития языка; слово как знак наполнено идеальным содержанием; в слове отражается субъективное представление человека в той

мере, в которой человек познает в процессе жизнедеятельности. Согласно А.Н. Леонтьеву, слово имеет особый статус в сознании человека и представляет собой «квазиобъект», созданный индивидуальной деятельностью. Поскольку значение слова меняется в ходе развития отношений человека с объективной действительностью, как справедливо отмечает в своем исследовании Н.Н. Макаренко, имеет смысл считать «концептуальным понятием системы субъективного образа мира как пятого квазиизмерения» понятие *«личностного смысла»* [Макаренко, 2001, с. 50]. Личностный смысл и объективное знание об объекте едины в сознании, но при этом выполняют различные функции: заключенное в слове объективное знание обеспечивает взаимодействие с окружающим миром, адекватную реакцию на внешние стимулы; личностный смысл помогает адаптировать индивидуальное сознание человека к выполнению им личных задач. Активизация личностного смысла происходит в тех сферах, где человек проявляет себя как личность в системе общественных отношений.

Яркое отражение личностный смысл находит в художественном творчестве. Писатель, физически не перемещаясь во времени и пространстве, воспроизводит в тексте внешний мир, с которым вступает во взаимодействие через систему своих личностных смыслов. По выражению М.Я. Полякова, писатель производит «субъективный поиск», осуществляя переход от объективной действительности за рамками художественного произведения к реальности художественной, создавая художественные модели «смысловых миров», в которых находят отражение ценности создателя текста [Поляков, 1986].

А.Б. Аникина, рассматривая образное содержание художественного текста, предлагает использовать термин «микрообраз» для обозначения наименьшей семантической единицы текста, в которой сосредотачивается личностный смысл, отражается своеобразие авторской картины мира [Аникина, 1985, с. 21]. Своеобразие авторского видения мира отражается в использовании образных средств языка. Они хорошо иллюстрируют то самое

«двойное видение» не только по отношению к значению, но и по отношению к «личностному смыслу». В образных выражениях накладываются два значения: «сопоставление реального социального опыта автора и его ценностно-смысловой позиции» [Поляков, 1986, с. 64]. Отбирая и используя образное языковое средство, автор добивается более полного восприятия окружающего мира, вкладывая в нее свою систему ценностей, проводя ее через пятое квазиизмерение. Показательным в этом плане является образное сравнение, поскольку представляет собой воплощение двойного видения как на уровне языка, так и на уровне речи, в особенности, художественной.

В *образном сравнении* с точки зрения психосемантики представляет интерес возможное семантическое несоответствие между сопоставляемыми компонентами. В данном ключе интересно наблюдать реализацию личностных смыслов автора сравнительной конструкции.

Возвратимся к рассмотрению третьего уровня значения слова и уточнению понятий окказиональной и коннотативной сем. На уровне значения слова аналогом личностного смысла может считаться окказиональная сема.

Зачастую понятие «*окказиональный»* используется в качестве синонима термина «*коннотативный»*. В настоящем исследовании мы будем придерживаться взглядов о том, что окказиональным является значение, не свойственное лексической единице изначально и возникшее при «наведении семы» [Стернин, 1979 с. 118] или при сопоставлении двух семантем, когда это сопоставление «провоцирует» появление нового смысла, косвенно относящегося к каждой из них (что может иметь место в случае сравнения) [Макаренко, 2001, с. 52].

Термин «окказиональный», предложенный Г. Паулем в работе «Принципы истории языка» [Пауль, 1960], изначально введен для разграничения узуальных (внеконтекстных) и окказиональных (конкретизированных в речевом акте определенного человека) значений слов. В современной научной литературе термин «окказиональный»

применяют для обозначения единиц различного статуса: говорят о морфологических, фразеологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, стилистических, семантических окказионализмах. Семантические окказионализмы служат для обозначения нового, причем, не обязательно метафорического значения [Макаренко, 2001, с. 52]. Л.П. Терентьева замечает, что этот термин более уместно закрепить за окказиональным значением, окказиональной сочетаемостью слова и окказиональной экспрессивностью [Терентьева, 1983, с. 90].

Отличие семантического окказионализма от лексического заключается в том, что он предполагает появление нового смысла без закрепления за ним нового знака. В отношении рассмотрения с позиций психосемантики *индивидуального образного сравнения* для нас представляет интерес необычное сочетание сопоставляемых слов, которые, на первый взгляд, не имеют сходных признаков и объединены лишь посредством ярко выраженных личностных смыслов, заключенных в структурах каждого компонента сравнения, что и позволяет провести их сближение. При осмыслении индивидуального образного сравнения задача читателя состоит в том, чтобы «настроиться» на волну автора и развернуть цепочку ассоциаций. Такое сочетание является особым случаем окказиональности. Н.Н. Макаренко в своем исследовании, посвященном индивидуальным образным сравнениям, называет такие сравнения парадоксальными и определяет их как *образные с окказиональным семантическим компонентом.* При этом уточняется, что речь идет не о каком-то семантическом нарушении, а о сознательном «соединении несоединимых понятий» в рамках семантического эксперимента автора [Макаренко, 2001, с. 53].

Определение личностных смыслов в таких окказионализмах представляет трудную задачу, которая может быть решена лишь на основе анализа всего художественного произведения и рассмотрения идейно-эстетической концепции автора, а также с учетом системы объективных значений, принятой в актуальное на момент написания текста время

[Баранова, 2020, с. 256]. В зависимости от степени отличия системы смыслов автора художественного произведения от общепринятой, можно говорить о его оригинальном восприятии мира, вкладе писателя в систему общепринятых значений, о расширении ассоциативных полей слов, расширении наших знаний об окружающем мире.

При этом, в ходе анализа образных сравнений с окказиональным семантическим компонентом главная задача состоит не в определении точного нового значения, что не всегда возможно, а в выявлении его «идеологического содержания», иначе говоря, личностного смысла [Купина, 1977, с. 130].

Во французской лингвистической литературе при анализе семантической структуры сравнительных конструкций особое внимание уделяется глаголам восприятия, которые называются субъективными, поскольку отражают особенности восприятия конкретного человека. В этих глаголах выделяют особую сему – субъективему, отвечающую за субъективное восприятие действительности. При этом «субъективема» не является аналогом «личностного смысла» [Kerbrat-Orecchioni, 1980, p. 102–103].

С учетом данного дополнения, структуру значения компонентов образного сравнения представляют как содержащую два вида сем, выражающих личностное отношение человека: субъективему, относящуюся к семантической структуре глагола восприятия, если он есть в сравнительной конструкции, и окказиональную сему, принадлежащую к структуре значения объекта, эталона или, в некоторых случаях, основания сравнения.

Таким образом, опираясь на достижения в осмыслении образа в литературоведении, лингвистике и психологии, научная мысль пришла к формированию психосемантического взгляда на индивидуальное образное сравнение. Особенность образного высказывания в том, что оно запускает в мышлении человека «когнитивный поиск» – процесс, в ходе которого происходит поиск формирование гипотез в отношении сопоставления двух

отдаленных понятий. При этом и читатель, и автор текста подразумевают, что рассматриваемое высказывание истинно только в данном контексте.

Психосемантический подход позволяет анализировать индивидуальное образное сравнение *на уровне значения*, выявляя заложенные в нем автором личностные смыслы. В индивидуальных образных сравнениях, часто сопоставляющих весьма отдаленные по значению понятия, содержатся *окказиональные семы*, которые *наводятся личностными смыслами автора* и представляют собой результат проекции субъективных значений на явление или предмет объективной реальности. При этом возможность сравнения неродственных понятий в значительной мере достигается благодаря модусу «как если бы», поскольку аналогия снижает риск логического абсурда [Макаренко, 2001, с. 57].

Для настоящего исследования достижения психосемантики в отношении описания принципов определения значения индивидуальных образных сравнений, таких как рассмотрение сравнений на основе анализа всего художественного произведения и изучения идейно-эстетической концепции автора, имеют крайне важное значение, поскольку мы рассматриваем сравнения писателя жанра комического фэнтези Терри Пратчетта, отличающиеся яркой, парадоксальной образностью.

Выводы по главе 1

Романы Т. Пратчетта серии «Плоский мир» переведены на множество языков и не теряют популярности, критики признают вклад писателя в развитие жанра комического фэнтези. Русскоязычные переводы романов выполнены различными переводчиками и в совокупности составляют достаточно разрозненный массив текста, в котором зачастую теряется стиль автора. Такая ситуация связана с тем, что идиостиль Т. Пратчетта отличает широкое использование интертекстуальных включений, авторских неологизмов, а также образных средств языка, которые представляют

значительную сложность для перевода. Одним из значимых компонентов идиостиля является индивидуальное образное сравнение в силу высокой частотности его использования, а также наличия ряда структурно-семантических и функциональных особенностей, которые делают сравнительные конструкции Т. Пратчетта узнаваемыми и существенными для передачи в тексте перевода.

Сравнение как категория логики представляет собой один из основных методов познания. Такое понимание заложено еще Аристотелем, указавшим на невозможность познания сущности предмета без сопоставления данного предмета с другим. В рамках логики разработана структура сравнения, в которой выделяются три основных объекта – сравниваемое, то, с чем производится сравнение, и их общий признак, благодаря которому данные объекты могут быть сопоставлены. В современной науке выделяется четвертый элемент логической структуры сравнения – вывод из сравнения, то есть новая информация о сравниваемом объекте, которую мы получаем в результате сопоставления.

Разработанная в русле логики структура сравнения лежит в основе лингвистических представлений о сравнении. Однако, если в логике вывод из сравнения всегда выражается эксплицитно, то в языке новое знание об объекте далеко не всегда выражено таким образом. В лингвистической научной литературе получила широкое распространение трехкомпонентная структура сравнительной конструкции, состоящая из сравниваемого объекта, объекта, с которым производится сравнение, и общего признака данных объектов. В.М. Огольцев, как и философы, рассматривает сравнение как метод познания и отмечает, что сравнение несет в себе новое знание [Огольцев, 1978, с. 34]. Современные лингвисты, как правило, выделяют в структуре сравнительной конструкции четвертый компонент – средство языкового оформления сравнения.

В отечественной лингвистике не принята единая терминология для компонентов структуры сравнения. В настоящем исследовании

сравниваемый объект и объект, с которым производится сравнение, обозначаются соответственно терминами *«объект»* и *«эталон»* сравнения, которые предлагаются Н.М. Девятовой [Девятова, 2011, с. 3]. Для двух остальных элементов используются получившие достаточно широкое распространение в научной литературе термины *«основание»* (общий признак объекта и эталона) и *«показатель»* сравнения (средство языкового выражения сравнения) [Баранова, 2020_1, с. 275].

Активная работа по изучению феномена сравнения в языке, которая в прошлом веке велась в отечественном языкознании, привела к появлению нескольких подходов к рассмотрению сравнения, в каждом из которых уделяется внимание определенному аспекту данного явления. Основными подходами считаются лингвоструктурный и функционально-стилистический. Первый подразумевает выявление и изучение языковых средств выражения сравнения и делится на три подвида: синтаксический (также называется грамматическим), лексико-семантический и фразеологический. Исследования в рамках функционально-стилистического подхода направлены на выявление и изучение употребления и функционирования сравнения в тексте.

В современной лингвистике сравнение рассматривается с позиций междисциплинарного подхода, который подразумевает аккумуляцию знаний о данном явлении из различных областей научного знания: лингвистики, психологии, философии. Научная мысль уходит от рассмотрения лингвистической категории сравнения с позиций определенного подхода и движется в направлении формирования нового взгляда на сравнение как на антропоцентрическую систему, что подразумевает необходимость синтеза знаний о данном явлении для исследования сравнения в его целостности, а также необходимость учета роли «сравнивающего субъекта как организующего центра сравнительной системы» [Девятова, 2011, с. 4–6].

С развитием представлений о сравнении в русле лингвистической науки данная категория становится все более интересной для изучения с

позиций теории и практики перевода. Когнитивное направление в лингвистике позволило взглянуть на сравнение как на языковое явление, в котором «находит отражение картина мира» [Девятова, 2010_1, с. 4–5], причем, как национальная картина мира, в случае с устойчивыми сравнениями, так и индивидуальная, которая находит отражение в индивидуальных образных сравнениях. Сравнение как носитель информации о картине мира народа или отдельного человека становится значимой категорией для теории и практики перевода, требующей обстоятельного изучения.

Аналитический обзор истории исследования вопроса о соотношении сравнения и метафоры, произведенный в целях изучения природы сравнения как лингвистической категории и отделения его от родственных понятий, позволил сделать вывод о том, что все множество теорий, описывающих отношения сравнения и метафоры, можно разделить на два направления: теории, отождествляющие сравнение и метафору, и теории, оспаривающие такое тождество. Традиция отождествления сравнения и метафоры берет начало в теориях античных мыслителей. С середины XX века стали появляться работы, подвергающие сравнительную теорию метафоры критическому анализу, началась разработка альтернативных теорий метафоры, в которых приводятся аргументы в пользу дифференциации данных понятий.

В настоящем исследовании поддерживается антропоцентрическое понимание сравнения, разработанное в русле междисциплинарного подхода и отраженное в зарубежных работах психолингвистического направления, а также получающее развитие в современной отечественной лингвистике [Черемисина, 1973; Девятова, 2011]. Таким образом, вслед за Н.М. Девятовой мы понимаем *сравнение как антропоцентрическую систему*, а также опираемся на тезис Р. Айзенмана о том, что сравнение и метафора отражают два различных когнитивных процесса и сознательно используются автором высказывания в разных функциях [Aisenman, 1999, p. 49].

Сравнение передается в языке разнообразными сравнительными конструкциями, функции которых зависят от целей сравнивающего субъекта. Разнообразие способов выражения сравнений в языке и выполняемых ими функций обусловило появление различных классификаций сравнительных конструкций. Еще со времен Аристотеля существует деление сравнений на образные и безóбразные [Девятова, 2010, с. 56]. Согласно И.Р. Гальперину, безóбразное или обычное сравнение подразумевает сопоставление двух объектов, относящихся к одному классу вещей, в целях определения степени сходства между этими предметами. Образное сравнение предполагает сопоставление по какому-либо общему признаку объектов, относящихся к двум разным классам [Гальперин, 1958, с. 167].

Деление сравнений на *образные* и *безóбразные* считается традиционным, при этом в отечественной лингвистике не принята единая терминология. Н.М. Девятова также вводит деление безóбразных сравнений на две группы: логические и эталонные. Эталонные сравнения отличаются от логических тем, что в них позицию эталона сравнения занимает некоторое представление о норме явления, в то время как в логическом сравнении и объект, и эталон представлены элементами, относящимися к одному онтологическому классу [Девятова, 2010, с. 56].

В англоязычной лингвистической научной литературе для безóбразного и образного сравнений используются отдельные термины. Термин *“comparison”* используют для обозначения сравнения вообще, безóбразного сравнения, термином *“simile”* называют образное сравнение. Термин *“comparison”* предполагает принадлежность сопоставляемых объектов к одному классу, понятие *“simile”* используется при сопоставлении объектов разных классов [Рыженкова, 2009, с. 32].

Принадлежность сопоставляемых предметов к разным классам, таким образом, понимается в отечественной и зарубежной научной литературе как необходимое условие для создания образного сравнения.

Общепринятым в отечественной и зарубежной лингвистике является деление образных сравнений на *языковые (устойчивые)* сравнения и *индивидуальные (авторские)* сравнения. Устойчивые сравнительные конструкции обладают постоянной формой, закрепленной в сознании говорящих, и воспроизводятся в языке в готовом виде [Баранова, 2020_1, с. 275].

Развитие теории образности происходило в русле нескольких научных направлений: литературоведения, психологии и лингвистики, с распространением междисциплинарного подхода феномен образа стал рассматриваться с позиций психолингвистики. Представители философской, психологической, лингвистической научных областей сформировали представление о художественном образе как о «двойном видении» явлений окружающего мира [Баранова, 2020, с. 256].

В лингвистике принято разделять лингвистический или «смысловой», «умозрительный» образ и художественный образ, который считается эстетической категорией. Анализ художественного образа возможно осуществить только при условии осмысления рассматриваемого произведения в целом. Настоящее исследование опирается на *семантическое обоснование образа*, которое отражено в высказывании А.Б. Аникиной, «образное слово – не обязательно метафора. Это любое слово, смысл которого не исчерпывается его обычным языковым значением» [Аникина, 1985, с. 16].

В отношении рассмотрения индивидуального образного сравнения с позиций психосемантики для целей настоящего исследования представляет интерес *необычное сочетание сопоставляемых слов*, которые, на первый взгляд, не имеют сходных признаков, и объединены *исключительно посредством ярко выраженных личностных смыслов*, заключенных в структурах каждого компонента сравнения, что и позволяет провести их сближение. Для выявления смысла сравнения реципиенту необходимо «настроиться» на волну автора и развернуть ассоциативную цепочку. Такое

сочетание представляет собой особый случай окказиональности. Н.Н. Макаренко в своем исследовании, посвященном индивидуальным образным сравнениям, называет такие сравнения парадоксальными и определяет их как *образные с окказиональным семантическим компонентом* [Баранова, 2020, с. 256]. В исследовании Н.Н. Макаренко семантическая парадоксальность сравнения усматривается в необычном сочетании объекта, подвергающегося сравнению, и объекта, с которым производится сравнение с уточнением о том, что данное явление является не семантическим нарушением, а сознательным «соединением несоединимых понятий» в рамках семантического эксперимента автора [Макаренко, 2001, с. 53].

Под *окказиональным* в данной работе понимается значение, не свойственное лексической единице изначально и возникшее при «наведении семы» [Стернин, 1979, с. 118] или при сопоставлении двух семантем, когда это сопоставление «провоцирует» появление нового смысла, косвенно относящегося к каждой из них (что может иметь место в случае сравнения) [Макаренко, 2001, с. 52].

В настоящем исследовании индивидуальное образное сравнение рассматривается с позиций психосемантики, поскольку такой подход позволяет проводить анализ сравнительных конструкций на уровне значений, который необходим для изучения сравнений Т. Пратчетта, отличающихся сложной структурой и яркой, парадоксальной образностью.

Глава 2. Индивидуальное образное сравнение как компонент идиостиля Т. Пратчетта и его значимые для перевода структурно-семантические и функциональные особенности

Вводные замечания и задачи главы

Романы Т. Пратчетта серии «Плоский мир» относятся к комическому фэнтези – достаточно новой разновидности жанра фэнтези, в связи с чем в целях представления характеристики их жанровой специфики в данной главе рассматривается жанр фэнтези и особенности, как присущие всем его видам, так и характерные именно для комического фэнтези.

Одной из значимых задач настоящего исследования являлась разработка структурно-семантической классификации индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир». Необходимость разработки данной классификации обусловлена несколькими причинами:

1. Текст романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» отличается высокой частотностью индивидуальных образных сравнений, данная черта является особенностью идиостиля писателя.

2. Высокая частотность, структурно-семантическое разнообразие, ярко выраженная семантическая парадоксальность и функциональная нагруженность индивидуальных образных сравнений в текстах романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» обусловливают значимость их изучения как объектов перевода.

3. Для изучения индивидуальных образных сравнений в текстах романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» как объектов перевода целесообразно систематизировать знания о них путем разработки структурно-семантической классификации сравнений. Данная классификация позволит переводчику ориентироваться в многообразии сравнительных конструкций Т. Пратчетта, выстраивать переводческую

стратегию, опираясь на знания о наиболее часто встречающихся типах сравнений.

4. Романы Т. Пратчетта серии «Плоский мир» относятся к развивающемуся жанру комического фэнтези. Мир, в котором действуют герои романа, имеет все основные черты мира фэнтези и некоторые особенности, обусловленные спецификой комического фэнтези. Структурно-семантическая классификация индивидуальных образных сравнений, созданная на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир», может быть полезна переводчикам, работающим с художественными произведениями жанра фэнтези, поскольку выделяемые семантические типы сравнений учитывают специфику вторичной реальности художественных произведений жанра фэнтези.

Таким образом, в настоящей главе будут рассмотрены жанровые особенности романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир», представлены результаты стуктурно-семантического анализа индивидуальных образных сравнений, а также описаны функции индивидуальных образных сравнений в данных романах.

2.1. Жанровые особенности романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» и роль индивидуального образного сравнения в создании вторичного мира данных художественных произведений

Фантастика как особый способ осмысления человеком мира через призму необычного имеет долгую историю развития: «Если попытаться проследить историю повествования подобного типа, то перечень произведений придется начать с Гомера и Апулея» [Ковтун, 1999, с. 5]. Наиболее ранними формами фантастической литературы считаются мифы и легенды, позже фантастическое находит отражение в волшебной сказке и литературе Средневековья, затем – в романтизме, литературной сказке Андерсена, Гофмана, и к XX веку традиция повествования о фантастическом

находит воплощение в научной фантастике и фэнтези [Столярова, 2009, с. 30]. В.Л. Гопман считает научную фантастику и фэнтези результатом развития традиции повествования о необычайном, формировавшейся с древних времен, и говорит о типологическом единстве мифологической фантастики, фантастики античности, Средних веков, фантастики Возрождения и романтизма [Гопман, 2004, с. 58].

В «Литературном энциклопедическом словаре» под редакцией В.М. Кожевникова и П.А. Николаева термину «фантастика» дается следующее определение: «фантастика (от греч. “phantastike” – искусство воображать) – разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел от изображения странно-необычных, неправдоподобных явлений простирается до создания особого – вымышленного, нереального, чудесного мира» [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 534].

Фантастику отличает особый тип образности, для которого характерна высокая степень условности, сознательное искажение законов логики реальной действительности, естественных форм и пропорций описываемых объектов. Фантастическая литература как особая форма словесного творчества максимально активизирует творческое мышление не только автора, но и читателя, при этом в искаженной фантастической реальности художественного произведения читатель находит отражение различных объектов и событий реальной действительности. Фантастическая образность характерна для таких фольклорных и литературных жанров, как эпос, легенда, сказка, аллегория, гротеск, сатира, утопия. Художественный эффект фантастического образа создается с помощью противопоставления свойств описываемых в произведении объектов и событий свойствам объектов и событий реальной действительности, таким образом, в основе фантастического повествования находится оппозиция реального – фантастического.

За время развития традиции повествования о необычайном фантастическая образность находила воплощение в новых формах,

происходила «постепенная дифференциация» этих форм, закрепление за ними «определенных сфер образного мышления, своеобразных идейно-тематических комплексов, выработка и обогащение художественных средств и приемов фантастики» [Черная, 1972, с. 9]. В литературе фантастика прошла долгий путь, прежде чем в конце XIX – начале XX века воплотиться в форме жанра фэнтези.

Жанр фэнтези представляет собой весьма интересный и перспективный для изучения литературный жанр, поскольку является достаточно новым и малоизученным, при этом активно развивается, вбирает в себя черты других жанров, аккумулирует и подвергает переосмыслению накопленный человечеством опыт, а также имеет собственные характеристики, отличающие его от других литературных жанров.

Эпичность описываемых событий и некоторую исходную трагичность произведения жанра фэнтези перенимают от мифа, создание волшебного мира со своими законами фэнтези заимствует у сказки. С появлением литературной сказки происходит следующий шаг на пути к появлению жанра фэнтези: в реальность литературной сказки начинает проникать быт [Столярова, 2009, с. 31]. Влияние рыцарских романов на фэнтези проявляется в мотиве борьбы добра со злом, при этом фэнтези отличается тем, что справедливость в произведениях этого жанра ценится так же высоко, как в рыцарских романах, однако не всегда одерживает победу. Такое обстоятельство связано с тем, что фэнтези, в отличие от мифа, сказки, рыцарского романа, имеет ярко выраженные реалистические черты. В фэнтези реализуется сложная задача реалистического описания того, что имеет весьма слабую связь с реальной действительностью. Для решения этой задачи фэнтези использует ряд литературных приемов, выработанных в рамках реализма. С позиций реалистической традиции конструируется способ мышления героев, их мотивации [Там же. С. 32]. Сюжет произведения жанра фэнтези отличается тем, что в нем встречаются «уколы

случайности», искажающие баланс добра и зла и меняющие ход событий вполне реалистическим способом [Лем, 2004, с. 114].

При наличии у фэнтези ряда черт, сближающих его с другими жанрами, на сегодняшний день фэнтези признается самостоятельным жанром, имеющим существенные отличия от других течений, в которых задействован элемент фантастического. Так, ключевое отличие фэнтези от научной фантастики – принципиальная невозможность существования фэнтезийных миров, отсутствие какого-либо рационального объяснения фантастических явлений. Если в научной фантастике необычные явления описываются как потенциально возможные в реальном мире при определенных условиях, например, вследствие научных открытий, то в фэнтези могут появиться «любые фантастические элементы без всяких объяснений и ограничений» [Степновска, 2000, с. 48]. Различие фэнтези и мистической литературы, как правило, связывают с тем, что в произведениях жанра фэнтези сюжет разворачивается в вымышленном мире со своими законами и необычными обитателями, в мистической же литературе действие происходит в нашем мире, в который вторгаются потусторонние силы [Swinfen, 1984, p. 92]. Также к отличиям данных жанров относят время действия произведения: в фэнтези преимущественно описываются квазисредневековые миры, в мистической литературе действие зачастую происходит в современном мире [Новичков, 2012, с. 64]. Мистическую литературу, а также литературу ужасов отличает от жанра фэнтези иное отношение к волшебному: в фэнтези чудесное является частью волшебного мира произведения, принимается как данность и не нуждается в объяснениях, в мистической литературе и литературе ужасов сверхъестественное предстает чем-то из ряда вон выходящим, необъяснимым или имеющим объяснение лишь с позиции метафизических концепций. Как упоминалось ранее, различия фэнтези и сказки связаны с присутствующими в фэнтези элементами реализма в построении сюжета, описании героев. В отличие от сказки, фэнтези не имеет стабильной сюжетной схемы, герои фэнтези –

тщательно прописанные персонажи, а не типы [Там же. С. 66]. Не вызывает сомнений и четкое разграничение мифа и фэнтези. Связь данных жанров усматривается в сознательном художественном воссоздании мифа в произведениях жанра фэнтези с переосмыслением основ мифологического мышления [Баранова, 2021, с. 499–500].

Период оформления фэнтези в самостоятельный жанр, как правило, относят к концу XIX – началу XX века [Алексеев, 2006; Березин, Электронный ресурс; Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003; Сапковский, 2002; Степновска, 2000; Camp, 1976; Hein, 1993; Swinfen, 1984]. При этом вопрос о том, кого следует считать основателем данного жанра, является дискуссионным. Так, по мнению А. Сапковского, наиболее ранними произведениями жанра фэнтези можно назвать комиксы американского художника и пионера мультипликации Уинзора Маккея «Маленький Немо в Стране снов» (“Little Nemo in Slumberland”, 1905) [Сапковский, 2002, с. 198]. Р. Хейн считает «отцом фэнтези» английского писателя Джорджа Макдональда, в романе которого «Фантастес. Волшебная повесть для мужчин и женщин» (“Phantastes: A Faerie Romance for Men and Women”, 1858) впервые создан обособленный фантастический мир [Hein, 1993]. Роман английского поэта и искусствоведа Уильяма Морриса «Колодец на краю света» (“The Well at the World's End”, 1896), а также сборники рассказов ирландского писателя Эдварда Планкетта (работавшего под именем лорда Дансени) «Боги Пеганы» (“The Gods of Pegana”, 1905) и «Меч Веллерана и другие рассказы» (“The Sword of Welleran and Other Stories”, 1908) относят к протофэнтези [Алексеев, 2006, с. 282; Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003, с. 1162]. Расцвет жанра фэнтези приходится на середину XX века, когда выходят в свет произведения английских писателей К.С. Льюиса, Дж.Р.Р. Толкина, Ч. Уильямса.

Для современного этапа развития фантастической традиции характерно «контекстное использование фантастики», при котором реалистическое, на первый взгляд, повествование имеет «символико-иносказательный оттенок»

и дает в определенной степени зашифрованную отсылку к мифологическому сюжету («Кентавр» (“The Centaur”, 1963) Дж. Апдайка; «Корабль дураков» (“Ship of fools”, 1962) К.А. Портер) [Назин, 2007, с. 14].

В этой связи целесообразно упомянуть о концепции игровой природы культуры голландского философа, историка и культуролога Йохана Хёйзенги, работа которого «Человек играющий» (“Homo ludens”, 1938) имеет существенное значение для понимания культурного, а значит, и литературного контекста XX века, в течение которого происходило становление жанра фэнтези. Й. Хёйзинга называет игровое начало одним из главных признаков европейской цивилизации: культура в самых различных своих проявлениях (от творчества до войн) содержит в себе игровое начало. В современной литературе игровое начало находит самые разнообразные формы выражения, в числе которых игра образами и смыслами. С тягой человека к игре связано особое внимание, которое многие писатели уделяют фантастическому, волшебному. При этом использование элементов фантастического в художественном произведении далеко не всегда осуществляется с целью развлечь читателя. Это обстоятельство подверг тщательному рассмотрению философ и литературовед Цветан Тодоров в монографии «Введение в фантастическую литературу» [Тодоров, 1999].

В романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир», рассматриваемых в настоящем исследовании, широко используется игра образами и смыслами, позволяющая автору элегантно справиться с непростой задачей – обратить внимание читателя на серьезные социальные, зачастую философские вопросы, не утомляя его, а напротив, развлекая описанием комичных ситуаций. Так, в книге «Мрачный жнец» (“Reaper Man”) Т. Пратчетт предлагает вниманию читателя две сцены из жизни обитателей Плоского мира. В первой сцене представляется разговор мух-однодневок, кружащих над ручьем в лучах заходящего солнца. Старшие мухи рассказывают младшим о прекрасных былых временах, когда «…солнце было настоящим … желтым, а не каким-то там красным, как сейчас», а в поле была корова,

стояла «…целых сорок, нет, пятьдесят минут!» [Пратчетт, 2018_1, с. 12]. Затем происходит всплеск воды – и старшие мухи исчезают. А одна из младших выдает версию, которая могла бы сложиться в восприятии мухи-однодневки: «…когда Великая Форель съедает тебя, ты попадаешь в страну, изобилующую… изобилующую… – Мухи-однодневки ничего не едят, потому молодая мушка пребывала в полной растерянности. – Страну, изобилующую водой» [Там же. С. 14]. Сразу после этой сцены описывается разговор самых древних существ Плоского мира – Считающих Сосен, старшей из которых более тридцати тысяч лет. Старшая сосна тоже рассказывает младшим о былых временах, когда вместо полей были «…настоящие ледники. Не такие, как нынче, – задержатся на один сезон, и нет их» [Там же. С. 16]. Фоном же для их разговора являются сменяющиеся сезоны, которые в восприятии сосен проходят мгновенно: «Появился снег, задержался на мгновение и тут же растаял» [Там же]. В середине диалога старшее дерево внезапно исчезает, после чего оставшиеся сосны говорят младшим, что старшая «…ушла в Лучшее Место». Что это за место, им «…точно не известно…», но сосны думают, «…что оно как-то связано с… опилками» [Там же. С. 17]. Т. Пратчетт отмечает, что разговор этих созданий, описанный на паре страниц, занял семнадцать лет. А «…события, длящиеся менее одного дня, сосны не воспринимают… потому они и не слышали стука топоров» [Там же. С. 17–18].

Рассмотрим подробнее термин *«фэнтези»*. Данное понятие было введено в употребление английским писателем, ученым и переводчиком Дж.Р.Р. Толкином в лекции «О волшебных историях» (“On Fairy-Stories”), представленной им в марте 1939 года в Сент-Эндрюсском университете. В тексте лекции, которая позже легла в основу одноименного эссе, Дж.Р.Р. Толкин использует понятие «фэнтези» как определяющее для своего литературного творчества [Tolkien, 2001].

В «Литературном энциклопедическом словаре» термину «фэнтези» дается следующее определение: «фэнтези (англ. “fantasy”) – вид

фантастической литературы (или литературы о необычайном), основанной на сюжетном допущении иррационального характера. Это допущение не имеет «логической» мотивации в тексте, предполагая существование фактов и явлений, не поддающихся, в отличие от научной фантастики, рациональному объяснению» [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 537].

В отечественной научной литературе термин «фэнтези» еще не обрел свою окончательную форму. В работах разных исследователей данное понятие имеет различное написание и различается грамматическим родом. Так, существует вариант «фэнтези» среднего рода [Лопухов, Электронный ресурс; Столярова, 2009], достаточно распространенным является употребление термина «фэнтези» в форме женского рода [Березин, Электронный ресурс; Галина, 1998; Новичков, 2012], также встречается вариант “fantasy” женского рода [Ковтун, 1993, 1998, 1999, 2006] и «фэнтези» без указания на род [Мещерякова, 1998; Попова, 1996].

В настоящем исследовании мы вслед за И.А. Столяровой, рассматривавшей в своей работе особенности перевода комического в литературе жанра фэнтези на материале романов Т. Пратчетта [Столярова, 2009], будем использовать термин среднего рода – «фэнтези».

Формирование содержательной стороны понятия «фэнтези» также связано с именем Дж.Р.Р. Толкина, книги которого «Хоббит» (“The Hobbit, or There and Back Again”, 1937) и «Властелин колец» (“The Lord of the Rings”, 1954–1955 гг.) были признаны эталоном фэнтези и дали мощный импульс развитию этого жанра [Алексеев, 2006, с. 283; Березин, Электронный ресурс; Галина, 1998, с. 162; Swinfen, 1984, p. 1]. Именно работы Дж.Р.Р. Толкина заложили основы для формирования современного канона фэнтези, согласно которому произведение данного жанра представляет собой серию романов или многотомный роман с множеством героев и тщательно прописанным миром [Новичков, 2012, с. 60].

Отметим, что рассматриваемая в настоящем исследовании серия романов Т. Пратчетта «Плоский мир» (“Discworld”) жанра комического

фэнтези в полной мере соответствует данному канону в силу того, что представляет собой многотомное издание с тщательно прописанным волшебным миром и множеством сквозных персонажей, задействованных в различных ветках повествования, образующих калейдоскоп историй, происходящих в разное время в различных частях Плоского мира.

Дж.Р.Р. Толкин в эссе «О волшебных историях» (“On Fairy-Stories”) подробно излагает свое видение произведений жанра фэнтези. Писатель говорит о существовании трех основных функций волшебной сказки: восстановление душевного равновесия, которое способствует избавлению читателя от стереотипов и позволяет увидеть окружающий его мир таким, какой он есть; бегство от действительности, дающее свободу от оков механической цивилизации, где нет места естественности и сказке; а также счастливый конец или утешение, под которым писатель имеет в виду способность волшебной сказки вызывать «просветление человеческой души», ее очищение при соприкосновении со сказкой и соучастии в фантазии [Tolkien, 2001, p. 27].

В качестве *необходимой особенности* произведений жанра фэнтези Дж.Р.Р. Толкин называет сотворение автором *вторичного мира* (“Secondary World”) с помощью фантазии [Ibid. P. 25]. Термин «вторичный мир», как и термин «фэнтези», впервые использован Дж.Р.Р. Толкином в эссе «О волшебных историях» (“On Fairy-Stories”) для обозначения любого мира, страны, земли, где происходит действие произведения жанра фэнтези [Tolkien, 2001, p. 25]. Впоследствии понятие «вторичный мир» получило широкое распространение в литературе. В настоящее время данный термин используется для обозначения уникального мира, создаваемого автором произведения фэнтези. Ключевой характеристикой вторичного мира сегодня считается его обособленность от реального мира, который называют «первичным миром». Вторичный мир имеет собственную логику и особенности, отличающие его от первичного мира. Реальность вторичного мира, безусловно, имеет корни в «первичной» реальности, но она существует

отдельно от нашего мира по своим уникальным законам. «Во главе фэнтези лежит сотворение постоянно меняющегося «вторичного мира» и его истории» [Алексеев, 2006, с. 281]. Писатели, работающие в жанре фэнтези, не только дают подробное описание вторичного мира, но часто изображают его карты, описывают историю, мифологию, особенности физического устройства мира, его флоры и фауны, а также создают язык для различных рас волшебной реальности. Вторичный мир обязательно обладает овеществленной конкретностью, поскольку в противном случае волшебную историю можно отнести к притче или философской аллегории, т.е. к другому жанру. Это условие также оговаривается Дж.Р.Р. Толкином, который отстаивает жанровую самостоятельность фэнтези как литературного явления [Назин, 2007, с. 15].Таким образом, тщательно прописанный вторичный мир является неотъемлемым признаком жанра фэнтези, отсутствие данного признака влечет возможность отнесения произведения к другому жанру.

После выхода американского издания «Властелина колец» в 1961 году жанр фэнтези начинает развиваться лавинообразно. Именно в это время он привлекает внимание критиков, в первую очередь, американских специалистов в области литературоведения. Ученые формулируют определения понятия «фэнтези», создают понятия для обозначения его разновидностей, обсуждают характерные особенности жанра [Camp, 1963, 1976; Carter, 1973].

Внутри жанра фэнтези выделяют ряд его разновидностей, которые различные исследователи классифицируют по разным основаниям. К наиболее общим классификациям относят деление фэнтези на эпическое и комическое [Столярова, 2009, с. 35]. Для эпического фэнтези характерны возвышенный стиль повествования, глубокая философичность, драматичность и даже трагедийность сюжета, связанная с тем, что решение героями нравственных проблем зачастую происходит на грани жизни и смерти. К данному жанру относятся произведения У. ле Гуин, Р. Джордана, Дж.Р.Р. Мартина, Дж.Р.Р. Толкина. Среди представителей жанра

комического фэнтези, как правило, называют Д. Адамса, Р. Асприна, Д. Бибби, Т. Пратчетта [Новичков, 2012, с. 75]. Комическое фэнтези отличается такими особенностями, как легкий стиль изложения, изобилующий шутками, забавными ситуациями, в которые постоянно попадают герои произведения, наделение героев ироническим отношением к происходящим событиям. Также для комического фэнтези характерна пародийность [Баранова, 2021, с. 500]. В произведениях этого жанра часто встречается пародирование явлений реального мира: социальных институтов, научных теорий, сюжетов художественных произведений [Столярова, 2009, с. 35].

Все перечисленные черты в полной мере характерны для романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир»: тексты романов насыщены комическими эпизодами, многочисленными аллюзиями на различные художественные произведения, события мировой истории, научные теории; пародия на социальные институты в них также присутствует. Зарубежные исследователи отмечают обилие критики различных общественных явлений в данной серии романов Т. Пратчетта [Britton, 2018, p. 2]. Т. Пратчетт в свойственной ему легкой манере затрагивает разнообразные социальные вопросы: рассматривает феномен власти, обращает внимание на характерные черты различных светских и религиозных организаций. Произведения Т. Пратчетта серии «Плоский мир», по замечанию зарубежных литературных критиков, эволюционировали от грубоватой пародии, высмеивающей недостатки и клише жанра фэнтези, в обособленное литературное явление, серию романов, отличающихся сложной повествовательной структурой и проработанным фантастическим миром [Ibid. P. 1]. Сочетая общепринятые приемы жанра фэнтези и сатиру, Т. Пратчетт ретранслирует социальную критику реального мира с помощью искусно построенных образных средств языка, вызывая у читателей как смех, так и глубокие размышления.

Существует множество подходов к выделению ключевых характеристик жанра фэнтези, среди которых, как правило, упоминаются

борьба добра и зла как основа сюжетной линии; авантюрный сюжет; присутствие потустороннего мира, магии, фантастических существ и явлений; скрытое противопоставление волшебства техническому прогрессу с негативным отношением к последнему; полная свобода писателя при построении сюжета, связанная с отсутствием каких-либо ограничений при создании вымышленного мира [Столярова, 2009, с. 41–42]. При наличии различных концепций жанра фэнтези, в рамках которых выделяются разные наборы наиболее существенных признаков данного жанра, исследователи сходятся в том, что необходимым признаком фэнтези является вторичный мир – создаваемый автором волшебный мир, обособленный от нашей реальности и имеющий собственные законы возникновения и развития [Алексеев, 2006; Губайловский, 2002; Новичков, 2012; Чернышева, 1985; Attebery, 1980].

Произведения Т. Пратчетта отличаются тщательно проработанным вторичным миром, что отмечается в критической литературе [Britton, 2018, p. 1]. Т. Пратчетт описывает географию Плоского мира, подробно описаны районы главного города – Анк-Морпорка; в романах часто акцентируется внимание на необычных законах физики, согласно которым, к примеру, свет в изображаемой автором реальности медлителен [Pratchett, 1988, p. 28–29]; описывается пантеон богов Плоского мира и особенности соответствующих культов; упоминаются различия в языках разных рас (так, например, Т. Пратчетт комически обыгрывает отсутствие иронии в языке гномов [Pratchett, 2012, p. 201]); также обстоятельно расписаны традиции и обычаи различных народностей и некоторые исторические события вторичного мира. Часто встречается в текстах романов описание животных и растений, встречающихся в различных регионах Плоского мира. Для создания детального описания волшебной реальности Т. Пратчетт широко использует средства выразительности, среди которых преобладают индивидуальные образные сравнения.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что произведения жанра комического фэнтези обладают особыми свойствами, которые нужно учитывать при выполнении перевода, поскольку иначе могут возникнуть коммуникативные сбои и нарушение целостности восприятия произведения. Одним из важнейших признаков жанра фэнтези, наличие которого необходимо для отнесения произведения к данному жанру, является сотворение писателем обособленного от реальной действительности вторичного мира произведения.

Рассматриваемые в настоящем исследовании романы Т. Пратчетта серии «Плоский мир» в полной мере обладают признаками, позволяющими отнести их к жанру фэнтези и определить как произведения такой его разновидности, как комическое фэнтези: книги под общим заглавием «Плоский мир» представляют собой серию романов, в которых описываются приключения множества различных героев, а действие происходит в тщательно прописанном обособленном волшебном мире, при этом повествование насыщено комическими элементами, многочисленными аллюзиями на явления реального мира, пародийными фрагментами.

Идиостиль Т. Пратчетта отличается широким использованием образных языковых средств, среди которых преобладают сравнения, в частности индивидуальные образные сравнения. Индивидуальные образные сравнения помогают писателю передать необычные образы объектов и явлений вторичного мира, а также используются в ряде других значимых для построения произведения функций, которые будут рассмотрены в пункте 2.3. настоящей работы. Индивидуальное образное сравнение является преобладающим средством выразительности в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир», оно «неизменно присутствует» в рассматриваемой серии романов, составляющей значительную часть творческого наследия Т. Пратчетта, в связи с чем, согласно В.В. Виноградову, оно может быть отнесено к средствам выражения, образующим «стилистическое ядро»

произведений автора [Виноградов, 1963, с. 80], или к стилистическим доминантам идиостиля Т. Пратчетта.

На Рисунке 1 представлено отношение индивидуальных образных сравнений ко всем сравнениям в рассматриваемых романах Т. Пратчетта.

Рисунок 1 – Доля индивидуальных образных сравнений в общем количестве сравнений в текстах романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир»

2.2. Структурно-семантическая классификация индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир»

В целях систематизации знаний об индивидуальных образных сравнениях, встречающихся в текстах романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир», в настоящем исследовании была разработана структурно-семантическая классификация данных сравнений. При разработке данной классификации мы опирались на созданные в рамках филологических исследований классификации образных сравнений, обзор которых представлен в пункте 1.4. настоящей работы. В результате проведенного анализа данных классификаций было установлено, что в структурно-

семантическом плане сравнительные конструкции классифицируют по семантическому типу структурных компонентов сравнения: по типу объекта, по типу эталона, по типу основания, иными словами, можно выделить три типа таких классификаций.

Наиболее часто в научной литературе встречаются классификации устойчивых образных сравнений, что можно связать с тем, что данные сравнения закреплены в языке, вследствие чего представляют особый интерес для лингвистики как часть языка, в частности для сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания, материал для их изучения постоянно аккумулируется в словарях устойчивых сравнений. Индивидуальные образные сравнения, являясь окказиональными единицами, реже становятся предметом классификаций, поскольку, классификация всего массива таких сравнений представляется нецелесообразной и с малой долей вероятности возможной, классификация же образных сравнений одного автора также не во всех случаях целесообразна. При этом в существующих исследованиях, посвященных индивидуальным образным сравнениям, также принято делить рассматриваемые сравнения по семантическим типам их структурных компонентов.

При построении структурно-семантической классификации индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» мы опирались на ряд классификаций каждой выделяемой группы:

1. По семантическому типу объекта – классификация И.З. Искандеровой [Искандерова, 1982],

2. По семантическому типу эталона – классификация В.М. Огольцева [Огольцев, 1978], классификация Е.Н. Колодкиной и С.Г. Альгиной [Колодкина, Альгина, 1997],

3. По семантическому типу основания – классификация Т.Н. Федуленковой [Федуленкова, 2000], классификация Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1998].

Разрабатываемая в настоящем исследовании классификация также подразумевает выделение семантических типов объекта, эталона и основания сравнения. Кроме того, мы уточняем данную классификацию указанием на способ выражения объекта и эталона: они могут быть выражены одной лексемой, словосочетанием или предложением, а также на способ выражения основания сравнения, которое может быть выражено эксплицитно или имплицитно. Классификация по типу эталона также включает деление эталонов по наличию в них выявленных в ходе исследования семантически парадоксальных сочетаний компонентов.

Мы опираемся на предложенное Х.М. Гурбановым деление сравнений по сложности объекта и эталона на *предметные* и *ситуативные* [Гурбанов, 1988]. Согласно данной классификации, предметными являются сравнения, предполагающие сопоставление явлений, предметов, их качеств и действий, а ситуативными – сравнения, отражающие сопоставление ситуаций, то есть сравнение явлений, предметов, их качеств и действий в их взаимосвязи. Также Х.М. Гурбанов отмечает, что данные виды сравнений передаются единицами разных уровней [Гурбанов, 1988, с. 15].

Продолжая логическое построение Х.М. Гурбанова, мы спускаемся на более низкий уровень структуры сравнения и классифицируем его элементы, объект и эталон, по степени их сложности, для чего вводим понятия *«объект-элемент», «эталон-элемент», «объект-ситуация», «эталон-ситуация».* Такой шаг обусловлен результатами анализа текстов романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир», в соответствии с которыми сравнения могут содержать различные комбинации из видов объекта и эталона: предмет может сопоставляться как с предметом, так и с ситуацией; ситуация, в свою очередь, также может сопоставляться с ситуацией или с предметом. Классификация же Х.М. Гурбанова предполагает деление всех сравнений на два типа: ситуативные – в случае сопоставления выраженной объектом ситуации и выраженной эталоном ситуации, предметные – сопоставление двух предметов, выраженных объектом и эталоном.

В целях предотвращения путаницы в терминологии, *объект* и *эталон*, обозначающие *предмет, явление, качество или действие* будем называть соответственно *объект-элемент и эталон-элемент.* Данные виды компонентов структуры сравнения по степени сложности являются простыми и могут быть выражены различными средствами.

Способы выражения объекта-элемента и эталона-элемента.

1. Одной лексемой:

1.1. "The accumulated hiss of the falling grains makes the room roar like the sea" [Pratchett, 1988, p. 9]**.**

1.2. "This was rich country, full of silt and rolling cabbage fields and neat little kingdoms whose boundaries wriggled like snakes as small, formal wars, marriage pacts, complex alliances and the occasional bit of sloppy cartography changed the political shape of the land" [Pratchett, 1988, p. 54]**.**

1.3. "With the little moustache and the grin like a lizard?" [Pratchett, 1988, p. 58].

В данных примерах сравнительная конструкция построена по схеме *«объект-элемент + эталон-элемент»;* объект и эталон выражены одной лексемой.

2. Словосочетанием (описывающим, как правило, какой-либо объект в статичном состоянии):

2.1. "He rushed forward to help the fallen figure, and found himself grabbing hold of a hand that was nothing more than polished bone, smooth and rather yellowed like an old billiard ball" [Pratchett, 1988, p. 21].

В данном примере сравнительная конструкция построена по схеме *«объект-элемент + эталон-элемент»;* объект и эталон выражены словосочетанием.

2.2. "There were a lot of funereal drapes here, and a grandfather clock with a tick like the heartbeat of a mountain" [Pratchett, 1988, p. 38]**.**

В данном примере сравнительная конструкция построена по схеме *«объект-элемент + эталон-элемент»;* объект выражен одной лексемой, эталон выражен словосочетанием.

Объект и эталон, обозначающие *ситуацию (под ситуацией в настоящей работе понимается описание предметов, явлений, качеств или действий в их взаимосвязи с другими предметами, явлениями, качествами или действиями)*, будем называть соответственно *объект-ситуация и эталон-ситуация.* Данные виды компонентов структуры сравнения описывают ситуацию *в динамике,* по степени сложности являются сложными и могут быть выражены различными средствами.

Способы выражения объекта-ситуации и эталона-ситуации:

1. Словосочетанием:

1.1. “So let’s just say that Ankh-Morpork is as full of life as an old cheese on a hot day, as loud as a curse in a cathedral, as bright as an oil slick, as colourful as a bruise and as full of activity, industry, bustle and sheer exuberant busyness as a dead dog on a termite mound” [Pratchett, 1988, p. 30].

В данном примере сравнительная конструкция построена по схеме *«объект-элемент + эталон-ситуация (1) + эталон-ситуация (2) + эталон-элемент (3) + эталон-элемент (4) + эталон-ситуация (5)».*

Объект, Ankh-Morpork (название города) выражен одной лексемой.

Эталоны ***«an old cheese on a hot day» (1), «a curse in a cathedral» (2)*** *и* ***«a dead dog on a termite mound» (5)*** выражены словосочетанием и относятся к эталонам-ситуациям, поскольку в них дается описание нескольких элементов (предметов, существ, явлений), взаимодействие которых образует ситуацию.

Эталоны «***an oil slick» (3) и «a bruise» (4)*** выражены словосочетанием и одной лексемой соответственно.

На данном примере хорошо прослеживается разница между компонентом структуры сравнения (объектом или эталоном) вида «элемент»

и вида «ситуация». В отличие от эталонов-ситуаций (1), (2) и (5), также выраженных словосочетанием, эталон «***an oil slick» (3)*** содержит описание лишь одного элемента (нефтяное пятно, предмет неживой природы), а не нескольких элементов в их взаимодействии, поэтому он должен быть отнесен к виду «эталон-элемент».

2. Предложением:

2.1. "***And the world turned into treacle. It began to fill up with blue and purple shadows, like a heatstroke dream, and sound faded away until the roar of the court became distant and scritchy, like the music in someone else's headphones"*** [Pratchett, 1988, p. 60]**.**

В данном примере сравнительная конструкция построена по схеме *«объект-ситуация + эталон-элемент»;* объект выражен предложением, эталон выражен словосочетанием.

2.2. "*He wanted to say that he felt as though he stepped on a molehill and found that it was really a volcano"* [Pratchett, 1988, p. 27]**.**

В данном примере сравнительная конструкция построена по схеме *«объект-элемент + эталон-ситуация»;* объект выражен одной лексемой, эталон выражен предложением.

2.3.* "*The denizen would usually mutter something and hurry away, since anyone wishing to live in The Shades for longer than maybe three hours developed very specialised senses indeed and would no more hang around near Mort than a peasant would stand near a tall tree in thundery weather" [Pratchett, 1988, p. 71–72]**.**

В данном примере сравнительная конструкция построена по схеме *«объект-ситуация + эталон-ситуация»;* объект и эталон выражены предложением.

3. Группой предложений.

"There was a noise like –

It made Mort recall the old yard at home, with a pang of homesickness. During the harsh Ramtop winters the family kept hardy mountain tharga beasts

in the yard, chucking in straw as necessary. After the spring thaw the yard was several feet deep and had quite a solid crust on it. You could walk across it if you were careful. If you weren't, and sank knee deep in the concentrated gyppo, then the sound your boot made as it came out, green and steaming, was as much the sound of the turning year as birdsong and beebuzz.

It was that noise" [Pratchett, 1988, p. 146].

В данном примере сравнительная конструкция построена по схеме *«объект-предмет + эталон-ситуация»;* объект выражен одной лексемой, эталон выражен группой предложений.

Таким образом, мы углубляем классификацию образных сравнений по степени сложности объекта и эталона, предложенную Х.М. Гурбановым, проведя анализ компонентов структуры индивидуальных образных сравнений и выявив их возможные комбинации. Поскольку и объект, и эталон сравнения могут относиться как к виду «элемент», так и к виду «ситуация», в структуре индивидуального образного сравнения могут встречаться следующие комбинации компонентов разных видов:

1. Объект-элемент + эталон-элемент;

2. Объект-элемент + эталон-ситуация;

3. Объект-ситуация + эталон-элемент;

4. Объект-ситуация + эталон-ситуация.

Выделение данных комбинаций влечет за собой *необходимость конкретизации терминов «ситуативное» и «предметное» сравнение.* Как упоминалось выше, Х.М. Гурбанов называет предметными сравнения, в которых сопоставляются явления, предметы, их качества, действия, то есть сравнения, структура которых имеет вид *«объект-элемент + эталон-элемент».*

Ситуативные сравнения по классификации Х.М. Гурбанова – это сравнения, в которых отражено сопоставление ситуаций, то есть сравнения вида *«объект-ситуация+эталон-ситуация»*.

Учитывая существование и значительную распространенность в изучаемом материале индивидуальных образных сравнений, в которых один компонент структуры сравнения относится к виду «элемент», а другой – к виду «ситуация», необходимо определить, к какому из выделенных Х.М. Гурбановым типу сравнений их отнести. Мы полагаем, что все *сравнения, в которых хотя бы один структурный компонент (объект или эталон) представляет собой ситуацию, следует относить* ***к ситуативным сравнениям.*** Такой выбор обусловлен тем, что классификация проводится в целях облегчения работы со сравнительными конструкциями при переводе. Объект или эталон вида «ситуация» является более сложным по структуре, смысловой нагруженности, соответственно, представляет бóльшую сложность для переводчика по сравнению с компонентом вида «элемент». В связи с этим при рассмотрении сравнительной конструкции переводчику важно определить, содержит ли сравнение компонент вида «ситуация». При этом не существенно, один или все компоненты сравнения имеют вид «ситуация», поскольку так или иначе при работе с таким сравнением придется осмыслять и воссоздавать в тексте перевода ситуацию.

Соответственно, в согласии с данной логикой ***предметным*** мы называем сравнение, в котором все компоненты структуры (объект, эталон) имеют вид «элемент».

Выявленное в ходе исследования соотношение частотности употребления предметных и ситуативных сравнений в текстах рассматриваемых романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» представлено на Рисунке 2.

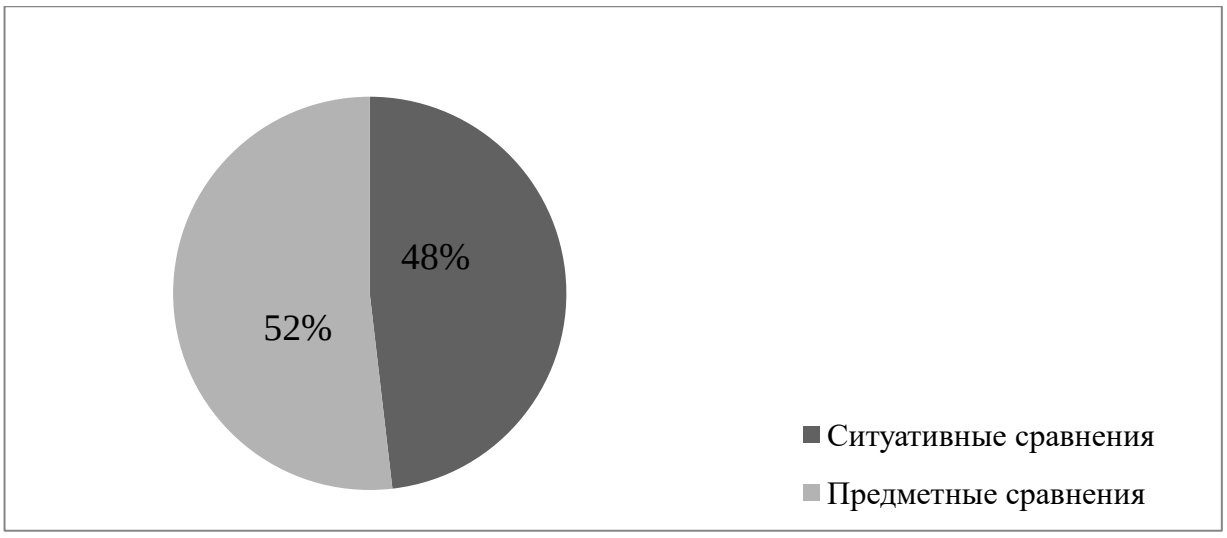


Рисунок 2 – Соотношение ситуативных и предметных индивидуальных образных сравнений в текстах романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир»

Далее в целях разработки классификации сравнений по семантическому типу объекта и эталона, мы опираемся как на вышеперечисленные классификации сравнений по семантическому типу объекта и эталона, так и на полученное деление сравнений в зависимости от принадлежности объекта и эталона к виду «элемент» или виду «ситуация».

Необходимо отметить, что в рассмотренных классификациях, подробный обзор которых представлен в пункте 1.4. настоящей работы, подразумевающих выделение семантических типов объектов и эталонов, как правило, рассматриваются объекты и эталоны вида «элемент». Так, В.М. Огольцев выделяет двенадцать семантических групп устойчивых образных сравнений *по типу эталона*, среди которых, например, человек и его характеристики *(как маленький, как барин)* [Огольцев, 1978]. Классификация Е.Н. Колодкиной и С.Г. Альгиной также включает деление устойчивых образных сравнений на группы в зависимости от семантического типа эталона. В данной классификации выделяется шесть семантических групп, часть которых по смыслу совпадает с семантическими группами В.М. Огольцева (название человека (*to cry like a baby*); название животного *(to sting like a wasp)* и другие) [Колодкина, Альгина, 1997]. В классификации

И.З. Искандеровой представлено наиболее крупное деление для любых типов сравнений (как образных, так и необразных) по типу объекта. И.З. Искандерова делит объекты сравнения на следующие типы: предметы, действия или качества, то есть говорит об объектах-элементах, не учитывая объекты-ситуации [Искандерова, 1982].

Таким образом, для разработки полной структурно-семантической классификации индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» необходимо учитывать существование двух различных видов объекта и эталона сравнения: вида «элемент» и вида «ситуация».

Для разработки классификации сравнений *в зависимости от семантического типа объекта или эталона вида «элемент»* будем опираться на классификации В.М. Огольцева [Огольцев, 1978], Е.Н. Колодкиной и С.Г. Альгиной [Колодкина, Альгина, 1997], И.З. Искандеровой [Искандерова, 1982]. Принимая во внимание специфику фантастичной реальности вторичного мира жанра фэнтези, мы выделяем семантические типы объекта-элемента и эталона-элемента.

Для произведений жанра фэнтези, в частности для серии романов «Плоский мир» Т. Пратчетта, характерно значительное количество персонажей (среди которых множество существ, которые отсутствуют в реальном мире) и необычных явлений (магических или связанных с иным устройством законов природы вторичного мира). В связи с этим в целях настоящего исследования мы будем классифицировать индивидуальные образные сравнения в зависимости *от принадлежности объекта и эталона вида «элемент» к следующим* ***семантическим типам****: «предмет», «явление», «персонаж», «действие», «качество»*. Рассмотрим семантические типы и подтипы объекта и эталона вида «элемент» на примерах из текстов рассматриваемых романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир».

Семантические типы объекта и эталона вида «элемент»

1. Предмет – объект естественного или искусственного происхождения, не наделяемый человеческим разумом.

Подтипы:

1.1. Предмет неживой природы:

"mountains, jagged as cat's teeth" [Pratchett, 1988, p. 49] – сравнение с **объектом** вида «элемент», типа «предмет», подтипа «предмет неживой природы»;

"…implacable as a glacier and far colder, the real reality was grinding back towards Sto Lat" [Pratchett, 1988, p. 151] – сравнение с **эталоном** вида «элемент», типа «предмет», подтипа «предмет неживой природы».

1.2. Предмет живой природы:

"…something like a large bluebottle with cat-sized dentures flopped out of the air" [Pratchett, 2012, p. 219] – сравнение с **объектом** вида «элемент», типа «предмет», подтипа «предмет живой природы».

"…dragging the wizard behind her like a reluctant puppy" [Pratchett, 1988, p. 135] – сравнение с **эталоном** вида «элемент», типа «предмет», подтипа «предмет живой природы».

1.3. Рукотворный предмет:

"'What's a curry?'

The blue fires flared deep in the eyes of Death.

HAVE YOU EVER BITTEN A RED-HOT ICE CUBE?

'No, sir,' said Mort.

CURRY'S LIKE THAT" [Pratchett, 1988, p. 31] – сравнение с **объектом** вида «элемент», типа «предмет», подтипа «рукотворный предмет».

"History unravels gently, like an old sweater" [Pratchett, 1988, p. 150] – сравнение с **эталоном** вида «элемент», типа «предмет», подтипа «рукотворный предмет».

2. Явление – явление, процесс или событие окружающего мира.

Подтипы:

1.1. Явление природы:

"cat-shaped clouds" [Pratchett, 1988, p. 32] – сравнение с **объектом** вида «элемент», типа «явление», подтипа «явление природы»;

"In some of the deep valleys the trapped daylight of the Disc, which is slow and slightly heavy was evaporating like silver steam" [Pratchett, 1988, p. 28–29] – сравнение с **эталоном** вида «элемент», типа «явление», подтипа «явление природы»;

1.2. Явление общественной жизни.

"While Sto Lat's night life was not as colourful and full of incident as that of Ankh-Morpork, in the same way that a wastepaper basket cannot compete with a municipal tip" [Pratchett, 1988, p. 167] – сравнение с **объектом** и **эталоном** вида «элемент», типа «явление», подтипа «явление общественной жизни».

3. Персонаж – объект, наделяемый человеческим разумом, действующее лицо.

Подтипы:

3.1. Человек:

"the Chancellor, as crusty as a week-old loaf" [Pratchett, 1988, p. 230] – сравнение с **объектом** вида «элемент», типа «персонаж», подтипа «человек»;

"…he doesn't walk like a wizard" [Pratchett, 1988, p. 158] – сравнение с **эталоном** вида «элемент», типа «персонаж», подтипа «человек».

3.2. Разумное существо, не являющееся человеком:

"That being said, what sort of creature is the Queen? Like a queen bee, except she's also the hive. Like a caddis fly, which builds, if I'm not mistaken, a shell out of bits of stone and things, to camouflage itself. Or like a nautilus, which adds onto its shell as it gets bigger. And very much, to judge by the way the floors are ripping up, like a very angry starfish" [Pratchett, 2012, p. 292] – сравнение с **объектом** вида «элемент», типа «персонаж», подтипа «разумное существо, не являющееся человеком».

“The gargoyle looked up into his face and suddenly felt like a very frightened doorknocker indeed” [Pratchett, 1988, p. 168] – сравнение с **эталоном** вида «элемент», типа «персонаж», подтипа «разумное существо, не являющееся человеком».

4. Действие:

“…the trapped daylight of the Disc, which is slow and slightly heavy, was evaporating like silver steam” [Pratchett, 1988, p. 28–29] – сравнение с **объектом** вида «элемент», типа «действие».

“They just changed reality so that they had spoken” [Pratchett, 2012, p. 10] – сравнение с **объектом** вида «элемент», типа «действие».

5. Качество – характеристика предмета, явления, персонажа или действия.

Подтипы:

5.1. Органолептические свойства и физические качества (цвет, запах, вкус, звук, температура, текстура, скорость, вес и др.):

“a noise like ripping silk” [Pratchett, 1988, p. 241] – сравнение с **объектом** вида «элемент», типа «качество», подтипа «органолептические свойства и физические качества».

“Fragrant bushes planted among the tables nearly concealed the basic smell of the city itself, which has been likened to the nasal equivalent of a foghorn” [Pratchett, 1988, p. 33] – сравнение с **объектом и эталоном** вида «элемент», типа «качество», подтипа «органолептические свойства и физические качества».

5.2. Внешний вид персонажа

“You look like something left on a plate” [Pratchett, 1988, p. 213] – сравнение с **объектом** вида «элемент», типа «качество», подтипа «внешний вид персонажа».

5.3. Чувства, эмоциональное состояние:

“He felt as though he stepped on a molehill and found that it was actually a volcano” [Pratchett, 1988, p. 27] – сравнение с **объектом** вида «элемент», типа «качество», подтипа «чувства, настроение, состояние».

“But Bill Door was already rising and unfolding like the wrath of kings” [Pratchett, 2012, p. 283] – сравнение с **эталоном** вида «элемент», типа «качество», подтипа «чувства, настроение, состояние».

В целях разработки классификации сравнений *по типу объекта или эталона вида «ситуация»* мы выделили два крупных семантических типа ситуаций, возможных в тексте жанра фэнтези: *реальная ситуация и нереальная ситуация*.

Под *реальной ситуацией* мы подразумеваем *ситуацию* (описание предметов, явлений, качеств или действий в их взаимосвязи с другими предметами, явлениями, качествами или действиями), *которая существует или может существовать в объективной действительности в соответствии с современной научной картиной мира*.

Под *нереальной ситуацией* мы понимаем *ситуацию, которая не существует и не может существовать в объективной действительности в соответствии с современной научной картиной мира.*

Рассмотрим выделяемые семантические типы объекта-ситуации и эталона-ситуации на примере:

*“**Mort got the feeling that Death wasn't really used to all this but was doing it to put him at his ease, like an elderly bachelor uncle who has been landed with his nephew for a holiday and is terrified of getting it wrong**”* [Pratchett, 1988, p. 33]. В данном сравнении, построенном по схеме *«объект-ситуация + эталон-ситуация»* объект передает нереальную ситуацию, а эталон передает ситуацию реальную. То есть, схема построения сравнения может быть уточнена: *«объект-нереальная ситуация + эталон-реальная ситуация».*

В рамках классификации сравнений *в зависимости от типа эталона* мы делим сравнения на два вида в зависимости от его *структуры:*

1. Сравнение с эксплицитно выраженным основанием – сравнение, в котором основание (основания) сравнения получило(ли) языковое выражение в его структуре.

2. Сравнение с имплицитно выраженным основанием – сравнение, в котором основание (основания) не получило(ли) языкового выражения в его структуре.

Данный вид сравнений *с позиции их восприятия реципиентом мы делим на 3 типа:*

1. Сравнения, в которых основание сравнения определяется реципиентом *на основе пресуппозиции* (общего объема знаний автора и читателя);

2. Сравнения, в которых основание сравнения определяется по *текстологическим показателям:* идее, содержанию, внутри контекста.

3. Сравнения, в которых основание определяется *через воссоздание сконструированного автором образа,* выраженного в эталоне сравнения [Баранова, 2020_1, с. 276–277].

Подробнее данное деление будет рассмотрено в следующей главе.

При выделении *семантических типов оснований* сравнения мы опираемся на классификации Т.Н. Федуленковой [Федуленкова, 2000] и Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1998], рассмотренные в пункте 1.4. настоящей работы. Принимая во внимание специфику вторичной реальности жанра фэнтези, мы выделяем семантические типы основания сравнения. Рассмотрим данные типы оснований на примерах из текстов романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир».

Семантические типы оснований сравнения

1. Органолептические свойства и физические качества (цвет, запах, вкус, звук, температура, влажность, текстура, скорость, вес и др.):

“First of all it was large, larger than the entire house back home, and dry, dry as old tombs under ancient deserts” **[**Pratchett, 1988, p. 37].

“The blades met in mid-air with a noise like a cat sliding down a pane of glass” [Pratchett, 1988, p. 301].

“It tasted something like apples, something like autumn mornings, and quite a lot like the bottom of a logpile” [Pratchett, 1988, p. 157].

2. Характер действия:

“*Swinging their hammers jerkily, as if they were afflicted with robotic arthritis, they began to ring in the new day”* [Pratchett, 1988, p. 19].

3. Физические качества, внешний вид персонажа:

“Mort saw how bent she was, like a bow” [Pratchett, 1988, p. 94].

4. Личностные качества персонажа (черты характера, умственные способности):

“It was also acutely embarrassing to Mort's family that the youngest son was not at all serious and had about the same talent for horticulture that you would find in a dead starfish” [Pratchett, 1988, p. 11].

5. Чувства, эмоциональное состояние:

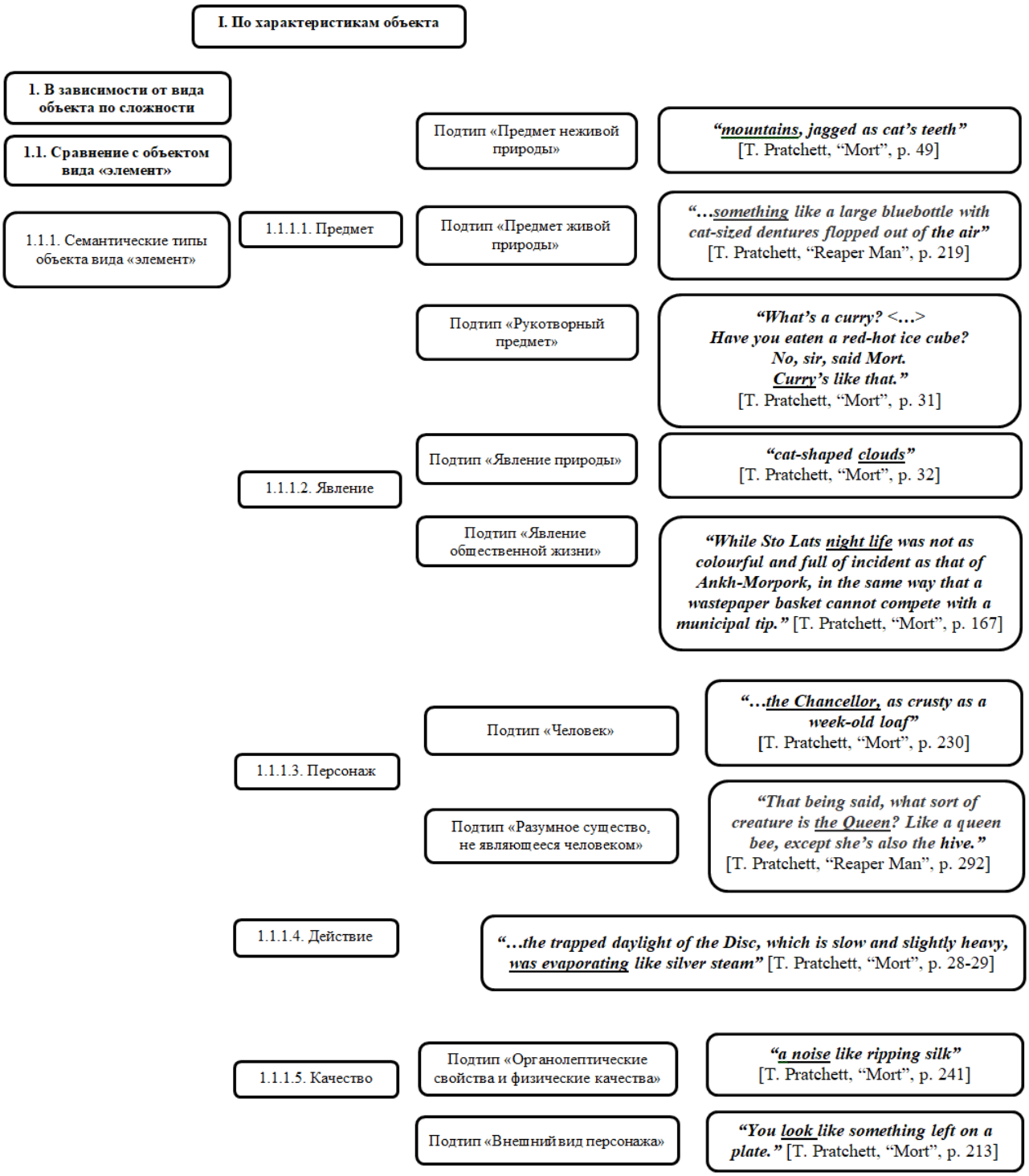
“He felt as if he had been shipwrecked on the Titanic, but in the nick of time had been rescued. By the Lusitania” [Pratchett, 1988, p. 114].

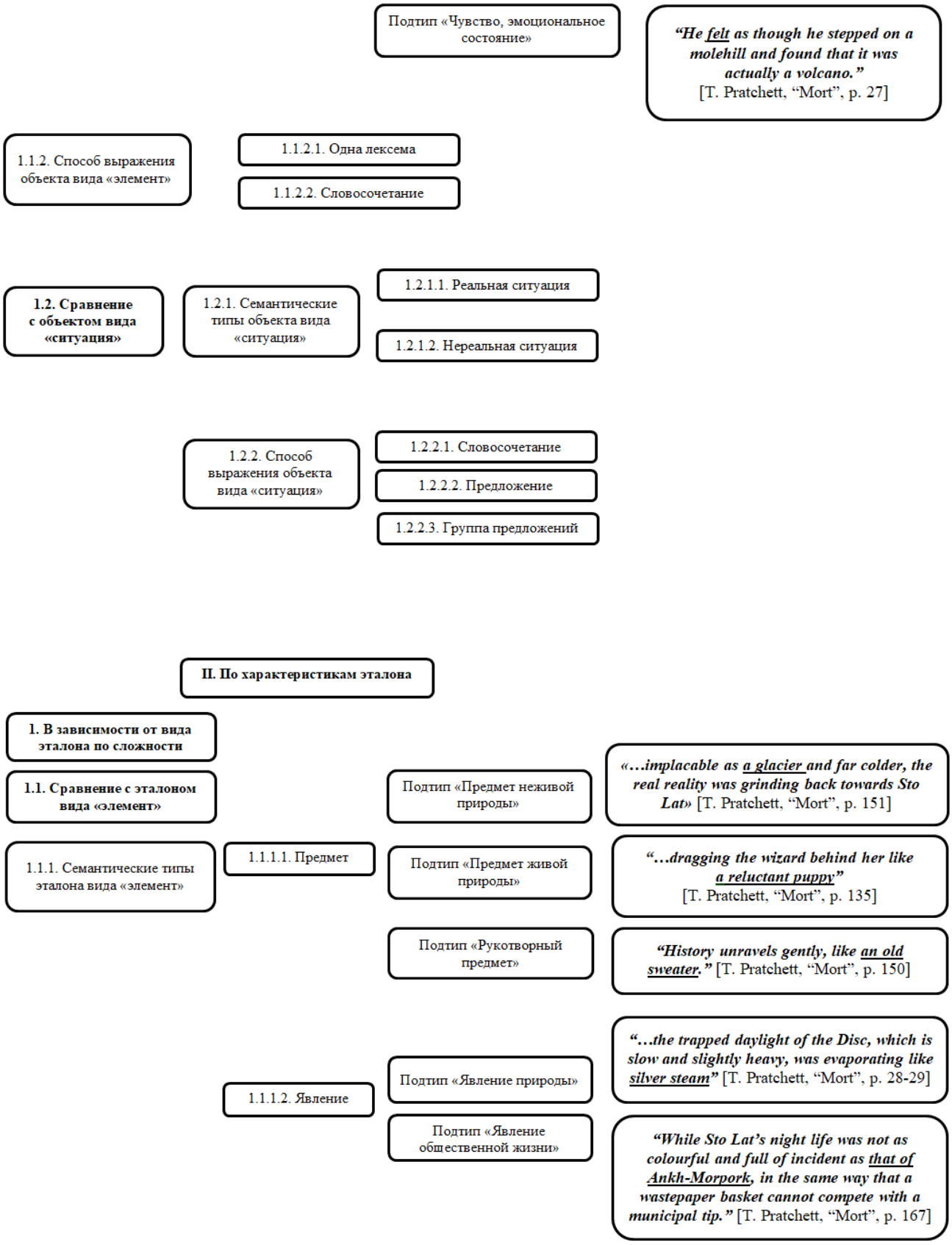
6. Характер отношений между предметами, явлениями, или персонажами:

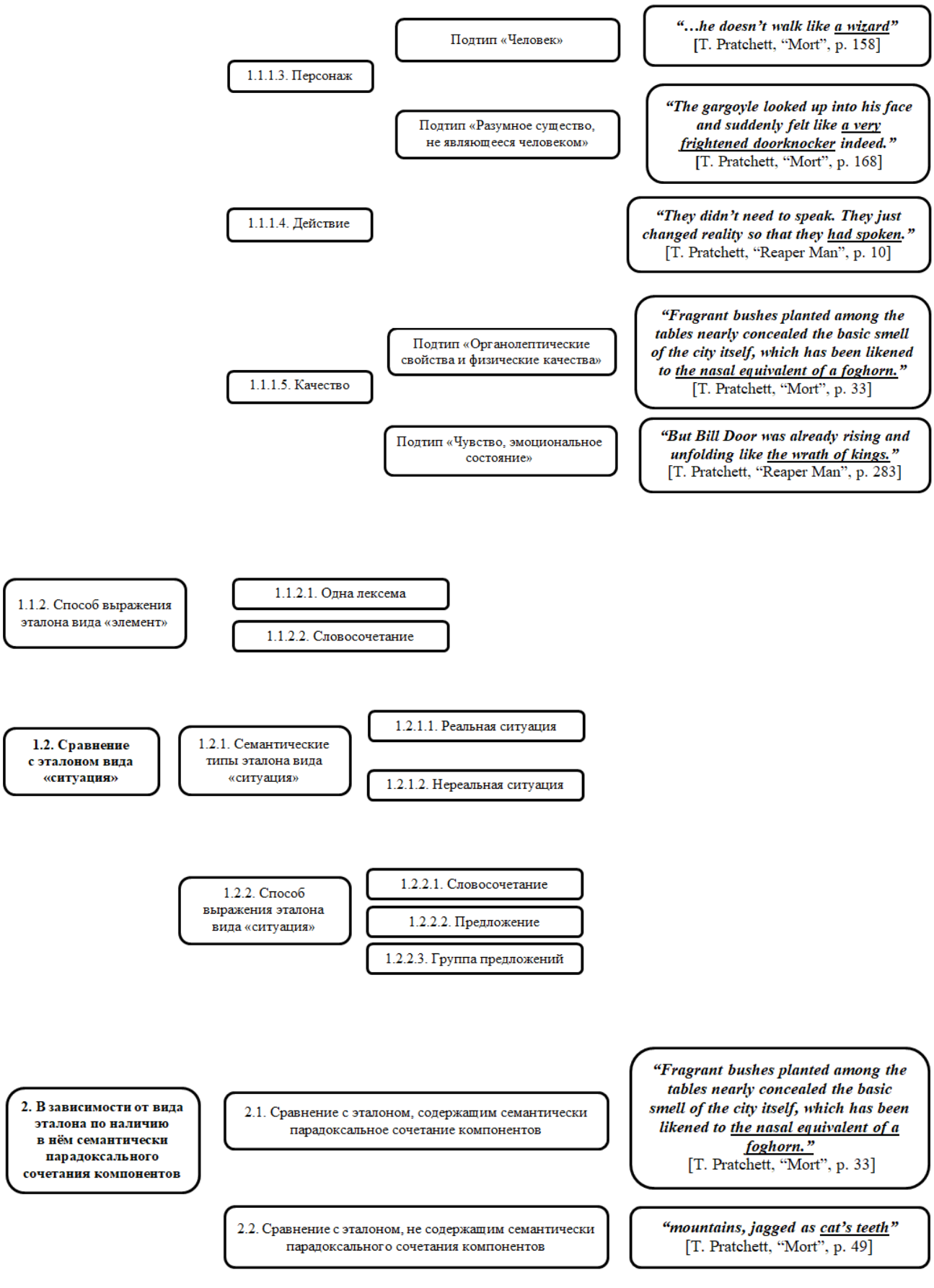
“She fumbled urgently in her sleeves for the handkerchief, but it was no more use in the circumstances than a paper hat in a thunderstorm” [Pratchett, 1988, p. 147].

При работе со сравнением с *имплицитно выраженным основанием* в целях его верной трактовки переводчик может обратиться к данной классификации, чтобы определить, к какой семантической группе можно отнести предполагаемое основание (основания) рассматриваемой конструкции. Данная мыслительная операция сузит круг оснований, которые могли быть заложены автором, что особенно актуально для сравнений, в которых основание определяется *через воссоздание сконструированного автором образа,* выраженного в парадоксальном эталоне сравнения.

Разработанная в настоящем исследовании структурно-семантическая классификация индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» представлена в схематичном виде на Рисунке 3.




Подтип «Чувство, эмоциональное состояние»
“He felt as though he stepped on a molehill and found that it was actually a volcano.” [T. Pratchett, “Mort”, p. 27]
1.1.2. Способ выражения объекта вида «элемент»
1.1.2.1. Одна лексема
1.1.2.2. Словосочетание
1.2. Сравнение с объектом вида «ситуация»
1.2.1. Семантические типы объекта вида «ситуация»
1.2.1.1. Реальная ситуация
1.2.1.2. Нереальная ситуация
1.2.2. Способ выражения объекта вида «ситуация»
1.2.2.1. Словосочетание
1.2.2.2. Предложение
1.2.2.3. Группа предложений
II. По характеристикам эталона
1. В зависимости от вида эталона по сложности
1.1. Сравнение с эталоном вида «элемент»
1.1.1. Семантические типы эталона вида «элемент»
1.1.1.1. Предмет
1.1.1.2. Явление
Подтип «Предмет неживой природы»
«…implacable as a glacier and far colder, the real reality was grinding back towards Sto Lat» [T. Pratchett, “Mort”, p. 151]
Подтип «Предмет живой природы»
“…dragging the wizard behind her like a reluctant puppy” [T. Pratchett, “Mort”, p. 135]
Подтип «Рукотворный предмет»
“History unravels gently, like an old sweater.” [T. Pratchett, “Mort”, p. 150]
Подтип «Явление природы»
“…the trapped daylight of the Disc, which is slow and slightly heavy, was evaporating like silver steam” [T. Pratchett, “Mort”, p. 28-29]
Подтип «Явление общественной жизни»
“While Sto Lat’s night life was not as colourful and full of incident as that of Ankh-Morpork, in the same way that a wastepaper basket cannot compete with a municipal tip.” [T. Pratchett, “Mort”, p. 167]


1.1.1.3. Персонаж
Подтип «Человек»
“…he doesn’t walk like a wizard”
[T. Pratchett, “Mort”, p. 158]
Подтип «Разумное существо, не являющееся человеком»
“The gargoyle looked up into his face and suddenly felt like a very frightened doorknocker indeed.”
[T. Pratchett, “Mort”, p. 168]
1.1.1.4. Действие
“They didn’t need to speak. They just changed reality so that they had spoken.”
[T. Pratchett, “Reaper Man”, p. 10]
1.1.1.5. Качество
Подтип «Органолептические свойства и физические качества»
“Fragrant bushes planted among the tables nearly concealed the basic smell of the city itself, which has been likened to the nasal equivalent of a foghorn.”
[T. Pratchett, “Mort”, p. 33]
Подтип «Чувство, эмоциональное состояние»
“But Bill Door was already rising and unfolding like the wrath of kings.”
[T. Pratchett, “Reaper Man”, p. 283]
1.1.2. Способ выражения эталона вида «элемент»
1.1.2.1. Одна лексема
1.1.2.2. Словосочетание
1.2. Сравнение с эталоном вида «ситуация»
1.2.1. Семантические типы эталона вида «ситуация»
1.2.1.1. Реальная ситуация
1.2.1.2. Нереальная ситуация
1.2.2. Способ выражения эталона вида «ситуация»
1.2.2.1. Словосочетание
1.2.2.2. Предложение
1.2.2.3. Группа предложений
2. В зависимости от вида эталона по наличию в нём семантически парадоксального сочетания компонентов
2.1. Сравнение с эталоном, содержащим семантически парадоксальное сочетание компонентов
“Fragrant bushes planted among the tables nearly concealed the basic smell of the city itself, which has been likened to the nasal equivalent of a foghorn.”
[T. Pratchett, “Mort”, p. 33]
2.2. Сравнение с эталоном, не содержащим семантически парадоксального сочетания компонентов
“mountains, jagged as cat’s teeth”
[T. Pratchett, “Mort”, p. 49]

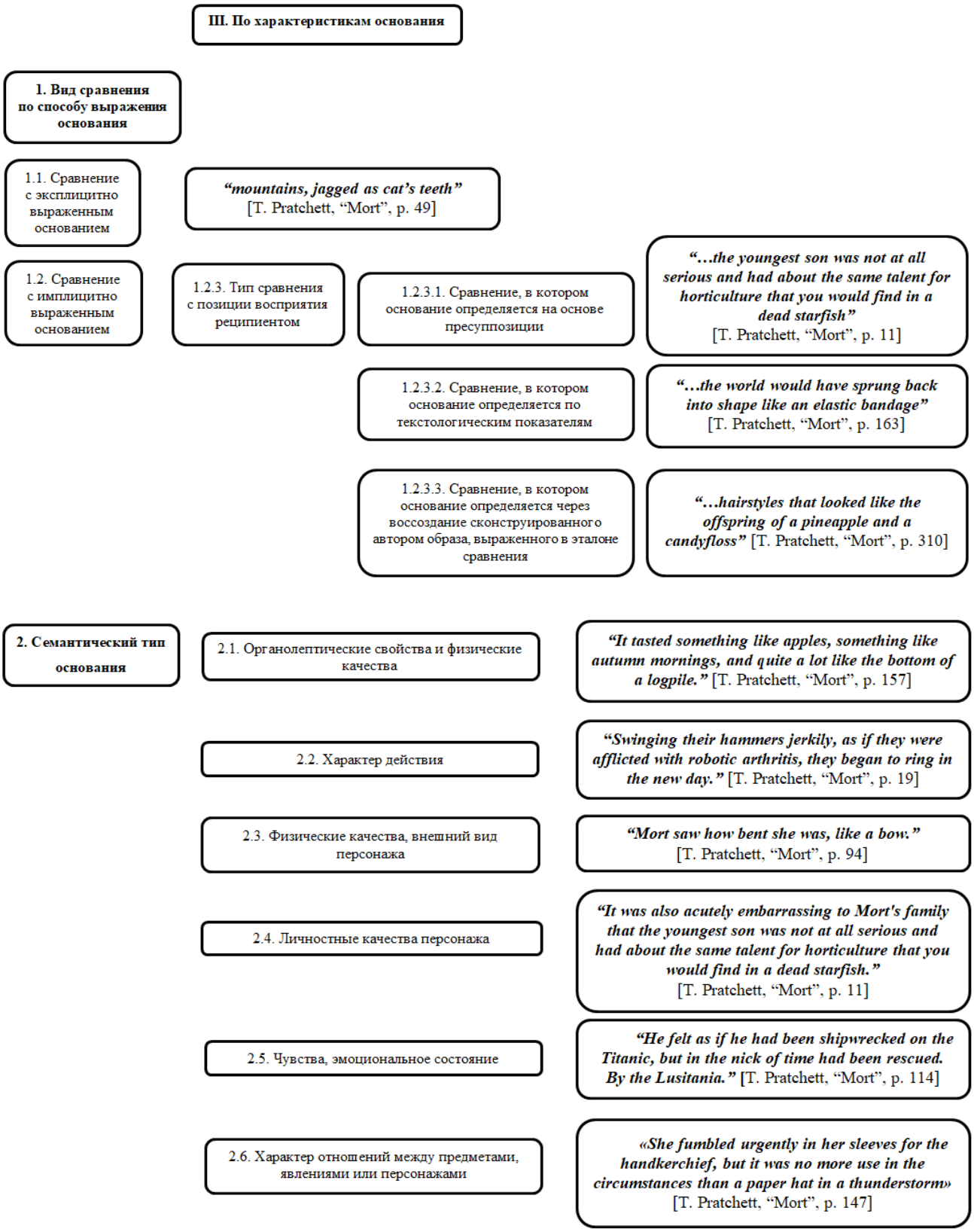


Рисунок 3 – Структурно-семантическая классификация индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир»

2.3. Функции индивидуального образного сравнения в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир»

В ходе исследования из текстов романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» методом сплошной выборки было отобрано более 2000 индивидуальных образных сравнений, каждое из которых было рассмотрено с учетом ближайшего контекста и контекста произведения, в результате чего были установлены функции каждого сравнения, затем был произведен подсчет и выявлены наиболее часто встречающиеся и значимые функции данных сравнений. Поскольку значительное количество усилий автора направлено на подробное изображение вторичного мира, индивидуальные образные сравнения в широком смысле используются в целях описания. Однако специфика жанра романов – комического фэнтези – обусловила необходимость выделения особых функций рассматриваемых сравнений. Во-первых, существенное количество индивидуальных образных сравнений в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир» помогают реализовать одну из определяющих характеристик жанра комического фэнтези – широкое использование комизма. Во-вторых, из всех сравнительных конструкций, используемых в функции описания предметов, явлений, персонажей, действий, качеств вторичного мира, особо выделяются сравнения, обладающие функцией акцентуации внимания на необычной для реальной действительности природе вторичного мира. Также в ходе исследования было установлено, что индивидуальные образные сравнения используются для передачи эмоций и выражения оценочного суждения. При этом в преобладающем количестве случаев одно сравнение выполняет несколько функций.

В силу функциональной нагруженности и высокой частотности индивидуальных образных сравнений в текстах романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» данные единицы являются значимыми для целей перевода. «Любой перевод, включая художественный, является особым видом

межкультурной/межъязыковой коммуникации» [Жирова, Паттерсон, Ларби, 2020, с. 136], в процессе которого переводчик осмысляет сообщаемую автором информацию и находит способ передать её читателю, принимая во внимание различия в картинах мира двух народов. Сравнение, как упоминалось ранее, несет в себе новое знание об описываемом объекте. Чтобы перевести сравнение, необходимо понять логику мысли на языке оригинала, определить новое знание, передаваемое автором, а затем передать сообщение автора на языке перевода, по возможности сохранив смысл, функцию и стиль исходной конструкции. В случае с индивидуальным образным сравнением перевод осложняется необходимостью работы с уникальными значениями, привнесенными автором в смысловую структуру сравнительной конструкции, которые можно определить лишь с опорой на контекст произведения. Знание функций, которые выполняют индивидуальные образные сравнения в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир», необходимо при выполнении перевода данных произведений, поскольку помогает не упустить при передаче сравнений на язык перевода заключенные в них значимые для всего произведения смыслы.

Рассмотрим на примерах выявленные в ходе исследования функции индивидуальных образных сравнений в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир».

1. Для описания предметов, явлений, персонажей, действий, качеств вторичного мира:

“proper wizards, great big men built like barges” [Pratchett, 2012, p. 21] / «настоящие волшебники, огромные мужчины, сложением похожие на баржи» [Пратчетт, 2018_1, с. 20].

Данное сравнение комически описывает волшебников, которых высказывающий суждение персонаж считает настоящими. В переводе Н. Берденникова в полной мере сохранены форма (сравнение передано сравнением) и содержание данной конструкции.

“Fragrant bushes planted among the tables nearly concealed the basic smell of the city itself, which has been likened to the nasal equivalent of a foghorn” [Pratchett, 1988, p. 33] / «Пространство между столами было усажено кустарником. Своим ароматом ему почти удавалось перекрывать основной, превалирующий над всеми остальными запах самого города, первозданную мощь которого можно было бы сравнить лишь с обонятельным эквивалентом корабельной сирены» [Пратчетт, 2018, с. 36].

С помощью данного сравнения автор комически описывает атмосферу густонаселенного города. Сравнение передается сравнением, таким образом, сохранена форма рассматриваемого средства выразительности. Функция данного сравнения также реализована в тексте перевода в полной мере. Н. Берденников использует добавления, чтобы акцентировать внимание на лежащих в основе сопоставления смыслах: ***“…the basic smell of the city itself, which has been likened to the nasal equivalent of a foghorn”*** [Pratchett, 1988, p. 33] передается как «…основной, *превалирующий над всеми остальными* запах самого города, *первозданную мощь* которого можно было бы сравнить лишь с обонятельным эквивалентом корабельной сирены» [Пратчетт, 2018, с. 36]. Добавления, к которым прибегает переводчик, эксплицируют значения «крайне высокая степень силы воздействия», а также «способность заглушать все остальное», присущие компоненту *“a foghorn”*.

2. Для акцентуации внимания на необычной природе вторичного мира:

“it (sheets of some smooth slippery material) felt like warm, dry ice” [Pratchett, 1988, p. 37] / «эти простыни напоминали теплый и сухой лед» [Пратчетт, 2018, с. 40].

С помощью данного сравнения описывается необычный материал постельного белья в доме Смерти. В переводе С. Увбарх сохранена форма, а также основное содержание исходной конструкции. Однако представляется целесообразным сохранение в переводе значений, которые несет глагол *“felt”*. Согласно словарной дефиниции *“feel – to experience an emotion or a physical feeling”* [Cambridge Dictionary Online, Электронный ресурс] /

«чувствовать – испытывать эмоцию или физическое ощущение» *(перевод наш – Т.Б.),* данный глагол указывает на *характер* схожести простыней с теплым сухим льдом: речь идет о материале, следовательно, сравнение акцентирует внимание на *физическом ощущении* от необычной ткани. В тексте перевода данный акцент опущен. Для возможно полного сохранения эффекта, производимого сравнением на реципиента, целесообразно сохранить данный акцент, передав заложенное в глаголе *"felt"* значение с помощью лексемы, несущей значение физического ощущения. Это позволит в полной мере реализовать функцию акцентуации внимания на необычной природе вторичного мира в тексте перевода.

"It (a hooded figure) wavered constantly, as if it was being seen through superheated air" [Pratchett, 2012, p. 125] / «Фигура непрерывно колыхалась, как будто на нее смотрели сквозь раскаленный воздух» [Пратчетт, 2018_1, с. 146].

С помощью данного сравнения описывается появление сверхъестественной силы, которая приняла более-менее привычную для людей форму, чтобы выйти на контакт с героями романа. В переводе Н. Берденникова сохранена форма данного средства выразительности, а также в полной мере переданы заложенные в сравнении смыслы.

3. Для создания комического эффекта:

"pork pies like varnished military fortifications" [Pratchett, 2012, p. 336] / «пироги со свининой, похожие на лакированные фортификационные сооружения» [Пратчетт, 2018_1, с. 399].

Данное сравнение используется для комического описания нагроможденных на столах пирогов, выставленных на улицу во время веселого деревенского праздника. В переводе Н. Берденникова сохранены как форма, так и содержание данного сравнения.

Также функцию создания комического эффекта несут в себе сравнения, рассмотренные в первом пункте настоящего списка, с помощью которых автор дает комические описания.

4. Для передачи эмоций, чувств, ощущений:

“There was something wrong. He couldn’t quite be certain what it was, but there was suddenly a lot of wrongness about, like hearing one note out of tune in an orchestra” [Pratchett, 2012, p. 172] / «Что-то было не так. Он не понимал, что именно, но ощущал возникшую неправильность, как чувствуют фальшивую ноту в оркестре» [Пратчетт, 2018_1, с. 201]**.**

В данном случае сравнение помогает передать тонкие оттенки чувств, которые испытывает герой. В тексте перевода сохранены форма и содержание исходной конструкции.

“*He wanted to say that he felt as though he stepped on a molehill and found that it was really a volcano”* [Pratchett, 1988, p. 27] / «Хотелось высказать обуревающие его чувства: как будто он наступил на холмик кротовой норы, а та неожиданно обернулась вулканом» [Пратчетт, 2018, с. 28–29]**.**

Данное сравнение используется автором для выражения сложных чувств, возникших у главного героя, когда он понял, что поступил в подмастерья не к обычному ремесленнику, а к Смерти. Сравнение передано сравнением, функция оригинальной конструкции вполне реализована в приведенном переводе С. Увбарх. При этом перевод фрагмента “*He wanted to say that he felt…”* в виде «Хотелось высказать *обуревающие* его чувства…» усиливает эмоциональную напряженность в тексте перевода.

5. Для выражения оценочного суждения:

“Eyes that had viewed the past sixty years through a pale, fuzzy veil had been bullied into operating like the finest optical machinery” [Pratchett, 2012, p. 40] / «Глаза, которые последние шестьдесят лет видели окружающий мир сквозь какую-то бледную, мутную пелену, стали работать, как превосходный оптический прибор» [Пратчетт, 2018_1, с. 43].

Данная функция определяется в случае, когда в сравнении наряду с дескриптивным присутствует оценочный компонент, который нуждается в передаче на язык перевода, поскольку помогает формировать отношение

читателя к какому-либо явлению, объекту или персонажу. В рассматриваемом примере автор акцентирует внимание на том, насколько сильно улучшилось зрение персонажа, таким образом, сравнение реализует функцию оценки. В переводе Н. Берденникова сохранены форма и функция данного средства выразительности.

“Once again the set of her jaw traced the line of her descent all the way to her conquering ancestor, who preferred to move very fast at all times and knew as much about dignity as could be carried on the point of a sharp spear” [Pratchett, 1988, p. 236] / «Еще раз в складках губ принцессы проявилась жесткая линия, происхождение которой прослеживалось до того самого предка-завоевателя, который предпочитал двигаться быстро, а о королевском достоинстве знал ровно столько, сколько умещалось на кончике копья» [Пратчетт, 2018, с. 263].

Данное сравнение помогает передать оценку нравственного облика далекого предка принцессы, сформированную автором в сатирическом ключе. С. Увбарх в переводе в полной мере передает заложенные автором смыслы данного средства выразительности, сохраняя его форму.

Таким образом, в рассматриваемом материале одно сравнение, как правило, выполняет несколько функций, при этом самой частотной является функция описания. Особо мы выделяем функцию акцентуации внимания на необычной природе вторичного мира, с помощью которой автор подчеркивает необычные характеристики объектов вторичного мира, отличающие их от предметов и явлений реальной действительности. Существенное количество сравнений, выполняющих данные функции, указывает на высокую значимость индивидуальных образных сравнений в создании вторичного мира, наличие которого является необходимым признаком произведений жанра фэнтези. Отношение индивидуальных образных сравнений, использованных в функции акцентуации внимания на необычной природе вторичного мира, к индивидуальным образным

сравнениям, употребленным в текстах рассматриваемых романов в функции описания, представлено на Рисунке 4.

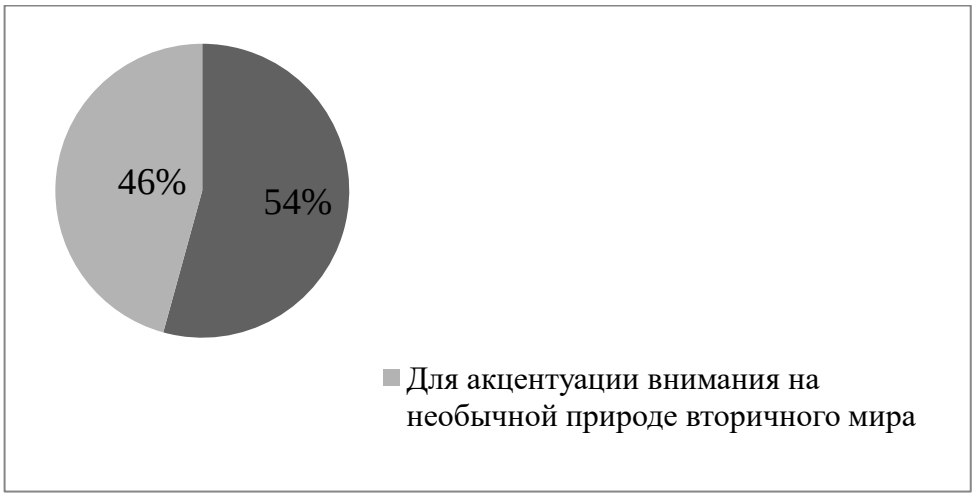


Рисунок 4 – Соотношение количества употреблений индивидуальных образных сравнений для акцентуации внимания на необычной природе вторичного мира ко всем употреблениям сравнений для описания в текстах романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир»

Функции индивидуального образного сравнения в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир» представлены на Рисунке 5.

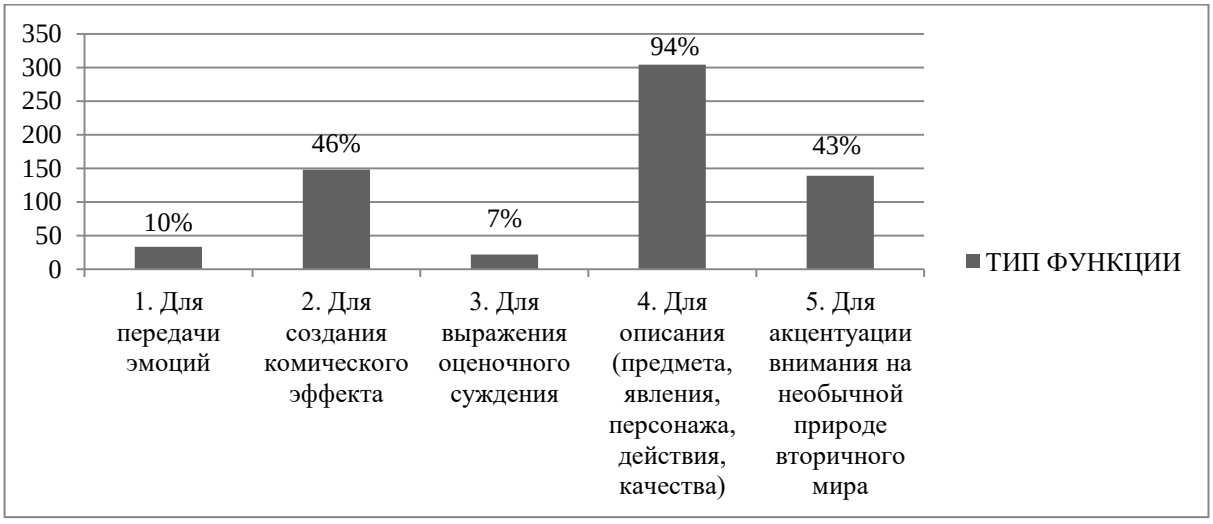


Рисунок 5 – Соотношение употреблений в различных функциях для индивидуальных образных сравнений в текстах романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир»

Выводы по главе 2

Создание писателем вторичного мира – обособленной фантастической реальности, где разворачивается действие произведения, является одной из определяющих характеристик жанра фэнтези, а также его разновидности – комического фэнтези.

Романы Т. Пратчетта серии «Плоский мир» отличаются тщательной проработанностью вторичного мира. Основным образным средством, с помощью которого писатель создает фантастическую реальность, является индивидуальное образное сравнение в силу высокой частотности его употребления, а также высокой значимости выполняемых им функций.

Идиостиль Т. Пратчетта отличается широким использованием образных языковых средств, помогающих передать фантастические образы вторичного мира. Индивидуальное образное сравнение является преобладающим средством выразительности в романах серии «Плоский мир», оно «неизменно присутствует» в романах серии «Плоский мир», составляющих значительную часть творческого наследия Т. Пратчетта. В этой связи, согласно В.В. Виноградову, оно может быть отнесено к средствам выражения, образующим «стилистическое ядро» произведений автора [Виноградов, 1963, с. 80], или к стилистическим доминантам идиостиля Т. Пратчетта.

В результате проведения анализа компонентов структуры индивидуальных образных сравнений и выявления их возможных комбинаций в ходе работы над настоящей главой была расширена классификация образных сравнений по степени сложности объекта и эталона, разработанная Х.М. Гурбановым [Гурбанов, 1988], согласно которой предметными являются сравнения, предполагающие сопоставление явлений, предметов, их качеств и действий, а ситуативными – сравнения, отражающие сопоставление ситуаций, то есть сравнение явлений, предметов, их качеств и действий в их взаимосвязи [Гурбанов, 1988, с. 15].

В ходе работы с индивидуальными образными сравнениями на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» было установлено, что наряду с обозначенным Х.М. Гурбановым сопоставлением вида «ситуация-ситуация» или «предмет-предмет», в значительном количестве сравнений происходит сравнение предмета с ситуацией и ситуации с предметом. Для того чтобы классификация сравнений по степени сложности объекта и эталона учитывала все описанные комбинации, в настоящей работе предлагается начать классификацию с более низкого уровня – уровня компонентов структуры сравнения, для чего вводятся понятия *«объект-элемент», «эталон-элемент», «объект-ситуация», «эталон-ситуация»*.

Понятия *«объект-элемент», «эталон-элемент»* вводятся для объекта и эталона соответственно, обозначающих предмет, явление, качество или действие. Термин «элемент» используется во избежание дублирования термина «предмет» в составе понятия и его определения.

Понятия *«объект-ситуация» и «эталон-ситуация»* вводятся для объекта и эталона соответственно, обозначающих ситуацию.

Под *ситуацией* в настоящей работе подразумевается описание предметов, явлений, качеств или действий в их динамической взаимосвязи с другими предметами, явлениями, качествами или действиями.

Используя данные термины, можно обозначить все возможные комбинации видов объекта и эталона в сравнении следующим образом:

1. Объект-элемент + эталон-элемент;

2. Объект-элемент + эталон-ситуация;

3. Объект-ситуация + эталон-элемент;

4. Объект-ситуация + эталон-ситуация.

В связи с установлением существования и значительной распространенности в изучаемом материале индивидуальных образных сравнений, в которых один компонент структуры сравнения относится к виду «элемент», а другой – к виду «ситуация», возникла необходимость в

уточнении предлагаемых Х.М. Гурбановым понятий «ситуативное» и «предметное» сравнение.

В настоящем исследовании предлагается относить к *ситуативным* сравнениям все сравнения, в которых хотя бы один структурный компонент (объект или эталон) представляет собой ситуацию. Такой выбор связан с тем, что классификация проводится в целях облегчения работы со сравнительными конструкциями при переводе. Объект или эталон вида «ситуация» представляет бóльшую сложность для переводчика по сравнению с компонентом вида «элемент», так что при рассмотрении сравнительной конструкции переводчику важно определить, содержит ли сравнение компонент вида «ситуация». При этом не существенно, один или все компоненты сравнительной конструкции имеют вид «ситуация», поскольку в любом случае в ходе работы с таким сравнением будет необходимо осмыслять и воссоздавать в тексте перевода ситуацию.

В соответствии с данной логикой *предметным* в настоящей работе называется сравнение, в котором все компоненты структуры (объект, эталон) имеют вид «элемент».

В данной главе представлена разработанная в ходе исследования структурно-семантическая классификация индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир». При построении данной классификации учитывались предлагаемые различными учеными классификации образных сравнений, в которых сравнительные конструкции делятся по типу объекта, эталона и основания сравнения.

Разработанная в настоящем исследовании классификация подразумевает выделение семантических типов объекта, эталона и основания и указание на способ их выражения.

Семантические типы предлагаются для выделяемых в настоящем исследовании видов объекта и эталона по сложности (вида «элемент» и вида «ситуация»).

Классификация по типу эталона также включает деление эталонов по наличию в них выявленных в ходе исследования семантически парадоксальных сочетаний компонентов.

В данной главе также представлены результаты исследования функций, которые выполняют индивидуальные образные сравнения в романах Т. Пратчетта, согласно которым данные сравнения используются писателем в следующих целях: а) описания вторичного мира; б) акцентуации внимания на необычной природе вторичного мира; в) создания комического эффекта; г) передачи чувств, эмоций, ощущений; д) выражения оценочного суждения.

В значительном количестве случаев одна сравнительная конструкция выполняет несколько функций. Наиболее частотной является функция описания. Также высокочастотной является функция акцентуации внимания на необычной природе вторичного мира, что указывает на существенную значимость индивидуальных образных сравнений в создании вторичного мира романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир».

Глава 3. Проблемы перевода индивидуальных образных сравнений в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир»

Вводные замечания и задачи главы

Настоящая глава посвящена вопросу перевода индивидуальных образных сравнений, актуальность которого обусловливается, с одной стороны, высокой частотностью сравнений данного типа в изучаемом материале и их существенной значимостью для понимания текста, с другой стороны, результатами анализа переводов рассматриваемых романов, согласно которым, в значительном количестве случаев при переводе индивидуальных образных сравнений происходит искажение или потеря заложенных автором смыслов, а также добавление переводчиком новых значений, отсутствующих в авторском сравнении. Все это искажает создаваемый с помощью сравнения образ и снижает возможности сравнения по выполнению заданных автором функций. Поскольку индивидуальные образные сравнения широко используются Т. Пратчеттом для описания объектов создаваемого им вторичного мира, подобные искажения приводят к тому, что в сознании читателя формируется образ вторичного мира, далекий от созданного автором, иными словами, искажается реальность художественного произведения, образы героев, локаций, явлений. Также в некоторых переводах количество сравнений существенно ниже, чем в оригинале, что снижает возможности текста перевода передать особенности идиостиля Т. Пратчетта, для которого характерна высокая степень насыщенности текста яркими образными сравнениями.

Поскольку индивидуальные образные сравнения, которые широко использует Т. Пратчетт в своих романах, вызывают значительные сложности при переводе на этапе осмысления заложенных в них значений, в настоящем исследовании мы рассматриваем данные сравнения с позиций психосемантики, сосредотачивая внимание на процедуре определения

смысла сравнений. В настоящей главе рассматриваются выявленные в ходе исследования структурно-семантические особенности индивидуальных образных сравнений и их влияние на процесс перевода, а также на примерах описывается разработанная процедура выявления смысла в различных типах индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием.

3.1. Семантическая парадоксальность в индивидуальных образных сравнениях: способы выражения, влияние на процесс перевода

При изучении индивидуальных образных сравнений серии романов Т. Пратчетта «Плоский мир» и рассмотрении их в качестве единиц перевода мы опираемся на достижения психосемантики, позиции которой относительно образности были рассмотрены в пункте 1.5 настоящей работы. В психосемантических исследованиях значительное внимание уделяется индивидуальным образным сравнениям, содержащим необычное сочетание сопоставляемых слов. Н.Н. Макаренко называет такие сравнения *парадоксальными*, поскольку объект и эталон в таких сравнениях, на первый взгляд, не имеют общих признаков и объединены лишь посредством ярко выраженных личностных смыслов [Макаренко, 2001, с. 53]. Таким образом, Н.Н. Макаренко говорит о существовании *семантически парадоксальных сочетаний на уровне сравнения в целом*, поскольку речь идет о необычных сочетаниях двух элементов структуры сравнения – объекта и эталона. Н.Н. Макаренко относит такие сравнения к особому случаю окказиональности и определяет их как *образные с окказиональным семантическим компонентом* [Там же]. Отметим, что имеется в виду не какое-то семантическое нарушение, а сознательное «соединение несоединимых понятий» в рамках семантического эксперимента автора [Бабенко, 1997, с. 63]. В настоящем исследовании продолжается разработка

психосемантического аспекта индивидуального образного сравнения, затронутого в исследовании Н.Н. Макаренко [Макаренко, 2001].

Тексты романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» насыщены сравнениями, *содержащими семантически парадоксальное сочетание компонентов на уровне сравнения* или, в терминологии Н.Н. Макаренко, образными сравнениями с окказиональным семантическим компонентом.

Под *семантически парадоксальными сочетаниями* в настоящей работе понимаются невозможные или крайне нетипичные для объективной действительности, не закрепленные в культуре, но существующие в созданном автором мире художественного произведения сочетания компонентов.

В ходе настоящего исследования был проведен структурно-семантический анализ более 2000 единиц индивидуальных образных сравнений, отобранных из текстов романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир».

На первом этапе анализа в каждом из отобранных сравнений были определены компоненты структуры сравнения: объект, эталон, основание сравнения, показатель сравнения. Также на данном этапе были выявлены сравнения с имлицитно и эксплицитно выраженным основанием.

На втором этапе анализа были изучены семантические особенности сочетания сопоставляемых компонентов, то есть объекта и эталона сравнения. В результате были выявлены сравнения, в которых присутствует *семантически парадоксальное сочетание на уровне структуры сравнения*, описанное Н.Н. Макаренко.

На третьем этапе были рассмотрены эталоны отобранных сравнений. Особое внимание изучению эталонов сравнений было уделено в связи со следующими обстоятельствами: эталон является основой для определения акцентируемых автором сторон объекта, при этом выявленная в ходе исследования специфика изучаемого материала заключается в том, что эталоны сравнений в значительном количестве случаев передают образы,

существование которых маловероятно или невозможно в объективной действительности, соответственно, сложные для осмысления и перевода.

В ходе третьего этапа был проведен структурно-семантический анализ эталонов сравнения, передающих невозможные или крайне нетипичные для объективной действительности образы, созданные автором. В результате были выявлены следующие *структурно-семантические особенности* рассматриваемых эталонов:

- структура данных эталонов включает в себя два и более компонента,

- как минимум, два компонента структуры эталона образуют семантически парадоксальное сочетание.

Таким образом, проведенный в рамках третьего этапа структурно-семантический анализ эталонов сравнения позволил сделать *вывод* о том, что *семантически парадоксальное сочетание* может встречаться не только на уровне структуры самого сравнения (сочетание объекта и эталона), но и на более низком уровне структуры сравнительной конструкции – *уровне отдельного элемента сравнения – эталона* [Баранова, 2020, с. 256–257].

Выявление данной структурно-семантической особенности в значительном количестве изученных индивидуальных образных сравнений позволило выделить *новый тип эталона индивидуального образного сравнения – эталон с семантически парадоксальным сочетанием компонентов (*Рисунок 6).

Рисунок 6 – Доля сравнений с эталоном, содержащим семантически парадоксальное сочетание компонентов, среди индивидуальных образных сравнений в текстах романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир»

В тексте романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» значительное количество сравнений отличается наличием семантически парадоксальных сочетаний в составе эталона сравнения. Такие сочетания в большинстве случаев сконструированы автором из образов, каждый из которых относится к предмету, явлению или качеству объективной действительности, которые читатель, принадлежащий к любой культуре, легко может представить, основываясь на жизненном опыте. Парадоксальным является именно их сочетание в силу его невозможности или крайней нетипичности для объективной действительности. Сочетание компонентов в таком эталоне, как правило, включает предмет или явление и одно или несколько его качеств, которые в рассматриваемом материале часто относятся к звукам, вкусам, цветам, ощущениям температуры, влажности. Комбинация этих компонентов создает в сознании читателя новый образ, представление о чем-то, чего нет в объективной действительности. При этом данное представление является живым, реалистичным, поскольку сами образы, передаваемые компонентами эталона, относятся к реальным, хорошо известным реципиенту явлениям, их

легко представить, а также ярким, поскольку образ в своей целостности является новым и весьма необычным для читателя.

Для целей перевода семантическая парадоксальность сочетания компонентов индивидуального образного сравнения представляется важным феноменом, который необходимо учитывать, поскольку переводчик, во-первых, должен обнаружить такое сочетание компонентов и определить смысл сравнения, а во-вторых, ему требуется найти средства для передачи парадоксальности и смысла сравнения на язык перевода.

В целях описания особенностей процедуры выявления смысла индивидуальных образных сравнений, обусловленных *наличием или отсутствием семантической парадоксальности на различных уровнях структуры* данных сравнений, приведем анализ примеров из текстов романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир».

Рассмотрим конструкцию ***“mountains, jagged as cats’ teeth”*** [Pratchett, 1988, p. 49] / «горы, острые, как кошачьи зубы» *(перевод наш – Т.Б.)*. В данном индивидуальном образном сравнении сопоставляются горы и кошачьи зубы. Как и в любом образном сравнении, в данной конструкции сопоставляются предметы разных классов, однако парадоксальность в их сочетании не присутствует, поскольку сочетание не строится на нестандартных смыслах, заложенных автором в сопоставляемые компоненты, общие черты объекта и эталона можно выявить, обратившись к словарным дефинициям и знаниям, которые можно получить из жизненного опыта. Кроме того, основание данного сравнения выражено эксплицитно, что облегчает осмысление сравнения. Проанализируем лексему *jagged*, с помощью которой выражено основание сравнения. *“Jagged – very rough and sharp”* [Cambridge Dictionary Online, Электронный ресурс] / «зазубренный – очень неровный, острый»; *“rough – not smooth”* [Ibid.] / «неровный – не гладкий» *“sharp – having a very thin or pointed edge that can cut things”* [Ibid.] / «острый – имеющий очень тонкий или заостренный край, способный резать». С помощью данного сравнения автор описывает неровные, острые очертания

гор, сопоставляя их с зубами кошки, которые отличаются острой формой. В ходе процедуры выявления смысла данного сравнения реципиент опирается на пресуппозицию (знания о форме зубов кошки) и компонентный анализ лексемы, выражающей основание сравнения, в ходе которого выявляются значимые для данного сопоставления семы *«острота», «неровные края»*.

На уровне эталона сравнения также отсутствует семантическая парадоксальность: эталон *"cats' teeth*" состоит из двух компонентов, сочетание которых составляет непротиворечивый образ, взятый из объективной реальности: кошачьи зубы – существующий в природе объект. Для его осмысления нет необходимости знакомиться со спецификой стиля автора и контекстом произведения, достаточно знаний, которые можно получить из жизненного опыта [Баранова, 2020, с. 257].

Таким образом, для выявления смысла в рассматриваемом сравнении, *не содержащем семантически парадоксальных сочетаний,* реципиенту достаточно выявить значения, которые несет выражающая основание сравнения лексема (*jagged)* и иметь знания об образе, передаваемом эталоном сравнения (*cats' teeth).*

Наиболее сложную задачу для переводчика представляют индивидуальные образные сравнения *с имплицитно выраженным основанием*, поскольку для верной передачи такого сравнения переводчику необходимо очертить круг вероятных оснований, заложенных автором, чтобы правильно трактовать смысл сравнения и не допустить опущения существенных общих признаков объекта и эталона при переводе сравнения. В этой связи мы остановимся на рассмотрении особенностей процедуры выявления смысла сравнений с имплицитно выраженным основанием, содержащих семантически парадоксальные сочетания компонентов на различных уровнях своей структуры.

В процессе перевода сравнения с имплицитно выраженным основанием переводчику необходимо осмыслить образы, которые заложены в объекте и эталоне сравнения, и установить связь между этими образами, то есть

определить возможные основания сравнения. Ключом к пониманию сравнения является эталон, поскольку в нем заложены те признаки объекта, которые хочет выделить автор. В сравнении, где *семантически парадоксальное сочетание* содержится только *на уровне структуры сравнения в целом*, эталон представляет собой объект реального мира (или возможный в объективной действительности), не содержащий семантически парадоксального сочетания компонентов. Такой эталон не представляет особых сложностей для трактовки. Если образ, заложенный в эталоне, непонятен, он может быть познан при обращении к соответствующим источникам информации. Пользуясь терминологией П. Ньюмарка, выделявшего три значимых для перевода аспекта (культурный, универсальный, субъективный), можно заключить, что в таком случае вероятные сложности при интерпретации и передаче на язык перевода эталона сравнения обусловлены культурным и универсальным аспектом [Newmark, 1982, p. 88–91]. Субъективный аспект добавляется при переходе к определению оснований сравнения, поскольку семантическая парадоксальность заключена в сочетании объекта и эталона, однако возможность однозначной трактовки образа, выраженного эталоном, снижает воздействие субъективного аспекта.

В сравнениях с имплицитно выраженным основанием и *семантически парадоксальным сочетанием на уровне структуры эталона* задача определения основания (оснований) и выявления смысла сравнения осложняется особой процедурой осмысления эталона сравнения. В рамках данной процедуры необходимо учитывать, кроме культурного и универсального аспекта, также субъективный, поскольку образ, передаваемый таким эталоном, создан воображением автора и не может быть найден в каких-либо источниках. Процедура осмысления эталона предполагает объединение в сознании реципиента образующих семантически парадоксальное сочетание компонентов эталона и, насколько это возможно, воссоздание реципиентом заложенного автором образа. Процесс определения

смысла в таких сравнениях предполагает не только опору на жизненный опыт (универсальный или обусловленный культурой), но и активное сотворчество реципиента в форме воссоздания образа, заложенного автором в эталоне сравнения.

Проанализируем на примерах процедуру выявления смысла в индивидуальных образных сравнениях с имплицитно выраженным основанием и *семантически парадоксальным сочетанием компонентов на уровне структуры сравнения*.

Рассмотрим сравнение, с помощью которого Т. Пратчетт описывает устрашающего вида божество: ***"It was grinning just like Death"*** [Pratchett, 1988, p. 78] / «Он ухмылялся точь-в-точь, как Смерть» [Пратчетт, 2018, с. 88]. В связи с тем, что в данной конструкции основание выражено имплицитно, при определении смысла сравнения необходимо осмыслить образ, передаваемый эталоном, чтобы выявить признаки, которыми автор наделяет объект сравнения. Обращение к словарной дефиниции дает нам следующую информацию: *"death – the end of life"* [Cambridge Dictionary Online, Электронный ресурс] / «смерть – конец жизни». В данном случае информации о семном составе лексемы *death*, которую можно получить методом компонентного анализа словарных дефиниций, будет недостаточно для понимания образа эталона сравнения, поскольку сходство объекта и эталона построено на значении, заложенном *автором* в данную лексему. Это значение может быть выявлено только с помощью изучения текста рассматриваемого произведения. Согласно сюжету, в описываемом в романах Т. Пратчетта Плоском мире существует персонаж Death/Смерть, имеющий характерный внешний вид: скелет, облаченный в черный балахон. Данный персонаж способен выражать эмоции, в том числе он может ухмыляться, что выглядит весьма устрашающе. Описание ухмылки этого персонажа несколько раз встречается в тексте романа, так что читатель без затруднений может расшифровать отсылку автора в данной конструкции. В рассматриваемом сравнении в семантическую структуру лексемы *death*

автором привносится новое значение – *«антропоморфный персонаж, занимающийся сопровождением душ в иной мир»*. В сравнительной конструкции присутствует семантически парадоксальное сочетание компонентов на уровне структуры сравнения: парадоксально сочетание объекта и эталона, поскольку общие признаки данных элементов могут быть определены только с помощью выявления значения, заложенного автором или, в терминологии Н.Н. Макаренко [Макаренко, 2001], окказионального семантического компонента. Наличие парадоксального сочетания объекта и эталона сравнения осложняет процедуру выявления смысла сравнения необходимостью обратиться к изучению контекста произведения. Парадоксальное сочетание на уровне эталона в данном сравнении отсутствует, поскольку эталон выражен одной лексемой [Баранова, 2020, с. 258].

Сравнение ***“the world would have sprung back into shape like an elastic bandage”*** [Pratchett, 1988, p. 163] / «мир опять, подобно эластичному бинту, примет свою прежнюю форму» [Пратчетт, 2018, с. 182] также характеризуется имплицитностью выражения основания и наличием семантически парадоксального сочетания компонентов на уровне структуры сравнения. Проведем анализ эталона сравнения. Эталон *“an elastic bandage”* содержит два компонента, которые не образуют семантически парадоксального сочетания, поскольку эластичный бинт – существующий в объективной реальности предмет. Рассмотрим компоненты эталона сравнения: *“elastic – something that is elastic can stretch and return to its original size”* [Cambridge Dictionary Online, Электронный ресурс] / «эластичный объект имеет способность растягиваться и возвращаться к первоначальному размеру»; *“bandage – a long piece of soft cloth that you tie around an injured part of the body”* [Ibid.] / «бинт – длинный кусок мягкой ткани, которым перевязывают поврежденную часть тела» *(перевод наш – Т.Б.)*. Компонентный анализ позволяет выявить значимую для сравнения сему – *«способность к растяжению и возвращению к исходному размеру»*.

Однако для определения смысла сравнительной конструкции данной информации недостаточно: неясно, почему автор описывает такое поведение некоего мира. Для верной трактовки сравнения опять же необходимо обратиться к изучению текста произведения. Согласно сюжету, внутри реальности фантастического мира образовалась независимая реальность с искаженным ходом событий, при этом основная реальность неуклонно отвоевывает свои позиции, и в скором времени «…мир опять, подобно эластичному бинту, примет свою прежнюю форму» [Пратчетт, 2018, с. 182]. Точное определение всех подразумеваемых писателем оснований сравнения едва ли возможно. Однако опора на контекст позволяет реципиенту понять ход мысли автора, определить необходимые для передачи в тексте перевода общие признаки объекта и эталона. В данном случае можно предположить, что писатель делает акцент на *неотвратимости возвращения к исходному состоянию и физическом сходстве* поведения реальности Плоского мира *с движениями бинта*, поскольку по сюжету реальность в буквальном смысле схлопнется, вернувшись к исходному состоянию, подобно эластичному бинту. Таким образом, для выявления смысла данной сравнительной конструкции недостаточно компонентного анализа эталона сравнения (*“an elastic bandage”)* и опоры на пресуппозицию (знание о том, как ведет себя эластичный бинт), необходимо также знать контекст [Баранова, 2020, с. 258–259].

Рассмотрим сравнение ***“You look like something left on a plate”*** [Pratchett, 1988, p. 213] / «Ты выглядишь как то, что оставляют на тарелке» *(перевод наш – Т.Б.)*. В данном сравнении с имплицитно выраженным основанием семантическая парадоксальность также возникает на уровне сравнения в целом: чей-то внешний вид уподобляется остаткам еды на тарелке. Эталон сравнения *“something left on a plate”* содержит несколько значимых компонентов, не составляющих семантически парадоксального сочетания: передаваемый эталоном образ является обыденным и известен каждому. Компонентный анализ эталона сравнения не даст необходимой

информации о значимых для сопоставления семах, поскольку окказиональное значение заложено в целостный образ эталона: главный герой, переживший тяжелый день, сравнивается его ироничной знакомой с остатками еды на тарелке. Происходит наведение сем контекстом. Можно предположить, что наводятся семы *«неприглядно», «жалко», «непрезентабельно».* Вне контекста определить смысл данной конструкции невозможно, поскольку неизвестно, какой объект сопоставляется с эталоном и на каких их общих признаках акцентируется внимание. Таким образом, в данном случае при выявлении смысла сравнения реципиенту необходима опора на пресуппозицию (знания о том, как выглядит тарелка с остатками еды), а также на контекст [Баранова, 2020, с. 259].

Разберем особенности перевода индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием и выделяемым нами *семантически парадоксальным сочетанием на уровне структуры эталона*.

Рассмотрим сравнение, которое Т. Пратчетт использует для описания запаха, наполняющего город: ***“Fragrant bushes planted among the tables nearly concealed the basic smell of the city itself, which has been likened to the nasal equivalent of a foghorn”*** [Pratchett, 1988, p. 33] / «Пространство между столами было усажено кустарником. Своим ароматом ему почти удавалось перекрывать основной, превалирующий над всеми остальными запах самого города, первозданную мощь которого можно было бы сравнить лишь с обонятельным эквивалентом корабельной сирены» [Пратчетт, 2018, с. 36]. В данном сравнении присутствует семантически парадоксальное сочетание на уровне структуры эталона: эталон *“the nasal equivalent of a foghorn”* сконструирован автором из компонентов, сочетание которых не может быть известно читателю из жизненного опыта, это плод творческой мысли автора, созданный в целях передачи образа атмосферы крупнейшего города Плоского мира. Для того чтобы определить смысл данной конструкции, необходимо сначала осмыслить эталон сравнения. Для этого нужно понять значение каждого из составляющих эталон компонентов (опора на

пресуппозицию), а затем синтезировать их в целостный образ и выявить значимые для сопоставления семы, с учетом контекста. Рассмотрим компоненты данного эталона: *“nasal – relating to the nose”* [Cambridge Dictionary Online, Электронный ресурс] / «носовой – имеющий отношение к носу»; “*equivalent – equal in amount, value, importance, or meaning”* [Ibid.] / «эквивалент – равный по количеству, ценности, значимости или значению»; *“foghorn – a horn that makes a very loud sound to warn ships that they are close to land or other ships*” [Ibid.] / «корабельная сирена – гудок, который издает очень громкий звук в целях предупреждения кораблей о приближении земли или других плавательных средств», *“horn – a device on a vehicle that is used to make a loud noise as a warning or signal to other people”* [Ibid.] / «гудок – устройство на транспортном средстве, издающее громкий звук в целях предупреждения или подачи иного сигнала» *(перевод наш – Т.Б.)*. Автор предлагает читателю непростую задачу – представить *обонятельный эквивалент звука*, то есть синтезировать в целостный образ семантически парадоксальное сочетание компонентов. Изучение характеристик звука корабельной сирены (которые могут быть известны или познаны при обращении к соответствующим источникам информации) с опорой на контекст (описывается крупный средневековый торговый город) помогают реципиенту выявить выделяемые автором значения компонента эталона “*a foghorn” – «крайне высокая степень силы воздействия», «способность заглушать все остальное»* и синтезировать образ «обонятельного эквивалента корабельной сирены». Итак, для осмысления образа, передаваемого данным *эталоном с семантически парадоксальным сочетанием компонентов*, мы опираемся на пресуппозицию (знания о каждом компоненте эталона в отдельности), компонентный анализ элементов эталона, а также на контекст произведения и собираем образ «обонятельного эквивалента корабельной сирены» – запаха, оглушающе сильного. *Процедура выявления смысла* в сравнении с данным типом эталона отличается тем, что требует сотворчества читателя при воссоздании образа эталона и тем, что

опора на пресуппозицию возможна только на уровне отдельного компонента эталона, поскольку целостный образ эталона создан автором и не может быть известен читателю или познан им при обращении к каким-либо источникам информации [Баранова, 2020, с. 259–260].

В переводе данной конструкции, выполненном С. Увбарх, делается акцент на значении *«способность заглушать все остальное»* – при передаче словосочетания *“the basic smell of the city itself”* С. Увбарх прибегает к добавлению, в результате чего данное значение эксплицируется: «…основной, *превалирующий над всеми остальными* запах самого города». Значимая для сопоставления сема *«крайне высокая степень силы воздействия»*, присущая компоненту “*a foghorn”*, также эксплицируется в переводе путем добавления характеристики запаха: «…запах самого города, *первозданную мощь* которого можно было бы сравнить лишь с обонятельным эквивалентом корабельной сирены» [Пратчетт, 2018, с. 36].

Рассмотрим сравнительную конструкцию ***“hairstyles that looked like the offspring of a pineapple and a candyfloss”*** [Pratchett, 1988, p. 310] / «прически, напоминающие результат скрещивания ананаса с сахарной ватой» *(перевод наш – Т.Б.)*. Данное сравнение также содержит семантически парадоксальное сочетание в составе эталона. Рассмотрим компоненты эталона сравнения *“an offspring of a pineapple and a candyfloss”: “offspring – the young of an animal, or a person’s children”* [Cambridge Dictionary Online, Электронный ресурс] / «потомство – детеныши животного или дети человека»*; “pineapple – a large tropical fruit with a rough orange or brown skin and pointed leaves on top”* [Ibid.] / «ананас – большой тропический фрукт с грубой оранжевой или коричневой кожурой и заостренными листьями сверху»; *“candyfloss – a large soft ball of white or pink sugar in the form of thin threads, usually sold on a stick and eaten at fairs and amusement parks”* [Ibid.] / *«*сахарная вата – большой мягкий шар из сахарных нитей белого или розового цвета, обычно продается на палочке и встречается на ярмарках и в парках развлечений», *“candy – a sweet food made from sugar or chocolate”* [Ibid.] / «конфета – сладость, изготавливаемая из

сахара или шоколада», “*floss – a mass of soft, smooth threads produced by particular insects and plants”* [Ibid.] / «шелк – масса из мягких гладких нитей, которая производится определенными насекомыми и растениями».

В ходе выявления смысла данного сравнения реципиенту необходимо представить образ прически, похожей на результат скрещивания ананаса и сахарной ваты, то есть синтезировать образ объекта, который не существует в действительности. Изучение контекста позволяет получить информацию о том, что данное сравнение комически описывает прическу принцессы, имеющую сходство со сложными высокими прическами XVIII века. Учитывая эти данные, а также опираясь на результаты компонентного анализа и знание о том, что представляют собой ананас и сладкая вата, реципиент может выявить существенные для сопоставления значения компонентов эталона сравнения. Можно предположить, что в данном случае через образ сладкой ваты автор передает значения «*большой объем», «беспорядочное переплетение составляющих», «шарообразная форма, лишенная правильности линий»,* образ ананаса усиливает впечатление массивности прически, поскольку также несет значение *«большой объем»,* и добавляет итоговому образу деталей, касающихся формы.

С. Увбарх при передаче данной сравнительной конструкции прибегает к замене одного из компонентов эталона и переводит сравнение следующим образом: «прически, напоминающие результат скрещивания ананаса с *красным перцем*» [Пратчетт, 2018, с. 343]. В данном случае не вполне понятен выбор переводчика, поскольку образ сладкой ваты известен русскоязычному читателю и не нуждается в замене. Сложные прически, которые, согласно сюжету, раньше делала описываемая героиня, на наш взгляд, имеют бóльшее сходство с сахарной ватой, чем с красным перцем. Как было отмечено выше, образ сладкой ваты несет в себе важные для данного сопоставления значения: «*большой объем», «беспорядочное переплетение составляющих», «шарообразная форма, лишенная правильности линий»* [Баранова, 2020, с. 260]. Произведенная замена

приводит к потере данных значений и снижает возможности русскоязычного читателя представить образ, близкий к тому, который был заложен автором, а также добавляет новые варианты образов, обусловленные наличием у лексемы *перец* сем, характеризующих форму обозначаемого овоща. В этой связи замена данного элемента эталона с семантически парадоксальным сочетанием компонентов при переводе представляется не вполне целесообразной. Возникновение данной ситуации может объясняться сложностью процедуры выявления смысла в сравнениях с эталоном, содержащим семантически парадоксальное сочетание компонентов. Можно предположить, что в рассматриваемом случае использование замены обусловлено тем, что при осуществлении синтеза передаваемого эталоном образа и выявлении смысла сравнения переводчик счел более значимой одну из свойственных для лексемы *candyfloss* сем – *«розовый цвет»* и при переводе заменил образ сладкой ваты на образ красного перца, передающий близкое значение – *«красный цвет».*

3.2. Типология индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием с позиции их восприятия реципиентом и процедура выявления смысла в данных сравнениях

С точки зрения значимости для теории и практики перевода особое значение имеет *типология компаративных конструкций* в художественном тексте *с позиции их восприятия реципиентом*, предложенная Л.В. Разуваевой [Разуваева, 2008]. Классификация по данному признаку является значимой для целей перевода, поскольку отражает особенности умственной работы реципиента в процессе выявления смысла сравнений.

Согласно классификации Л.В. Разуваевой, индивидуальные образные сравнения с имплицитно выраженным основанием делятся на два типа с позиции их восприятия реципиентом:

1) сравнения, в которых признак (основание сравнения) определяется реципиентом *на основе пресуппозиции* (общего объема знаний автора и читателя);

2) сравнения, в которых признак (основание сравнения) определяется *по текстологическим показателям*: идее, содержанию, внутри контекста.

Этот тип Л.В. Разуваева делит на *два подтипа*:

– сравнения, в которых признак (основание сравнения) основан на противопоставлении;

– сравнения, в которых признак (основание сравнения) выводится на основе причинно-следственных отношений [Там же. С. 103].

Индивидуальное образное сравнение с имплицитно выраженным основанием представляет особую сложность для перевода, поскольку для верной передачи такого сравнения переводчику необходимо очертить круг вероятных оснований, заложенных автором, чтобы правильно трактовать смысл сравнения и не допустить опущения существенных общих признаков объекта и эталона при переводе сравнения. В рассматриваемом материале большая часть индивидуальных образных сравнений относится именно к данной группе (Рисунок 7).

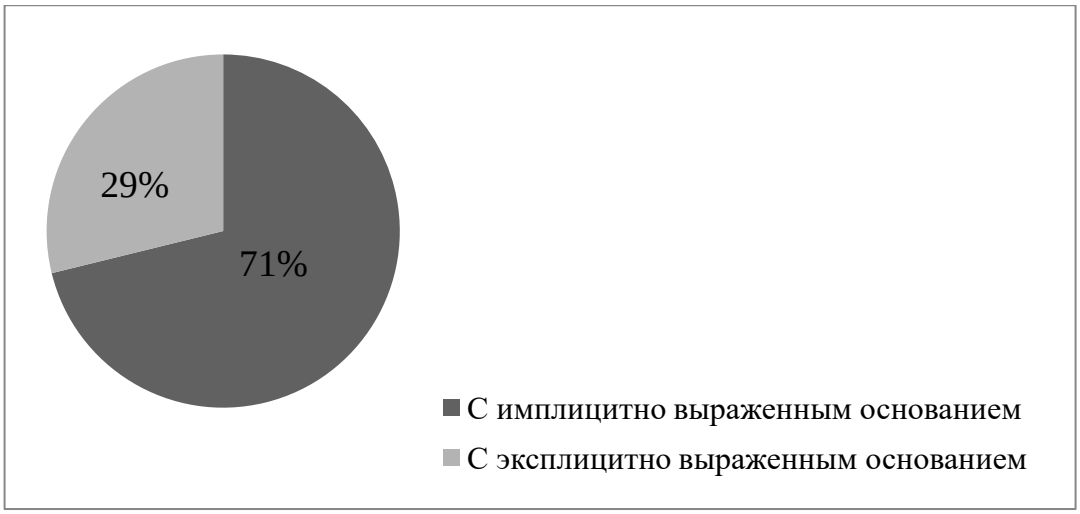


Рисунок 7 – Соотношение количества индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием и с эксплицитно выраженным основанием в текстах романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир»

В настоящей работе, опираясь на типологию Л.В. Разуваевой, мы более детально рассмотрели процесс выявления смысла в индивидуальных образных сравнениях в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир». Выбор индивидуальных образных сравнений в качестве объекта исследования обусловлен тем, что индивидуальные образные сравнения являются характерной особенностью идиостиля Т. Пратчетта, при этом данные сравнения представляют значительную сложность для перевода за счет таких особенностей, как сложная структура и крайне необычные образы. Наиболее трудную задачу для переводчика представляют индивидуальные образные сравнения с имплицитно выраженным основанием, поскольку для верной передачи такого сравнения переводчику необходимо очертить круг вероятных оснований, заложенных автором, чтобы правильно трактовать смысл сравнения и не допустить опущения существенных общих признаков объекта и эталона при переводе сравнения.

Мы предпринимаем попытку по расширению классификации образных сравнений в художественном тексте, разработанной Л.В. Разуваевой, основываясь на результатах анализа текстов романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир». В ходе исследования из текстов были извлечены более 2000 единиц образных сравнительных конструкций, был проведен анализ особенностей индивидуальных образных сравнений с учетом достижений психолингвистики и психосемантики в осмыслении категории сравнения. В результате был *выявлен третий тип* индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием с точки зрения восприятия реципиентом – *сравнения, в которых основание определяется через воссоздание сконструированного автором образа, выраженного в эталоне сравнения*. К данному типу сравнений мы относим конструкции, в которых содержится семантически парадоксальное сочетание компонентов внутри эталона сравнения. Под семантически парадоксальным сочетанием, как было указано в предыдущем пункте настоящей главы, подразумевается невозможное или нетипичное для объективной действительности, не

закрепленное в культуре, но существующее в созданном автором мире художественного произведения сочетание компонентов [Баранова, 2020_1, с. 276–277].

В качестве примера сравнительной конструкции, содержащей семантически парадоксальное сочетание компонентов в составе эталона, рассмотрим сравнение, которое Т. Пратчетт использует для описания необычного материала постельного белья: ***“it (sheets of some smooth slippery material) felt like warm, dry ice”*** [Pratchett, 1988, p. 37] / «гладкий и скользкий материал простыней на ощупь напоминал теплый сухой лед» *(перевод наш – Т.Б.)*. Эталон сравнительной конструкции *“warm, dry ice”* содержит парадоксальное сочетание компонентов: теплый, сухой лед.

В целях создания *рекомендаций по переводу* индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием в настоящем исследовании *разработаны процедуры выявления смысла* для трех типов индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием полученной расширенной классификации.

Для первого типа сравнений (сравнений, в которых основание определяется реципиентом на базе пресуппозиции) процедура выявления смысла может быть представлена в виде последовательности действий:

1) Выявление образа, с которым сравнивается объект;

2) узнавание знакомого по жизненному опыту образа (опора на пресуппозицию);

3) восстановление скрытого основания (скрытых оснований) сравнения;

4) установление смысла сравнения.

Мы полагаем, что при рассмотрении такого типа сравнения необходимо учитывать, что набор знаний у реципиента является индивидуальным для каждого человека в определенный момент его жизни. Так что определение смысла сравнения, в котором основание определяется на основе пресуппозиции, от некоторых реципиентов может потребовать

поиска информации, то есть расширения своих знаний для получения их необходимого набора – пресуппозиции. Однако различный объем знаний реципиента не меняет тип самого сравнения: оно все также будет осмысляться на основе знаний о реальном мире, то есть на основе пресуппозиции, после получения необходимых знаний.

В этой связи для выявления смысла сравнений первого типа возможна усложненная последовательность действий, реализуемая *при нехватке знаний у реципиента*:

1) Выявление образа, с которым сравнивается объект;

2) *поиск информации об образе (добор необходимых знаний для пресуппозиции)*;

3) восстановление скрытого основания (скрытых оснований) сравнения;

4) установление смысла сравнения.

Таким образом, последовательность действий *процедуры выявления смысла сравнений первого типа* с учетом возможной нехватки знаний у реципиента выглядит следующим образом:

1) Выявление образа, с которым сравнивается объект;

2) опора на пресуппозицию:

2.1) при наличии пресуппозиции – узнавание знакомого по жизненному опыту образа;

2.2) при отсутствии пресуппозиции – поиск информации об образе (добор необходимых знаний для создания пресуппозиции);

3) восстановление скрытого основания (скрытых оснований) сравнения;

4) установление смысла сравнения [Баранова, 2020_1, с. 277].

Второй тип сравнений (сравнения, в которых основание определяется по текстологическим показателям) отличается тем, что выявление смысла таких сравнений невозможно без анализа текстологической информации. Для определения основания сравнения в таких конструкциях недостаточно иметь

необходимый для понимания заключенного в сравнении образа набор знаний – пресуппозицию, взятую вне контекста. Текстологическая информация играет определяющую роль при трактовке такого сравнения, указывая на основание, заложенное автором. Отметим, что наличие пресуппозиции также необходимо для понимания смысла образа. Так что процедура выявления смысла в сравнениях данного типа представляет собой усложненный вариант последовательности действий для первого типа сравнений: добавляется анализ текстологических показателей.

Мы полагаем, что для сравнений данного типа нецелесообразно разрабатывать отдельные схемы для каждого выделяемого Л.В. Разуваевой их подтипа, поскольку при любом характере признака, по которому идет деление на подтипы (основан ли он на противопоставлении или выводится установлением причинно-следственных связей), все действия сводятся к анализу текстологических показателей, которые и позволяют определить характер признака сравнения.

В целях более лаконичного изложения материала представим *процедуру выявления смысла для сравнения второго типа* как при наличии пресуппозиции, так и при ее отсутствии:

1) Выявление образа, с которым сравнивается объект;

2) опора на пресуппозицию:

2.1) при наличии пресуппозиции – узнавание знакомого по жизненному опыту образа;

2.2) при отсутствии пресуппозиции – поиск информации об образе (добор необходимых знаний для создания пресуппозиции);

3) *анализ текстологических показателей*;

4) восстановление скрытого основания (скрытых оснований) сравнения;

5) установление смысла сравнения [Там же].

Как видно из описания, процедура выявления смысла в сравнениях второго типа представляет собой усложненный вариант последовательности

действий для первого типа сравнений – добавляется анализ текстологических показателей.

Для определения смысла индивидуального образного сравнения с имплицитно выраженным основанием выделяемого в настоящем исследовании *сравнения третьего типа* (сравнения, в котором основание определяется через воссоздание сконструированного автором образа, выраженного в эталоне сравнения), в отличие от ситуации со сравнением первого типа, требуются не анализ знакомого (или познанного после добора необходимых знаний) образа из реальной жизни, передаваемого эталоном, а *создание* вслед за автором нового, не закрепленного в культуре образа и анализ его признаков, затем поиск основания (оснований) сравнения. Как и в случае со сравнением второго типа, осмысление читателем передаваемого эталоном образа происходит на основе пресуппозиции и с учетом текстологической информации, поскольку образ создается и используется автором в контексте произведения, и его невозможно трактовать вне произведения. Однако отличие данного типа от выделяемого Л.В. Разуваевой второго типа сравнений именно *в характере работы со знаниями, составляющими пресуппозицию*. Смысл образа, передаваемого в эталоне такого сравнения, *окказионален*, он сконструирован автором и не может быть заранее известен читателю, либо познан с помощью обращения к другому источнику. *Пресуппозицию* для такого сравнения составляют *взятые по отдельности образы, выраженные компонентами* эталона с парадоксальным сочетанием компонентов, смысл каждого из которых известен или может быть познан реципиентом. Сочетание этих компонентов, итоговый образ, передаваемый эталоном сравнения, создан автором и может быть лишь воссоздан читателем вслед за автором в процессе сотворчества с целью выявления скрытого основания (оснований) сравнения. В то время как образ сравнения, не содержащего семантически парадоксального сочетания компонентов внутри эталона, может быть известен или познан реципиентом в его итоговом, полном виде.

Таким образом, для *сравнений третьего типа* (сравнений, в которых основание определяется через воссоздание сконструированного автором образа, выраженного в эталоне сравнения) *процедура выявления смысла* может быть представлена в виде следующей последовательности действий:

1) Выявление образов, которые передаются *компонентами эталона*;

2) опора на пресуппозицию:

2.1) при наличии пресуппозиции – узнавание знакомых по жизненному опыту образов, переданных *компонентами эталона*;

2.2) при отсутствии пресуппозиции – поиск информации об образах, переданных *компонентами эталона* (добор необходимых знаний для создания пресуппозиции);

3) *воссоздание сконструированного автором образа путем синтеза образов, переданных компонентами эталона*;

4) анализ текстологических показателей;

5) восстановление скрытого основания (скрытых оснований) сравнения;

6) установление смысла сравнения [Там же. С. 278].

Опираясь на представленные выше описания процедур выявления смысла сравнений, рассмотрим на примерах особенности данных процедур для индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием первого, второго и третьего типа. При анализе примеров будем учитывать наличие или отсутствие семантически парадоксальных сочетаний на различных уровнях структуры сравнения.

Определить основание и установить смысл *сравнения первого типа* можно, рассматривая его вне произведения, поскольку на основание сравнения указывает заложенный в нем образ, знания о котором либо имеются у читателя, либо легко приобретаются им, поскольку этот образ не является окказиональным. Для иллюстрации первого типа сравнительных конструкций приведем сравнение из романа Т. Пратчетта «Мор, ученик Смерти»: ***“the youngest son was not at all serious and had about the same talent***

for horticulture that you would find in a dead starfish” [Pratchett, 1988, p. 11] / «младший сын относился к наследственному ремеслу крайне несерьезно, а степень его таланта по выращиванию садовых культур была примерно такой же, как у морской звезды» [Пратчетт, 2018, с. 10].

В данном случае для определения основания и выявления смысла сравнения реципиенту необходимо лишь понимать смысл образа, передаваемого эталоном. Семантическая парадоксальность в рассматриваемой сравнительной конструкции отсутствует, структура сравнения не содержит привнесенные автором смыслы, понимание которых возможно лишь с опорой на контекст. Данное сравнение понятно даже при изолированном рассмотрении, вне контекста произведения. Для выявления смысла данного сравнения *достаточно опоры на пресуппозицию* – знания о том, что представляет собой морская звезда и какова степень одаренности мертвой морской звезды в области садоводства. Опираясь на данное знание, реципиент может восстановить скрытое основание и выявить смысл сравнения: описываемый персонаж совершенно не имеет таланта к выращиванию садовых культур. В процессе выявления значимых для сопоставления сем рекомендуется также провести компонентный анализ эталона сравнения [Баранова, 2020_1, с. 278].

В качестве примера *сравнений второго типа*, основание которых выявляется с учетом текстологических показателей, рассмотрим следующую сравнительную конструкцию из вышеупомянутого романа Т. Пратчетта: ***“the world would have sprung back into shape like an elastic bandage”*** [Pratchett, 1988, p. 163]. Данное сравнение характеризуется наличием семантически парадоксального сочетания компонентов на уровне структуры сравнения. Для определения смысла данного сравнения *недостаточно выявить и понять образ, передаваемый эталоном “an elastic bandage”* («эластичный бинт»). При рассмотрении данного примера вне контекста очень сложно понять, о чем вообще ведется речь, поскольку у нас недостаточно сведений о ситуации, которую описывает автор. Необходимую для верной трактовки

информацию можно получить, изучив текст романа. Согласно сюжету, внутри реальности фантастического мира образовалась независимая реальность с искаженным ходом событий, однако основная реальность неуклонно отвоевывает свои позиции, и в скором времени «мир опять, подобно эластичному бинту, примет свою прежнюю форму» [Пратчетт, 2018, с. 182]. Точное определение всех оснований сравнения, заложенных автором, едва ли достижимо. Однако *опора на контекст* позволяет понять ход мысли писателя, определить существенные для передачи в тексте перевода общие признаки объекта и эталона. В данном случае можно предположить, что писатель делает акцент на *неотвратимости возвращения к исходному состоянию и физическом сходстве* поведения реальности Плоского мира с движениями бинта, поскольку по сюжету реальность в буквальном смысле схлопнется, вернувшись к исходному состоянию, подобно эластичному бинту. Таким образом, для выявления смысла данной сравнительной конструкции *недостаточно компонентного анализа* эталона сравнения (*“an elastic bandage”)* и *опоры на пресуппозицию* (знание о том, как ведет себя эластичный бинт), *необходимо также знать контекст* [Баранова, 2020_1, с. 278].

В качестве примера выделяемого нами *третьего типа* индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием рассмотрим следующее сравнение:

“'What’s a curry?'

The blue fires flared deep in the eyes of Death.

HAVE YOU EVER BITTEN A RED-HOT ICE CUBE?

'No, sir,' said Mort.

CURRY’S LIKE THAT” [Pratchett, 1988, p. 31]. /

«– Что такое “карри”?

В глубинах глазниц Смерти ярко пылало голубое пламя.

– ТЕБЕ КОГДА-НИБУДЬ ПРИХОДИЛОСЬ ОТКУСЫВАТЬ ОТ РАСКАЛЕННОГО ДОКРАСНА ЛЕДЯНОГО КУБА?

– Нет, господин, – ответил Мор.

– КАРРИ – ЭТО ЧТО-ТО ВРОДЕ ЭТОГО» [Пратчетт, 2018, с. 34].

Рассматриваемое сравнение отличает наличие семантически парадоксального сочетания на уровне эталона сравнения. В данном случае сопоставляется блюдо (*“curry”*) и сконструированный автором образ, переданный эталоном *“a red-hot ice cube”*. Для выявления смысла данного сравнения, в первую очередь, необходимо воссоздать вслед за автором образ, переданный эталоном, содержащим парадоксальное сочетание. Для этого реципиент должен представить образы, переданные компонентами эталона, по отдельности и произвести их синтез в единый образ. В процесс осмысления данного сравнения включаются *как опора на пресуппозицию в отношении компонентов эталона* (реципиенту необходимо понимать смысл компонентов *“red-hot”* и *“ice cube”*, чтобы представить их для последующего синтеза), *так и опора на контекст*: такое необычное сочетание, как «раскаленный докрасна ледяной куб» [Там же], в принципе должно иметь смысл для читателя, которому необходимо понимать, для чего нужно представлять столь необычный образ. В контексте рассматриваемого романа жанра комического фэнтези данный образ является возможным и имеет смысл, поскольку реальность романа фантастична. Кроме того, данный образ *необходимо* представить для лучшего понимания текста, что объясняется спецификой ситуации, в которой использовано сравнение: в рассматриваемом диалоге персонаж Смерть объясняет своему подмастерью, обычному мальчику, что представляет собой человеческое блюдо карри. Как существо фантастического мира, относящееся в рамках реальности самого романа к области трансцендентного, персонаж Смерть, во-первых, оперирует необычными для человеческой реальности образами, во-вторых, воспринимает человеческую пищу как нечто необычное для себя. Такое наложение необычного автор мастерски передает с помощью данного сравнения, осмысление которого важно для создания у читателя представления о фантастическом мире романа [Баранова, 2020_1, с. 278–279].

Таким образом, в ходе выявления смысла данного сравнения реципиенту необходимо осуществить *синтез составляющих семантически парадоксальное сочетание образов*, передаваемых компонентами эталона, чтобы по мере возможности воссоздать сконструированный автором образ, передаваемый эталоном сравнения, и выявить заложенные в нём существенные для рассматриваемого сопоставления значения. При этом опора на пресуппозицию произойдет лишь на уровне компонентов эталона в отдельности, поскольку передаваемый эталоном целостный образ создан автором и не может быть известен реципиенту.

Выводы по главе 3

В ходе отраженного в настоящей главе этапа исследования был проведен структурно-семантический анализ более 2000 единиц индивидуальных образных сравнений, отобранных из текстов романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир», в рамках которого была продолжена разработка психосемантического аспекта индивидуального образного сравнения, затронутого в исследовании Н.Н. Макаренко [Макаренко, 2001].

Результаты исследования показали, что тексты романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» содержат значительное количество индивидуальных образных сравнений, в которых присутствует описанное в исследовании Н.Н. Макаренко семантически парадоксальное сочетание объекта и эталона.

С*емантически парадоксальными сочетаниями* в настоящей работе обозначаются невозможные или крайне нетипичные для объективной действительности, не закрепленные в культуре, но существующие в созданном автором мире художественного произведения сочетания компонентов.

Структурно-семантический анализ индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта также позволил *впервые выявить* присущую ряду рассматриваемых сравнений *структурно-*

семантическую особенность: *наличие семантически парадоксального сочетания компонентов на уровне эталона сравнения.*

В связи с установлением наличия данной структурно-семантической особенности в значительном количестве рассматриваемых сравнений *впервые выявлен и описан* с позиций психосемантики, теории и практики перевода *новый тип эталона индивидуального образного сравнения – эталон с семантически парадоксальным сочетанием компонентов.*

Эталоны с семантически парадоксальным сочетанием компонентов характеризуются следующими признаками:

- структура данных эталонов включает в себя два и более компонента,

- как минимум, два компонента структуры эталона образуют семантически парадоксальное сочетание.

В текстах романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» значительное количество сравнений характеризуется наличием семантически парадоксальных сочетаний в составе эталона сравнения. Семантически парадоксальные сочетания в большинстве случаев представляют собой комбинацию образов, каждый из которых относится к предмету, явлению или качеству объективной действительности, которые читатель, принадлежащий к любой культуре, легко может представить, основываясь на жизненном опыте. Парадоксальность проявляется именно в сочетании данных образов в силу его невозможности или крайней нетипичности для объективной действительности. Данное сочетание, как правило, включает предмет или явление и одно или несколько его качеств, которые в рассматриваемом материале часто относятся к звукам, вкусам, цветам, ощущениям температуры, влажности. Комбинация этих компонентов создает в сознании читателя новый образ, представление о чем-то, что отсутствует в объективной действительности. При этом данное представление, с одной стороны, обладает реалистичностью, поскольку передаваемые компонентами эталона образы относятся к реальным, знакомым реципиенту явлениям, которые легко представить, с другой стороны, оно является ярким и

привлекающим внимание, поскольку передаваемый эталоном целостный образ является новым и весьма необычным для читателя.

С позиций теории и практики перевода семантическая парадоксальность сочетания компонентов индивидуального образного сравнения представляется значимым феноменом, поскольку в процессе перевода сравнительной конструкции, во-первых, необходимо обнаружить такое сочетание компонентов и определить смысл сравнения, а во-вторых, требуется найти средства для передачи парадоксальности и смысла сравнения на язык перевода.

В настоящей главе в рамках разработки рекомендаций по переводу рассматриваемых индивидуальных образных сравнений была изучена *процедура выявления смысла сравнений* и определены следующие *особенности данной процедуры, обусловленные наличием или отсутствием семантической парадоксальности на различных уровнях структуры сравнения:*

- в сравнениях, *не содержащих семантически парадоксальных сочетаний компонентов*, процедура выявления смысла сравнения предполагает опору на пресуппозицию для осмысления образа, передаваемого эталоном сравнения, а также проведение компонентного анализа элементов сравнения – эталона и основания (в случае его эксплицитного выражения) в целях выявления значимых для сопоставления сем;

- в сравнениях*, содержащих семантически парадоксальное сочетание компонентов на уровне структуры сравнения* в *целом*, вышеописанная процедура осложняется необходимостью провести анализ контекста произведения с целью выявления значений, привнесенных автором в состав сравнения и положенных в основу сопоставления объекта и эталона;

- в сравнениях, *содержащих семантически парадоксальное сочетание компонентов на уровне структуры эталона сравнения,* процедура выявления смысла осложняется необходимостью провести синтез составляющих

семантически парадоксальное сочетание образов, передаваемых компонентами эталона, чтобы по мере возможности воссоздать сконструированный автором образ, передаваемый эталоном сравнения, и выявить заложенные в нём существенные для рассматриваемого сопоставления значения. При этом в ходе анализа эталона данного типа опора на пресуппозицию происходит лишь на уровне компонентов эталона в отдельности, поскольку передаваемый эталоном целостный образ создан автором и не может быть известен реципиенту.

С точки зрения значимости для теории и практики перевода особое значение имеет *типология компаративных конструкций* в художественном тексте *с позиции их восприятия реципиентом*, предложенная Л.В. Разуваевой [Разуваева, 2008]. Классификация по данному признаку является значимой для целей перевода, поскольку отражает особенности умственной работы реципиента в процессе выявления смысла сравнений.

Индивидуальное образное сравнение с имплицитно выраженным основанием представляет особую сложность для перевода, поскольку для верной передачи такого сравнения переводчику необходимо очертить круг вероятных оснований, заложенных автором, чтобы правильно трактовать смысл сравнения и не допустить опущения существенных общих признаков объекта и эталона при переводе сравнения. Настоящее исследование показало, что в рассматриваемом материале большая часть индивидуальных образных сравнений (71%) относится именно к данной группе.

В настоящей главе описана классификация индивидуальных образных сравнений, полученная в результате расширения типологии индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием с позиции восприятия реципиентом, разработанной Л.В. Разуваевой. Типология Л.В. Разуваевой расширена путем добавления выявленного в ходе исследования *третьего типа индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием с точки зрения восприятия реципиентом – сравнения, в которых основание определяется через*

воссоздание сконструированного автором образа, выраженного в эталоне сравнения. К данному типу сравнений в настоящем исследовании отнесены конструкции, в которых содержится семантически парадоксальное сочетание компонентов в составе эталона сравнения.

В данной главе в рамках разработки рекомендаций по переводу индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием представлены разработанные в результате исследования *процедуры выявления смысла для трех типов индивидуальных образных сравнений* полученной классификации.

Последовательность действий в рамках процедуры выявления смысла индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием *первого типа* имеет следующий вид:

1) Выявление образа, с которым сравнивается объект;

2) опора на пресуппозицию:

2.1) при наличии пресуппозиции – узнавание знакомого по жизненному опыту образа;

2.2) при отсутствии пресуппозиции – поиск информации об образе (добор необходимых знаний для создания пресуппозиции);

3) восстановление скрытого основания (скрытых оснований) сравнения;

4) установление смысла сравнения.

Последовательность действий в рамках процедуры выявления смысла индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием *второго типа осложняется добавлением шага «анализ текстологических показателей»*.

Последовательность действий в рамках процедуры выявления смысла индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием выделяемого в настоящей работе *третьего типа* включает все шаги, необходимые для определения смысла сравнения второго типа, и, в свою очередь, осложняется необходимостью произвести *воссоздание*

созданного автором образа путем синтеза образов, переданных компонентами эталона. При этом *опора на пресуппозицию* происходит на *уровне компонентов эталона сравнения,* а не всего эталона в целом, поскольку итоговый образ, передаваемый эталоном сравнения, создан писателем и может быть лишь в некоторой степени *воссоздан* реципиентом вслед за автором в процессе сотворчества.

Заключение

В результате исследования индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» в настоящей работе были выявлены значимые для перевода структурно-семантические особенности данных сравнений, описаны функции индивидуального образного сравнения в рассматриваемых произведениях, установлена высокая значимость индивидуального образного сравнения как компонента идиостиля Т. Пратчетта, широко используемого для изображения создаваемого автором вторичного мира, разработана структурно-семантическая классификация индивидуальных образных сравнений, учитывающая их значимые для целей перевода особенности, выявленные в ходе исследования, а также разработаны рекомендации по переводу индивидуальных образных сравнений с учетом выявленных структурно-семантических и функциональных особенностей.

Идиостиль Т. Пратчетта характеризуется широким использованием образных языковых средств, помогающих передать нереалистичные образы вторичного мира. В результате исследования было установлено, что преобладающим образным средством, с помощью которого Т. Пратчетт создает реальность вторичного мира, является индивидуальное образное сравнение в силу высокой частотности его употребления, а также существенной значимости выполняемых им функций. Индивидуальное образное сравнение «неизменно присутствует» в рассматриваемой серии романов, составляющей значительную часть творческого наследия Т. Пратчетта, в связи с чем, согласно В.В. Виноградову, оно может быть отнесено к средствам выражения, образующим «стилистическое ядро» произведений автора [Виноградов, 1963, с. 80], или к *стилистическим доминантам* идиостиля Т. Пратчетта.

Создание писателем *вторичного мира* в современном литературоведении считается необходимым признаком жанра фэнтези.

Романы Т. Пратчетта серии «Плоский мир» в полной мере обладают данным признаком, поскольку отличаются тщательной проработанностью вторичного мира, для изображения которого писатель использует средства выразительности, выполняющие особые функции.

Индивидуальные образные сравнения в романах Т. Пратчетта используются в следующих *функциях*: а) описания вторичного мира; б) акцентуации внимания на необычной природе вторичного мира; в) создания комического эффекта; г) передачи чувств, эмоций, ощущений; д) выражения оценочного суждения.

Как правило, в рассматриваемом материале одно сравнение выполняет несколько функций. При этом самой частотной является функция описания. Особо в работе выделяется *функция акцентуации внимания на необычной природе вторичного мира*. Существенное количество сравнений, выполняющих данные функции, указывает на высокую значимость индивидуальных образных сравнений в создании вторичного мира.

В результате проведенного структурно-семантического анализа индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» предложена *структурно-семантическая классификация индивидуальных образных сравнений*, подразумевающая выделение семантических типов объекта, эталона и основания и указание на способ их выражения. Семантические типы предлагаются для выделяемых в работе видов объекта и эталона по сложности (вида «элемент» и вида «ситуация»). Классификация по типу эталона также включает деление эталонов по наличию в них выявленных в ходе исследования семантически парадоксальных сочетаний компонентов.

В рамках работы над данной структурно-семантической классификацией:

- в результате проведения анализа компонентов структуры индивидуальных образных сравнений и выявления их возможных комбинаций *расширена классификация образных сравнений по степени*

сложности объекта и эталона, предложенная Х.М. Гурбановым [Гурбанов, 1988]. Введены понятия для обозначения выделяемых в рамках предлагаемой расширенной классификации видов структурных компонентов сравнений *объект-элемент, эталон-элемент, объект-ситуация, эталон-ситуация*. Понятия *«объект-элемент», «эталон-элемент»* введены для объекта и эталона соответственно, обозначающих предмет, явление, качество или действие. Понятия *«объект-ситуация»* и *«эталон-ситуация»* введены для объекта и эталона соответственно, обозначающих *ситуацию*, под которой в работе понимается описание предметов, явлений, качеств или действий в их динамической взаимосвязи с другими предметами, явлениями, качествами или действиями;

- разработана и описана на примерах *классификация способов выражения объекта-элемента и эталона-элемента*: одной лексемой, словосочетанием;

- разработана и описана на примерах *классификация способов выражения объекта-ситуации и эталона-ситуации*: словосочетанием, предложением, группой предложений;

- расширено предложенное Х.М. Гурбановым понятие *«ситуативное сравнение»*, оно определяется как сравнение, в котором один или все компоненты структуры (объект, эталон) имеет(ют) вид «ситуация». Уточнено понятие *«предметное сравнение»* – это сравнение, в котором все компоненты структуры (объект, эталон) имеют вид «элемент»;

- разработана и описана на примерах классификация индивидуальных образных сравнений в зависимости от семантического типа объекта или эталона вида «элемент»;

- разработана и описана на примерах классификация индивидуальных образных сравнений в зависимости от семантического типа объекта или эталона вида «ситуация». Выделено два крупных семантических типа ситуаций, возможных в тексте жанра фэнтези: реальная ситуация и нереальная ситуация. Под *реальной ситуацией* в настоящем исследовании

понимается *ситуация* (описание предметов, явлений, качеств или действий в их взаимосвязи с другими предметами, явлениями, качествами или действиями), *которая существует или может существовать в объективной действительности в соответствии с современной научной картиной мира*. Под *нереальной ситуацией* подразумевается *ситуация, которая не существует и не может существовать в объективной действительности в соответствии с современной научной картиной мира.*

В рамках проведенного в ходе исследования структурно-семантического анализа индивидуальных образных сравнений на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» продолжена разработка психосемантического аспекта индивидуального образного сравнения, затронутого в работе Н.Н. Макаренко [Макаренко, 2001]. Результаты настоящего исследования показали, что тексты романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» насыщены индивидуальными образными сравнениями, содержащими семантически парадоксальное сочетание объекта и эталона или, в терминологии Н.Н. Макаренко, индивидуальными образными сравнениями с окказиональным семантическим компонентом. Под *семантически парадоксальными сочетаниями* в настоящей работе подразумеваются невозможные или крайне нетипичные для объективной действительности, не закрепленные в культуре, но существующие в созданном автором мире художественного произведения сочетания компонентов.

В результате проведения структурно-семантического анализа более 2000 единиц индивидуальных образных сравнений, отобранных из текстов романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир», *впервые выявлена* присущая ряду рассматриваемых сравнений *структурно-семантическая особенность*: наличие семантически парадоксального сочетания компонентов на уровне эталона сравнения.

В связи с установлением наличия вышеуказанной структурно-семантической особенности в значительном количестве рассматриваемых

сравнений *впервые выявлен и описан* с позиций психосемантики, теории и практики перевода *новый тип эталона индивидуального образного сравнения – эталон с семантически парадоксальным сочетанием компонентов.*

В текстах романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир» значительное количество сравнений отличается наличием семантически парадоксальных сочетаний в составе эталона сравнения. Такие сочетания в большинстве случаев сконструированы автором из образов, каждый из которых относится к предмету, явлению или качеству объективной действительности, которые читатель, принадлежащий к любой культуре, легко может представить, основываясь на жизненном опыте. Парадоксальным является именно их сочетание в силу его невозможности или крайней нетипичности для объективной действительности. Сочетание компонентов в таком эталоне, как правило, включает предмет или явление и одно или несколько его качеств, которые в рассматриваемом материале часто относятся к звукам, вкусам, цветам, ощущениям температуры, влажности. Комбинация этих компонентов создает в сознании читателя новый образ, представление о чем-то, чего нет в объективной действительности. При этом данное представление является живым, реалистичным, поскольку сами образы, передаваемые компонентами эталона, относятся к реальным, хорошо известным реципиенту явлениям, их легко представить, а также ярким, поскольку образ в своей целостности является новым и весьма необычным для читателя.

Для целей перевода семантическая парадоксальность сочетания компонентов индивидуального образного сравнения представляется важным феноменом, который необходимо учитывать, поскольку переводчик, во-первых, должен обнаружить такое сочетание компонентов и определить смысл сравнения, а во-вторых, ему требуется найти средства для передачи парадоксальности и смысла сравнения на язык перевода.

В рамках разработки *рекомендаций по переводу* индивидуальных образных сравнений была рассмотрена *процедура выявления смысла данных сравнений* и определены следующие *особенности данной процедуры,*

обусловленные наличием или отсутствием семантической парадоксальности на различных уровнях структуры сравнения:

- в сравнениях, *не содержащих семантически парадоксальных сочетаний компонентов*, процедура выявления смысла сравнения предполагает опору на пресуппозицию для осмысления образа, передаваемого эталоном сравнения, а также проведение компонентного анализа элементов сравнения – эталона и основания (в случае его эксплицитного выражения) в целях выявления значимых для сопоставления сем;

- в сравнениях, *содержащих семантически парадоксальное сочетание компонентов на уровне структуры сравнения* в *целом*, вышеописанная процедура осложняется необходимостью провести анализ контекста произведения с целью выявления значений, привнесенных автором в состав сравнения и положенных в основу сопоставления объекта и эталона;

- в сравнениях, *содержащих семантически парадоксальное сочетание компонентов на уровне структуры эталона сравнения,* процедура выявления смысла осложняется необходимостью провести синтез составляющих семантически парадоксальное сочетание образов, передаваемых компонентами эталона, чтобы по мере возможности воссоздать сконструированный автором образ, передаваемый эталоном сравнения, и выявить заложенные в нём существенные для рассматриваемого сопоставления значения. При этом в ходе анализа эталона данного типа опора на пресуппозицию происходит лишь на уровне компонентов эталона в отдельности, поскольку передаваемый эталоном целостный образ создан автором и не может быть известен реципиенту.

В настоящем исследовании в рамках разработки рекомендаций по переводу индивидуальных образных сравнений *расширена* предложенная Л.В. Разуваевой *типология индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием с точки зрения восприятия ее реципиентом* [Разуваева, 2008] – добавлен *новый тип* сравнительных

конструкций – *сравнения, в которых основание определяется через воссоздание сконструированного автором образа, выраженного в эталоне сравнения.* Разработана и описана на примерах процедура выявления смысла в различных типах индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием.

Применение предлагаемых процедур выявления смысла в индивидуальных образных сравнениях способствует приближению к адекватной и эквивалентной передаче индивидуальных образных сравнений с английского на русский язык, что содействует возможно полному сохранению особенностей идиостиля Т. Пратчетта и жанровых особенностей комического фэнтези.

Настоящее исследование может быть продолжено в нескольких направлениях. Перспективным для разработки представляется дальнейшее изучение особенностей идиостиля Т. Пратчетта, а также особенностей перевода исследованного в недостаточной степени жанра комического фэнтези. Продуктивным направлением видится и дальнейшее изучение индивидуального образного сравнения с позиций междисциплинарного подхода и с учетом антропоцентрической направленности современного лингвистического знания.

Список литературы

1. Абаева Е.С. Передача юмористического эффекта при переводе: когнитивно-прагматическая модель: дис. ... док. филол. наук. Мытищи, 2020. 399 с.
2. Абдушукурова Л.А. Сравнение как средство художественной выразительности: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1969. 220 с.
3. Александрова С.Я. Структурно-семантическая характеристика сравнительных конструкций (на материале англ. яз.): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1981. 152 с.
4. Алексеев С.В. Гомеры нового времени // Если. 2006. № 9. С. 281–286.
5. Аникина А.Б. Образное слово в тексте. М.: Изд-во МГУ, 1985. 75 с.
6. Антипов Г.А. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, 1989. 194 с.
7. Античные теории языка и стиля / Под ред. О.М. Фрейденберг. М.; Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1936. 344 с.
8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974. 366 с.
9. Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб: Азбука-классика, 2010. 346 с.
10. Аристотель. Сочинения в 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
11. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б. Ханиной. М.: Наука: Смысл, 1999. 350 с.
12. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Вступит. ст. // Теория метафоры: сб. ст. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
13. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1973. Т. 32. № 1. С. 84–89.
14. Арутюнова Н.Д. Тождество и подобие (заметки о взаимодействии концептов) // Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М.: Наука, 1990_1. С. 7–32.
15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 895 с.

16. Арынов М. Сравнительные конструкции с wie и gleich в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1972. 172 с.
17. Асаматов С.Б. Структурно-семантические особенности синтаксических единиц со значением сравнения: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 1997. 165 с.
18. Ашурова Д.У. Лингвистическая природа художественного сравнения: дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1970. 225 с.
19. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте: структурно-семантический анализ. Калининград: Калининградский государственный университет, 1997. 79 с.
20. Багринцева Н.В. Культурно-детерминированные факторы в теории и практике перевода (на материале худ. англо-русских переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2001. 24 с.
21. Базылев В.Н., Сорокин Ю.А. Интерпретативное переводоведение. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2000. 134 с.
22. Байсара Л.И. Грамматические средства выражения сравнения в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1975. 162 с.
23. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
24. Балли Ш. Французская стилистика. М.: УРСС, 2009. 384 с.
25. Баранова Т.М. Индивидуальное образное сравнение как средство изображения вторичного мира в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир» и проблема его перевода с английского на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. Т. 14. № 2. С. 498–505.
26. Баранова Т.М. Особенности перевода индивидуальных образных сравнений с семантически парадоксальным сочетанием компонентов (на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир») //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. № 6. С. 254–261.

27. Баранова Т.М. Типология индивидуальных образных сравнений с позиции их восприятия реципиентом в аспекте перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020_1. Т. 13. № 5. С. 274–280.
28. Бартон В.И. Сравнение как средство познания. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1978. 127 с.
29. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Междунар. отношения, 1975. 239 с.
30. Белова Б.А. Стилистическая роль и источники сравнений в романе А.М. Горького «Дело Артамоновых» // Учебные записки, труды кафедр русского языка Кемеровского и Новокузнецкого пединститутов. Кемерово: [б. и.], 1972. С. 136–154.
31. Белова В.С. О значении и параллельном употреблении сравнительных деепричастных и глагольных оборотов // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1961. № 2. С. 147–153.
32. Белянин В.П. Психолингвистика. М.: Флинта: МПСИ, 2011. 416 с.
33. Березин В. Фэнтези // Октябрь. 2001. № 6. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.rU/october/2001/6/ber.html, (дата обращения: 27.05.2020).
34. Берлизон С.Б. Компаративные фразеологические единицы – средство выражения экспрессии и эмоциональной оценки (на материале современного английского языка) // Проблемы семасиологии и лингвостилистики: сб. ст. / Отв. ред. С.Б. Берлизон. Вып. 1. Ч. 1. Рязань, 1973. С. 3–72.
35. Биренбаум Я.Г. Грамматическая сочетаемость сравнительных степеней // Лексико-грамматическая сочетаемость в английском языке: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. М.В. Буковская. Челябинск: Челябинский государственный педагогический институт, 1987. С. 52–59.

36. Биренбаум Я.Г. Образные сравнительные обороты в современном английском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1966. № 4. С. 131–139.
37. Биренбаум Я.Г. Подчинительные союзы в простом предложении: (На материале союзов as, than, as if и as though): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1962. 20 с.
38. Биренбаум Я.Г. Сложноподчиненное предложение в современном английском языке: дис. ... док. филол. наук. Магнитогорск, 1980. 353 с.
39. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сб. ст. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
40. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 384 с.
41. Бойко Л.Г. Культурно маркированное содержание устойчивых сравнений русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 218 с.
42. Борисова Л.И. Лексические проблемы научно-технического перевода: автореф. дис. ... док. филол. наук. Москва, 1995. 47 с.
43. Борисова Л.И. Метафора в научно-техническом переводе // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2016. № 6. С. 63–71.
44. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: Изд-во университета Российской академии образования, 1998. 208 с.
45. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998. 332 с.
46. Будагов Р.А. Метафора и сравнение в контексте художественного целого // Человек и его язык. М.: Изд-во Московского университета, 1974. С. 166–170.
47. Бурлак А.И. Фразеологические единицы с компонентами-прилагательными, выражающими понятие цвета в современном

английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1955. 16 с.

48. Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т. Эмоции в звучащей речи: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 (29). С. 45–55.
49. Ваганов А.В. Функционально-семантические особенности сравнений с имплицитным основанием // Семантика языковых единиц: доклады VI Международной конференции. М.: МГОПУ, 1998. С. 218–220.
50. Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры: сб. ст. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 133–152.
51. Вержинская И.В. Лингвокультурологический анализ британской и американской юмористической фэнтези: на материале произведений Т. Пратчетта и Ш. Теппер: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 174 с.
52. Веселовский А.П. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.
53. Виноградов В.В. Грамматическое учение о слове. М.; Л: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.
54. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 654 с.
55. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
56. Виноградов В.В. Слово и образ // Проблемы русской стилистики. М., 1981. Гл. 2. С. 102–119.
57. Виноградов В.В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.
58. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во МГУ, 1978. 174 с.
59. Виноградов, В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы. М.: Университет. Книжный дом, 2006. 236 с.

60. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
61. Войнова Э.С. Грамматическая природа сравнительных конструкций // Вестник Львовского университета. Сер. филол. 1963. № 1. С. 96–98.
62. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
63. Воркачев С.Г. Studia selecta: избранные работы по теории лингвокультурного концепта: монография. 2-е изд., стереотипное. М.: Изд-во «ФЛИНТА», 2015. 168 с.
64. Воронина Т.Е. Компаративные конструкции в функции различения идиостилей // Функциональная характеристика языковых единиц и категорий. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1988. № 1. С. 28–32.
65. Выготский Л.С. Мышление и речь: сборник. М.: Изд-во АСТ: Астрель, 2011. 637 с.
66. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1972. С. 367–395.
67. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале фр. и рус. яз.). М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
68. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1998. 763 с.
69. Галеева Н.Л. Параметры художественного текста и перевод. Тверь: Тверской государственный университет, 1999. 154 с.
70. Галина М.С. Авторская интерпретация универсального мифа // Общество, наука и современность. 1998. № 6. С. 161–170.
71. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 459 с.

72. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Лингвистика и межкультур. Коммуникация. М.: Изд-во Московского университета, 2004. 542 с.
73. Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М.:. Советский писатель, 1980. 253 с.
74. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. М.: Искусство, 1968. Т. 1. 312 с.
75. Глазырин Р.А. Сопоставительный анализ компаративных фразеологических единиц в современных германских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1972. 34 с.
76. Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 71–79.
77. Голышева В.Г. Семантическая структура и контекстуальные связи образных сравнений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1984. 20 с.
78. Голышева В.Г. Семантическая структура образных сравнений (на материале романов Г. Грина) // Семантика слова и предложения в английском языке. Л., 1980. С. 3–11.
79. Голышева В.Г. Содержательные связи словозначений в семантической структуре образного сравнения // Семантика слова и предложения. Л., 1985. С. 53–57.
80. Гончарова Т.Е. Лингвистическая природа потенциальных и окказиональных слов современного французского языка (на материале произведений французских писателей XIX–XX веков): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1982. 219 с.
81. Гопман В.Л. Куда ж нам плыть?.. Опыт исследования фантастического в литературе Великобритании // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 4. С. 56–68.
82. Григорьева А.О., Иванова Н.Н. Сравнение – сопоставление // Язык поэзии XIX–XX веков: А. Фет. Современная лирика. М.: Наука, 1985. С. 35–50.

83. Гринёв-Гриневич С.В., Сорокина Э.А. Принципы развития познания, мышления и культуры в их лексическом отражении // Вестник МГОУ (Электронный журнал). 2016. № 2. [Электронный ресурс]. URL: https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/751, (дата обращения: 02.11.2019).
84. Губайловский В. Обоснование счастья. О природе фэнтези и первооткрывателе жанра // Новый мир. 2002. №3. С. 174–185.
85. Гужанов С.И. Сравнение как средство сатирического изображения действительности в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Русское языкознание: респ. междувед. науч. сб. Вып. 8. Киев, 1984. С. 129–136.
86. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
87. Гурбанов Х.М. Придаточные сравнительные предложения в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1988. 196 с.
88. Гусева А.Е. Основы лингвокогнитивного моделирования лексико-фразеологических полей в немецком и русском языках: дис. ... док. филол. наук. Москва, 2008. 489 с.
89. Гусева А.Е. Структура базы знаний в когнитивной лингвистике // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 36–42.
90. Дебердеева Е.Е. Метафора в контексте лингвистических исследований // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2008. № 1 с. С. 23–27.
91. Девятова Н.М. Диктумно-модусная организация сравнительных конструкций в русском языке: автореф. дис. ... док. филол. наук. Москва, 2011. 49 с.
92. Девятова Н.М. Об образном сравнении и его типологии // Болгарская русистика. 2010. № 3–4. С. 56–64.
93. Девятова Н.М. Сравнение в динамической системе языка. М.: Либроком, 2010_1. 320 с.

94. Девятова Н.М. Сходство как сравнительный смысл и его языковые репрезентации // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2011_1. № 2. С. 7–13.
95. Демидова Г.И. Сопоставительное значение сравнительных конструкций // Языковые значения: сб. науч. тр. / Под ред. проф. В.И. Кодухова. Л.: [б. и.], 1976. 156 с.
96. Дингилевская Е.И. Вопросы сравнения в трудах логиков и лингвистов // Мир языков: ракурс и перспектива: материалы IV Международной научно-практической конференции. Минск, 2013 г. Минск: БГУ, 2013. С. 45–50.
97. Дмитриева Е.И. Категория компаративности в разноструктурных языках: на материале английского, русского и немецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. 21 с.
98. Драйсави Х.К.М. Сравнение в поэтическом идиостиле (на материале поэзии С. Есенина и В. Маяковского): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014. 224 с.
99. Епифанцева Н.Г. Антропоцентризм как вектор развития современной лингвистики: лингвистика по Ф. де Соссюра: итоги и перспективы (к 155-летию со дня рождения Ф. де Соссюра): сб. материалов международной науч. конф. (21–22 февраля 2013г., Москва) / коллектив авторов. М.: ИИУ МГОУ, 2013. С. 29–35.
100. Епифанцева Н.Г. Межкультурный подход к переводу: теоретическое обоснование и сфера применения // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2017. № 5. С. 40–47.
101. Ермолович Д.И. Основы профессионального перевода: Вводный курс для специализирующихся на английском языке. М.: Изд-во РОУ Университета Российской академии образования, 1996. 72 с.
102. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. М.: Изд-во МГУ, 1961. 520 с.

103. Жилин М.М. О категории компаративности // Уч. записки ЛГУ им. Герцен. Л., 1963. Т. 255. С. 83–90.
104. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
105. Жинкин Н.И. Проблема художественного образа в искусствах // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1985. Т. 44. № 1. С. 72–82.
106. Жирова И.Г. О проблеме перевода экстралингвистических компонентов с русского языка на английский // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. М.: ИИУ МГОУ, 2013. № 5. С. 60–66.
107. Жирова И.Г. «Перевод по мотивам» как межкультурный творческий диалог между Дж. Байроном и М.Ю. Лермонтовым // Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе: вопросы теории языка и методики обучения: сб. материалов VII Международной научно-практической конференции. Коломна: Изд-во НОПриЛ, 2019. С. 82–87.
108. Жирова И.Г., Паттерсон Д.А., Ларби Р.О. Интеракция художественного перевода и межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации в теории и практике перевода: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (23 декабря 2019 г., Москва). М.: ИИУ МГОУ, 2020. С. 135–138.
109. Жирова И.Г., Савченко Е.П. Отражение меняющейся картины мира в русском и английском языках // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2014. № 4. С. 167–169.
110. Загоровская О.А. Образный компонент в значении слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983. С. 16–20.
111. Игнатович М.В. Культурная адаптация интертекстуальных включений при переводе произведений английской литературы XX века: на материале романов Т. Пратчетта и их переводов на русский язык: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2011. 168 с.

112. Игнатьева Л.Д. Структурные и семантические свойства фразеологических единиц с фразообразующим компонентом «как» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1976. 16 с.
113. Ильенко С.Г. Функции сложноподчиненного предложения с придаточным сравнительным // Ученые записки Ленинградского педагогического института. 1963. Т. 242. С. 23–34.
114. Ионова И.А. Адъективные фразеологические единицы со структурой сравнения в современном русском языке // РЯШ. М. 1975. № 5. С. 97–101.
115. Искандерова И.З. Семантико-структурная характеристика сравнительных конструкций в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1982. 236 с.
116. Иткина Р.С. Сказуемое с союзом как // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1966. Т. 53. С. 192–201.
117. Иткина Р.С. Сравнительно-сопоставительные обороты с союзом «как», «как и» при соотносительных местоименных словах // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1964. Т. 44. С. 89–96.
118. Иткина Р.С. Сравнительные обороты с союзом «как» в современном русском языке // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1959. Т. 27. С. 123–136.
119. Каган М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 315 с.
120. Казакова Т.А. Коммуникативно-прагматические основы художественного перевода: дис. ... док. филол. наук. Нижний Тагил, 1989. 270 с.
121. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English <=> Russian: учеб. пособие. СПб: Перспектива: Союз, 2008. 320 с.

122. Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика. СПб.: Инъязиздат, 2006. 525 с.
123. Каменская В.В. Семантика и структура сравнительных конструкций в тексте (на материале поэзии и прозы XIX–XX веков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 1998. 24 с.
124. Карасик В.И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2011. № 8 (62). С. 109–115.
125. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
126. Карцевский С.О. Сравнение // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 107–112.
127. Кирсанова Н.Н. Сравнение как основа номинации в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1996. 174 с.
128. Клишин А.И. Практика перевода английских текстов. СПб.: Андра, 2003. 87 с.
129. Ковалев В.П. Метафоры и сравнения как основные языковые средства создания образности «Сказок об Италии» А.М. Горького // Вопросы стилистики. Вып. 4. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1972. С. 110–121.
130. Ковтун Е.Н. «Истинная реальность» fantasy // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1998. № 3. С. 106–115.
131. Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.
132. Ковтун Е.Н. Типы и функции художественной условности в европейской литературе первой половины XX века // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1993. № 4. С. 43–50.
133. Ковтун Е.Н. Форум фантастоведов в МГУ // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2006. № 4. С. 179–188.

134. Кожевникова Н.А. О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Поэтика и стилистика. 1988–1990. М.: Наука, 1991. С. 37–63.
135. Колодкина Е.Н., Альгина С.Г. Особенности опорного существительного в устойчивом сравнении с like в английском языке // Вопросы германской филологии: сб. ст. Киров: Изд-во ВГПУ, 1997. С. 24–34.
136. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Междунар. отношения, 1980. 165 с.
137. Комиссаров В.Н. Проблемы лингвистического анализа перевода: автореф. дис. ... док. филол. наук. Москва, 1975. 51 с.
138. Комиссаров В.Н. Слово о переводе: очерк лингвистического учения о переводе. М.: Междунар. отношения, 1973. 215 с.
139. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие / Под ред. Д.И. Ермоловича. М.: Р Валент, 2014. 407 с.
140. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
141. Кононенко В.И. Синонимика синтаксических конструкций в современном русском языке. Киев: Наукова думка, 1970. 143 с.
142. Конюшкевич М.И. Категория сравнения как объект сопоставительной функциональной грамматики // Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков: тез. докл. Белград. 2000. С. 37–38.
143. Копанев П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск: Изд-во Белорусского государственного университета, 1972. 323 с.
144. Коралова А.Л. К вопросу о лингвистической образности // Уч. Записки МГПИИЯ им. М. Тореза: Вопросы романо-германской филологии (англ. яз.). М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза, 1972. Вып. 70. С. 72–89.
145. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
146. Коршунова Е.С. Способы художественного перевода сравнений (на примере повести Э. Хемингуэя «Старик и море»). Филологические

науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 5 (83). Ч. 1. С. 124–127.

147. Кравченко А.В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1996. 159 с.
148. Красина Е.А., Перфильева Н.В. Основы филологии: лингвистические парадигмы. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 408 с.
149. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: лекц. курс. М.: Гнозис: Кучково поле, 2001. 269 с.
150. Крепс М.Б. Сравнения в «Кентерберийских рассказах» Чосера // Лексикологические основы стилистики: сб. науч. работ / Под ред. проф. И.В. Арнольд. Л.: ЛГПИ, 1973. С. 64–69.
151. Кристал Д., Дейви Д. Стилистический анализ // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М.: Прогресс, 1980. С. 148–171.
152. Крюкова О.П. Речемыслительная деятельность «человека играющего» (прикладное лингвокультурологическое исследование игры «Хитрец против Простака») // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2019. № 4. (28). С. 17–24.
153. Кузнецова Л.И. Сопоставительно-семантический анализ сравнений как метод выявления национальной специфики слова // Методы и приемы лингвистического анализа в общем и романском языкознании. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1988. С. 50–59.
154. Кузурман В.М. Полижанровость идиостиля как проблема перевода (на материале переводов прозы, поэзии, драматургии и публицистики Вольфганга Борхерта на русский язык): дис. ... канд. филол. наук. Магадан, 2004. 253 с.
155. Кузьменко Е.Л. Вербальная презентация понятия (life/жизнь) в английской и русской лингвокультурах на материале фразеологических единиц // (Электронный журнал). 2016. № 1. [Электронный ресурс].

URL: https://vestnik-mgou.ru/Authors/View/13989, (дата обращения: 11.11.2019).

156. Купина Н.А. Специфика образности и методика выявления идеального содержания окказионализмов // Проблемы ономасиологии: Научные труды Курского педагогического института. Курск: Изд-во Курского педагогического института, 1977. Вып. 4. С. 128–130.
157. Курячая Е.И. Разрушение стандарта как когнитивная доминанта идиостиля Б. Виана и способы ее репрезентации в тексте оригинала и перевода (на материале романа «Пена дней»): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 213 с.
158. Кучеренко И.К. О типах придаточных предложений, выраженных посредством сравнений // РЯШ. М. 1961. № 6. С. 35–38.
159. Лаврова Н.А. Когнитивная метафора как способ представления знания в языке и как основополагающий принцип человеческого мышления // Преподаватель XXI век. 2015. № 1. С. 294–307.
160. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 252 с.
161. Лапшина М.Н. Семантическая эволюция английского слова. СПб: Изд-во СПбГУ, 1998. 159 с.
162. Лебедева А.А. К вопросу об эквивалентности лексических единиц при переводе // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 156–163.
163. Лебедева А.А. Проблема классификации и устранения переводческих ошибок и включение будущего переводчика в языковую картину мира изучаемого языка // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2017. № 2. С. 87–93.
164. Лебедева А.А. Проблема устранения переводческих ошибок: межкультурная адаптация юридических текстов // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2020. № 2. С. 68–77.
165. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии: дис. ... док. филол. наук. Краснодар, 1999. 296 с.

166. .Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Проблемы перевода. М.: Междунар. отношения, 1976. 205 с.
167. Левченко М.Н., Савина Е.М. Эллиптические предложения в диалогической речи и способы их перевода с немецкого языка на русский язык // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2017. № 3. С. 125–132.
168. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 397 с.
169. Лекомцева М.И. Семантическая структура сравнения // Семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 173–179.
170. Лем С. Фантастика и футурология: в 2 кн. М.: АСТ: Ермак, 2004. Кн. 1. 591 с.
171. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. М.: Гнозис, 2007. 366 с.
172. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 285 с.
173. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл: Академия, 2005. 352 с.
174. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. М., 1979. № 2. С. 3–13.
175. Литвинов Ю.В. Типология образности сравнений: (На материале рус. и англ. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1990. 20 с.
176. Лопухов Д.Б. Что такое фэнтези? // Порог. 2003. № 11. [Электронный ресурс]. URL: http://dreamworlds.ru/intersnosti/4237-dmitrijj-lopukhov.-chtotakoe-fjentezi.html, (дата обращения: 20.05.2020).
177. Лукин Д.С. Лингвокультурные особенности перевода средств выразительности с языка оригинала на русский язык (на материале произведений Дж. Роулинг «Гарри Поттер»): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2016. 181 с.

178. Макаренко Н.Н. Индивидуальные образные сравнения во французском языке (на материале художественной прозы второй половины XX века): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2001. 199 с.
179. Макарова Л.А. О некоторых подходах к разграничению сложного и простого предложений, включающих сравнительную конструкцию // Проблемы педагогической лингвистики. Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. С. 57–62.
180. Макарова Л.С. Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода: дис. ... док. филол. наук. Москва, 2006. 364 с.
181. Максименко О.И. Проблемы перевода игры слов // Филологические науки в МГИМО: сб. науч. тр. 2007. № 26 (41). С. 108–121.
182. Максименко О.И., Подлегаева Е.П. Проблема перевода названий мультисемиотических текстов (на примере переводов названий серий мультсериалы «Смешарики» на английский язык) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 167–175.
183. Максименко О.И., Хлебутина В.Ю. Оппозитивная сущность спортивного дискурса (на примере танцевальной терминологии) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 18–24.
184. Мальшакова Н.Т. Сравнительный оборот с союзом «как» // РЯШ. М., 1953. № 6. С. 16–18.
185. Маркелова Т.В., Хабарова О.Г. Метафорическая ценность фразеологизмов с опорным компонентом зоонимом или фитонимом // Филологические науки. 2005. № 5. С. 17–27.
186. Маслова В.А. Лингвокультурология. Введение: учебное пособие. 2-е изд. М.: Юрайт, 2018. 208 с.
187. Маузене Л.А. Структура и функции сравнений в новеллах Г. Келлера: дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1976. 172 с.
188. Мезенин С.М. Конструкции современного английского языка, имеющие значение сравнения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1969. 19 с.

189. Мезенин С.М. Образное сравнение с точки зрения функциональной перспективы: синтаксические исследования по английскому языку // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. М.: МГПИ, 1971. Т. 473. Вып. 2. С. 72–75.
190. Мейеров В.Ф. Компаративные устойчивые фразы (семантика, позиция, функция) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 2. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1974. С. 73–89.
191. Мейеров В.Ф. Компоненты компаративных фразем и однозвучные слова языка // Вопросы фразеологии. Т. 5. Ч. 2. Самарканд: Изд-во Самаркандского университета, 1972. С. 207–213.
192. Мельниченко Е.К. Образные сравнения К. Мэнсфилд // Индивидуально-художественный стиль и его исследование. Киев-Одесса, 1980. С. 81–90.
193. Мещерякова М.И. Предисловие // Русская фантастика XX века в именах и лицах: справочник / Под ред. М.И. Мещеряковой. М.: Мегатрон, 1998. 136 с.
194. Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры: сб. ст. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 236–283.
195. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: ЧНУЗ «Моск. лицей», 1996. 207 с.
196. Миргородская В.В. Компаративные конструкции в системе сложного синтаксического целого. Таганрог: Изд-во Таганрогского государственного педагогического института, 1998. 26 с.
197. Московина Р.А. Сравнительные обороты в функции определений // Вопросы синтаксиса русского языка: сб. ст. / Под ред. Г.В. Валимовой. Ростов-на-Дону, 1971. С. 80–92.
198. Мурзин Л.Н. К структурной типологии сравнительных конструкций (на материале русских поэтических текстов) // Фатическое поле языка. Памяти проф. Л.Н. Мурзина. Пермь, 1998. С. 83–90.

199. Назаренко В. Еще раз о языке искусства // Вопросы литературы. 1959. № 10. С. 105–116.
200. Назарова И.В. Типология компаративных единиц в когнитивном аспекте (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 21 с.
201. Назарян А.Г. Образные сравнения французского языка. М.: Наука, 1965. 200 с.
202. Назин А.С. Сопоставительное исследование метафор в романе Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит, или Туда и Обратно» и его переводах на русский язык: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 201 с.
203. Некрасова Е.А. Олицетворение // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. М.: Наука, 1994. С. 13–104.
204. Некрасова Е.А. Сравнения // Языковые процессы современной художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977. С. 240–295.
205. Некрасова Е.А. Сравнения общеязыкового типа в аспекте сопоставительного анализа художественных идиолектов // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 225–237.
206. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учебник. Английский язык. Изд. 2-е, испр. и дополнен. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 188 с.
207. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учебное пособие. Третье издание. М.: Флинта; МПСИ, 2006. 416 с.
208. Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Семантические расстояния в языке и тексте. М.: Наука, 1990. 136 с.
209. Новикова М.Г. Смысловые корреляции в дискурсивной динамике перевода: дис. ... док. филол. наук. Москва, 2014. 340 с.

210. Новичков А.А. Ономастическое пространство англоязычных произведений фэнтези и способы его передачи на русский язык: дис. ... канд. филол. наук. Северодвинск, 2012. 295 с.
211. Образцова В.В. Сравнения в поэзии С. Есенина // Русская речь. М., 1973. № 5. С. 45–51.
212. Общая риторика. Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. М.: Прогресс, 1986. 392 с.
213. Овчинникова И.Г. Ассоциации и высказывание. Структура и семантика. Пермь: Изд-во ПГУ, 1994. 124 с.
214. Огольцев В.М. Устойчивые компаративные структуры в системе современного русского языка: автореф. дис. ... док. филол. наук. Ленинград, 1974. 41 с.
215. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 159 с.
216. Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры: сб. ст. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 219–235.
217. Осипова А.А. Русские и английские версии Священного Писания как переводческий и лингвокультурный феномен: дис. ... док. филол. наук. Москва, 2016. 363 с.
218. Ощепкова В.В. Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения: дис. ... док. филол. наук. Москва, 1995. 345 с.
219. Ощепкова В.В., Николаева О.В. Экосреда как источник символопорождения в лингвокультурах Австралии и Новой Зеландии // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск: ТГУ, 2017. № 46. С. 43–54.
220. Ощепкова В.В., Соловьева Н.В. Волшебный ономастикон австралийской этиологической сказки // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 60–70

221. Павлов В.Т. Отношения между понятиями. Киев: Изд-во Киевского университета, 1961. 176 с.
222. Павлова В.В. Сравнительные конструкции в структуре простого предложения (рус. яз.): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1994. 179 с.
223. Павлова С.Н. Лингвопоэтика сравнений // Функционально-семантические аспекты языковых явлений (на материале германских языков). Куйбышев: КГУ, 1989. С. 53–60.
224. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
225. Палиевский П. Образ или словесная ткань // Вопросы литературы. 1959. № 11. С. 84–99.
226. Паршукова М.М. Сравнение как средство образности и выразительности в зарубежном языкознании // Вестник Югорского государственного университета. 2017. № 1–2 (44). С. 16–21.
227. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Иностр. лит., 1960. 499 с.
228. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 3-е изд. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
229. Пешковский А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики: сб. ст. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 176 с.
230. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 510 с.
231. Плотников Б.А. Основы семасиологии: учеб. пособие для филол. фак. вузов. Минск: Вышэйш. шк., 1984. 223 с.
232. Плющ-Высокопоясная М.П. Сравнения в произведениях М. Горького: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1963. 15 с.
233. Поляков М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. М.: Сов. писатель, 1986. 478 с.
234. Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
235. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 189 с.

236. Попова М.К. Жанр «фэнтези» и западноевропейские литературные традиции // Английская литература в контексте мирового литературного процесса: тезисы VI Международной конференции преподавателей английской литературы. Киров: ВГПУ, 1996. 177 с.
237. Поркшеян Е.М. Сравнительные конструкции современного русского языка и их структурно-семантические разновидности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1991. 18 с.
238. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков: Типография «Мирный трудъ», 1914. 164 с.
239. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 622 с.
240. Похилько В.И. Психодиагностика индивидуального сознания // Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Изд-во Московского университета, 1987. С. 228–244.
241. Пшеницын С.Л. Культурологический подход к переводу: теоретическое значение // Языковая картина в зеркале семантики, прагматики и перевода: сб. ст. Studia Lingüistica. СПб.: Тригон, 1998. С. 185–199.
242. Пшенкина Т.Г. Некоторые вопросы оценочности на уровне слова и фразеологизма // Проблемы взаимодействия единиц различных языковых уровней: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Барнаульский государственный педагогический институт, 1984. 97 с.
243. Пшенкина Т.Г. Некоторые особенности восприятия и порождения речевого высказывания в условиях межкультурной коммуникации // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию ИГЛУ. Иркутск: ИГЛУ, 1998. С. 145–147.
244. Пшенкина Т.Г. Ориентация переводчика в пространстве смысла // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. М., 2002. № 5, С. 91–94.
245. Пятаева И.Г. Структура, типы и функции сравнения в художественной прозе Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1994. 156 с.

246. Размахнина Н.К. Параллелизмы сравнительных конструкций в современном английском языке // В помощь преподавателям иностранных языков. Вып. 4. Новосибирск: Наука, 1973. С. 26–44.
247. Разуваева Л.В. Сравнение как средство репрезентации художественной картины мира: на материале русской прозы конца XX – начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 23 с.
248. Разуваева Л.В. Типы компаративных конструкций в художественном тексте с позиции их восприятия реципиентом // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 102–104.
249. Разумова О.П. Семантическое взаимодействие нескольких оснований в образных сравнениях // Проблемы семантического описания единиц речи: материалы докладов Международной научной конференции. Ч. 2. Минск, 1998. С. 95–97.
250. .Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2004. 237 с.
251. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры: сб. ст. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 44–67.
252. Ройзенон С.И. Глагольные компаративные фразеологические единицы в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1972. 33 с.
253. Рубайло А.Т. Художественные средства языка. М.: Учпедгиз, 1961. 122 с.
254. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1989. Т. 1. 487 с.
255. Румянцева И.М. Психолингвистические механизмы и методы формирования речи: дис. ... док. филол. наук. Москва, 2000. 265 с
256. Русские писатели о литературном труде: сб. в 4-х т. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1954. 759 с.

257. Рыженкова А.А. Авторские преобразования устойчивых сравнений как объект перевода: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 339 с.
258. Рюриков Ю. Тропинка тропов и дорога образов // Вопросы литературы. 1960. № 4. С. 150–167.
259. Сазонов А.П. Сложноподчиненное предложение с придаточным сравнительным с союзом «точно» // Учен. зап. Винницкого пед. ин-та. Каф. рус. яз. и лит. 1962. Т. XX. С. 40–50.
260. Сапковский А. Нет золота в Серых Горах: Мир короля Артура. Критические статьи. Бестиарий / Пер. с пол. Е.П. Вайсброта. М.: АСТ, 2002. 374 с.
261. Свиридова Л.К. Перевод как обязательное выражение категории тождества // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 2. С. 80–86.
262. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Е. Кибрика. М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993. 654 с.
263. Серль Дж. Метафора // Теория метафоры: сб. ст. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 307–341.
264. Сидякова Н.М. Компаративные фразеологические единицы типа (as) + прилагательное + (as) + существительное в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1967. 16 с.
265. Сидякова Н.М. О различных аспектах изучения сравнения. Пособие для студентов старших курсов фак. иностр. яз. Вологда: [б. и.], 1970. 20 с.
266. Сидякова Н.М. Основные структурные типы компаративных фразеологических единиц в современном английском языке // Вопросы теории английского и немецкого языков. Вологда: [б. и.], 1969. С. 52–65.

267. Скибицкая Е.Т. Анализ сравнений как стилистического средства в романе Г. Грина «Комедианты» // Вопросы романо-германского языкознания. Вып. 3. Челябинск, 1969. С. 56–59.
268. Скляревская Г.Н. Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия // МИРС. 2017. № 4. С. 9–17.
269. Смерчко З.Е. К вопросу об устойчивости фразеологических сочетаний в современном русском языке // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. Тула, 1968. С. 106–113.
270. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во МГУ, 1985. 232 с.
271. Снопкова Н.А. Выражения сходства и различия в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1971. 30 с.
272. Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихолингвистику. Ульяновск: УлГУ, 1998. 138 с.
273. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. 168 с.
274. Сорокина Э.А. Основы языкознания: учебник для студентов филологических специальностей. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 217 с.
275. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
276. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 355 с.
277. Степновска Т. Фэнтези – переодетая Золушка // Русская словесность в школах Украины. 2000. № 2. С. 44–48.
278. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1979. 156 с.
279. Столин В.В., Кальвиньо М. Личностный смысл: строение и форма существования в сознании // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1982. № 3. С. 38–47.

280. Столярова И.А. Некоторые особенности перевода комического в литературе жанра фэнтези (на материале произведений Т. Пратчетта): дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 181 с.
281. Судомоина Е.Б. Языковые средства выражения ассоциативных связей в тексте (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1989. 180 с.
282. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
283. Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: материалы II Международной конференции 12–14 мая 1999 г.: в 3 ч. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. Ч. III. С. 14–15.
284. Терентьев А.В. Адъективные компаративные фразеологические единицы как языковая универсалия (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1997. 352 с.
285. Терентьева Л.П. Семантика и прагматика лексических окказионализмов: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1983. 249 с.
286. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 261 с.
287. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Пер. с. фр. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 143 с.
288. Троицкий В.И. «Гул нашего времени» (сравнения и метафоры у Р. Рождественского) // Русская речь. 1983. № 2. С. 48–52.
289. Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке // Филологические науки / Научные доклады ВШ. 1973. № 1. С. 51–62.
290. Уарова О.В. Дискурсивные стратегии интерпретации стилистического приема сравнения: На материале английской художественной литературы XIX–XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2006. 149 с.

291. Уарова О.В. Основные направления в изучении сравнения // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. Якутск: АН Республики Саха (Якутия), 2005. № 4. С. 136–140.
292. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
293. Федоров А.И. Образная речь. Новосибирск: Наука, 1985. 110 с.
294. Федоров А.И. Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск: Наука, 1969. 91 с.
295. Федорцова В.Н., Кощеева Е.А. Перевод авторских сравнений с английского языка на русский (по роману Дж. Оруэлла «1984» и переводу В.Н. Голышева) // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 2–4. С. 1060–1062.
296. Федуленкова Т.Н. Английская фразеология. Курс лекций. Архангельск: Поморский университет, 2000. 132 с.
297. Фельдман Д.Н. Сравнение как лингвистическое средство (на материале современного немецкого языка) // Сборник научных трудов. Рига: Латвийский государственный университет им. П. Стучки, 1968. Т. 89. С. 24–35.
298. Фесенко Т.А. Концептуальные основы перевода. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. 123 с.
299. Филиппова И.Н. Избыточность и недостаточность в одноязычной и двуязычной коммуникации (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ... док. филол. наук. Москва, 2014. 45 с.
300. Филиппова И.Н. О переменных и субъективных факторах перевода в свете холизма // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 97–106.
301. Филиппова И.Н. Просодические ошибки киноперевода // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. №4 (39). С. 158–173. [Электронный ресурс]. URL: https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/690, (дата обращения: 10.11.2019).

302. Филиппова И.Н. Трансцендентальность перевода широкозначной лексики (на материале романов А. Кристи и их переводов на русский и немецкий языки) // Вестник МГОУ (Электронный журнал). 2015. № 3. [Электронный ресурс]. URL: https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/690, (дата обращения: 10.11.2019).
303. Фирсов О.А. Перевод с английского на русский и его комментарий. М.: Компания Спутник, 2003. 197 с.
304. Херберман К.П. Компаративные конструкции в сравнении. К вопросу об отношении грамматики к этимологии и языковой типологии // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 92–107.
305. Ховаев В.И. Семантические приращения образа в ассоциативном ряду слов // Семантика слова и синтаксической конструкции: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. С. 74–84.
306. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста: монография. М.: Прометей, 2003. 171 с.
307. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Лингвокультурные аспекты межъязыковой передачи библейского текста: коллективная монография. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 198 с.
308. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Оригинал. Перевод. Переводоведение. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 117 с.
309. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Переводы Библии: история и современность. М.: ИИУ МГОУ, 2014_1. 121 с.
310. Цвиллинг М.Я. О переводе и переводчиках: сб. науч. ст. М.: Восточная книга, 2009. 286 с.
311. Чайковский Р.Р. Рельефные сегменты художественного текста как переводческая задача // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16. № 3. С. 18–29.
312. Чайковский Р.Р. Эксплицитные переводческие ошибки // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2011. № 6. Т. 2. С. 84–87.

313. Черемисина М.И. Некоторые вопросы синтаксиса (сравнительные конструкции современного русского языка). Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1971.181 с.
314. Черемисина М.И. Сложные сравнительные конструкции русского языка: автореф. дис. ... док. филол. наук. Новосибирск, 1973. 36 с.
315. Черемисина М.И. Сравнения в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Толстовский сборник. Тула, 1962. № 2. С. 163–181.
316. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1976. 270 с.
317. Черемисина М.И. Творительный падеж как средство формирования образа // Грамматика русского языка. Вып. 1. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1972. С. 72–92.
318. Черемисина М.И. Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2006. 149 с.
319. Черемисова Е.А. К вопросу о классификации образных сравнений в художественном тексте (на примере романа Нэнси Митфорд “Christmas Pudding”) // Известия ВГПУ. 2018. № 10 (133). С. 159–162.
320. Черкасова Е.Т. О союзном и несоюзном употреблении слов типа «будто» и т.п. в сравнительных конструкциях // Памяти академика В.В. Виноградова. М., 1971. С. 225–229.
321. Черная Н.И. В мире мечты и предвидения. Научная фантастика, ее проблемы и художественные возможности. Киев: Наукова думка, 1972. 227 с.
322. Чернышева Т.А. Природа фантастики. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1985. 336 с.
323. Чуйкина Н.В. Структура и семантика сравнения как основа лейтмотивной композиции художественного текста (на материале повести Л. Андреева «Иуда Искариот»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2000. 16 с.

324. Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1991. 220 с.
325. Шапиро М.А. Структура сравнений (на материале романа М. Шолохова «Тихий Дон») // Ученые записки Тираспольского педагогического института. 1958. Вып. 5. С. 3–22.
326. Швейцер А.Д. Буквальный перевод и интерференция // Перевод и коммуникация / Отв. ред. А.Д. Швейцер, Н.К. Рябцева, А.П. Василевич. М.: ИЯз РАН, 1996. С. 22–34.
327. Швейцер А.Д. Перевод в контексте культурной традиции // Литературный язык и культурная традиция / Отв. ред. Н.Н. Семенюк, В.Я. Порхомовский. М.: ИЯз РАН, 1994.С. 169–185.
328. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 214 с.
329. Шевченко А.Е. Сравнение как компонент идиостиля писателя-билингва В. Набокова (на материале русско- и англоязычных произведений автора): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 251 с.
330. Шенько И.В. К вопросу об отношениях между компаративными тропами (сравнением и метафорой) // Стилистика романо-германских языков. Материалы семинара. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1972. С. 151–165.
331. Шенько И.В. Некоторые разновидности и структура сравнений в романе Г. Грина «Власть и Слава» // Вопросы романо-германского языкознания. Вып. 3. Челябинск: [б. и.], 1969. 225 с.
332. Шенько И.В. Опыт семантико-стилистического анализа образного сравнения // Стиль и контекст. Л., 1972_1. С. 103–111.
333. Шенько И.В. Синтаксис и семантика образного сравнения: дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1972_2. 191 с.
334. Шенько И.В. Синтактико-смысловые и функциональные разновидности предметно-логических сравнений // Язык и стиль английского художественного текста. Л.: ЛГПИ, 1977. С. 152–161.

335. Широкова Н.А. Синтаксические конструкции, вводимые сравнительными союзами, в составе простого и сложного предложения: автореф. дис. ... док. филол. наук. Саратов, 1968. 42 с.
336. Шмелев А.Г. Психологическая обусловленность индивидуальных различий в понимании значения слова // Исследование проблем речевого общения. М.: Институт языкознания, 1979. с. 157–177.
337. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 278 с.
338. Шмелева Т.В. Специфика опорного слова устойчивого адъективного сравнения в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1988. 16 с.
339. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. 635 с.
340. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. 2-е изд. М.: УРСС, 2007. 253 с.
341. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978. 392 с.
342. Юрина Е.А. Образность как категория лексикологии: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1994. 249 с.
343. Aisenman R.A. Structure-Mapping and the Simile-Metaphor Preference // Metaphor and Symbol. Vol. 14 (1), 1999. P. 45–51.
344. Attebery B. The fantasy tradition in American literature (From Irving to Le Guin). Bloomington: Indiana University Press, 1980. 212 p.
345. Bredin H. Comparisons and Similes // Lingua: An International Review of General Linguistics. 1998. Vol. 105. № 1–2. P. 67–78.
346. Brislin R. Understanding culture's influence on behavior. Australia [etc.]: Wadsworth / Thomson learning, Cop. 2000. 468 p.
347. Britton S. Thoughtful Laughter: Fantasy and Satire as Social Commentary in Terry Pratchett’s Discworld. The University of North Carolina at Asheville, 2018. 26 p.

348. Bryant C. Postmodern Parody in the Discworld Novels of Terry Pratchett // The L-Space Web: Analysis, Norwegian University of Science and Technology, The L-Space Librarians. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lspace.org/books/analysis/christopher-bryant.html, (дата обращения: 21.05.2020).
349. Camp L. Sprague de. Heroic Fantasy // Swords and Sorcery / Ed. by L. Sprague de Camp. Pyramid Books, 1963. 186 p.
350. Camp L. Sprague de. Literary Swordsmen and Sorcerers: The Makers of Heroic Fantasy. Arkham House, 1976. 313 p.
351. Carter L. Imaginary Worlds: the Art of Fantasy. Ballantine Books, 1973. 278 p.
352. Chiappe D. Reversibility, Aptness, and the Conventionality of Metaphors and Similes // Metaphor and Symbol. Vol. 18 (2), 2003. P. 85–105.
353. Fantasy Book Review. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fantasybookreview.co.uk/Terry-Pratchett/biography.htm, (дата обращения: 24.04.2020).
354. Fodor J.A. Semantics: Theories of Meaning in Generative Grammar. N.Y.: The Harvest Press, 1977. 225 p.
355. Fogelin R. Figuratively Speaking. New Haven and London: Yale University Press, 1988. 120 p.
356. Fromilhague C. Les figures de style. P.: Nathan, 1995. 263 p.
357. Gibb H., Wales R. Metaphor or Simile: Psychological determinants of the differential use of each sentence form // Metaphor and symbolic activity. 1990. Vol. 5. P. 199–213.
358. Glucksberg S., Keysar B. How metaphors work // Metaphor and Thought / Ed. by Ortony. London: Cambridge Univ. Press, 1993. P. 401–424.
359. Hein R. George MacDonald: Victorian Mythmaker. Nashville: Star Song, 1993. 453 p.
360. Katz J.J., Fodor J.A. The structure of semantic theory // Language. London: The MIT Press, 1963. P. 170–210.

361. Kennedy J.M., Chiappe D.L. What Makes a Metaphor Stronger Than a Simile? // Metaphor and Symbol. 1999. Vol. 14 (1). P. 63–69.
362. Kerbrat-Orecchioni C. L'enonciation. De la subjectivite dans le langage. P.: Armand Colin, 1980. 290 p.
363. Kristiansen A. Subverting the Genre: Terry Pratchett's Discworld as a Critique of Heroic Fantasy // The L-Space Web: Analysis, Norwegian University of Science and Technology, The L-Space Librarians. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lspace.org/books/analysis/andreas-kristiansen.html#Toc58643942, (дата обращения: 21.05.2020).
364. Lakoff G. M. Metaphors we live by. 1980. L.: The university of Chicago press, 2003. 276 p.
365. Luthi D. Toying with Fantasy: The Postmodern Playground of Terry Pratchett's Discworld Novels // Mythlore: A Journal of J.R.R. Tolkien, C.S. Lewis, Charles Williams, and Mythopoeic Literature. 2014. Vol. 33. № 1. Article 8. P. 123–142.
366. Mahmood A.A., Abdellatif K. Translation of Parodies in Terry Pratchett’s Witches Abroad and Wyrd Systers into German // J.J. Appl. Sci. 2010. Vol. 12. № 1. P. 145–168.
367. McMordie W. English Idioms and How to Use them. Oxford: Oxford Univ. Press, 1979. 267 p.
368. Miller G.A. Images and models, similes and metaphors // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony. London: Cambridge Univ. Press, 1993. P. 357–400.
369. Mustonen M. Translating wordplay: A case study on the translation of wordplay in Terry Pratchett’s “Soul Music”. University of Turku, 2016. 84 p.
370. Neubert A., Shreve G.M. Translation as text. Kent, Ohio: Kent State University Press, 1992. 169 p.
371. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford: Pergamon Press, 1982. 200 p.

372. Ortony A. The role of similarity in similes and metaphors // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2nd edn. (1st edn. 1979). 1993. P. 342–357.
373. Pierini P. Simile in English: From Description to Translation // Circulo de Linguistica Applicada a la Communication. 2007. № 29. P. 21–43.
374. Quine W.O. Naturals kinds and naming, necessity and natural kinds. Ithaca. 1977. 277 p.
375. Reginald R. Science fiction and fantasy literature: A bibliography of Science Fiction, Fantasy and Horror Fiction Books and Nonfiction Monographs. Detroit: Gale Research Inc., 1992. 1512 p.
376. Reynolds R., Ortony A. Some issues in the measurement of children's comprehension of metaphorical language // Child Development. 1980. Vol. 51. P. 1110–1119.
377. Swinfen A. In Defence of Fantasy. A Study of the Genre in English and American Literature Since 1945. L.: Routledge, 1984. 253 p.
378. Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol. I: Concept structuring systems. Cambridge (Mass.); L.: MIT press, 2001. 565 p.
379. Tolkien J.R.R. On Fairy-Stories // Tree and Leaf. Including “Mythopoeia”. L.: Harper Collins UK Publishers, 2001. P. 13–40.
380. Tourengeau R., Sternberg R.J. Understanding and appreciating metaphors // Cognition. 1982. Vol. 11. P. 203–244.

Список словарей и энциклопедических изданий

381. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1966. 608 с.
382. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. [Электронный ресурс]. URL: https://psychology.academic.ru/2030/%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0, (дата обращения: 30.10.2019).

383. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
384. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. 300 с.
385. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. [Электронный ресурс]. URL: http://tapemark.narod.ru/les/404d.html, (дата обращения: 23.10.2019).
386. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 с.
387. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 750 с.
388. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов$_1$ / Под. ред. А.А. Реформатского. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/maruso/5899/%D1%81%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5, (дата обращения: 23.10.2019).
389. . Михальченко В.Ю. Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
390. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003. 603 с.
391. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е издание, перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 318 с.
392. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/?q=484, (дата обращения: 20.10.2019).
393. Словарь лингвистических терминов$_2$ / Под ред. Т.В. Жеребило. [Электронный ресурс]. URL: https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/, (дата обращения: 20.10.2019).

394. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. [Электронный ресурс]. URL: https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/36-%D0%98%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C,%20%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C,%20%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82, (дата обращения: 05.12.2019).
395. Философская энциклопедия. В 5 т. / Под ред. Ф.В. Константинова. [Электронный ресурс]. URL: http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/philosophy/articles/1181/sravnenie.htm, (дата обращения: 30.10.2019).
396. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под ред. И.Т. Касавина. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
397. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. URL: http://dictionary.cambridge.org, (дата обращения: 24.04.2020).
398. Wilstach F.J. A Dictionary of Similes. Boston: Little, Brown, and Company, 1924. 578 p.

Список лингвистического материала исследования

399. Пратчетт Т. Ведьмы за границей / Пер. с англ. П. Киракозова. М.: Эксмо, 2016. 416 с.
400. Пратчетт Т. Вещие сестрички / Пер. с англ. В. Вольфсон. М.: Эксмо, 2016_1. 416 с.
401. Пратчетт Т. Вещие сестрички / Пер. с англ. Е. Музыкантовой. М.: Эксмо, 2020. 352 с.
402. Пратчетт Т. Вор времени / Пер. с англ. Н. Берденникова, А. Жикаренцева. М.: Эксмо, 2019. 480 с.

403. Пратчетт Т. Мор, ученик Смерти / Пер. с англ. С. Увбарх. М.: Эксмо, 2018. 352 с.
404. Пратчетт Т. Мрачный Жнец / Пер. с англ. Н. Берденникова. М.: Эксмо, 2018_1. 416 с.
405. Пратчетт Т. Роковая музыка. Санта-Хрякус / Пер. с англ. Н. Берденникова, А. Жикаренцева. М.: Эксмо, 2016_2. 608 с.
406. Pratchett T. Hogfather. L.: Random House UK, 1997. 448 p.
407. Pratchett T. Mort. L.: Corgi Books, 1988. 315 p.
408. Pratchett T. Reaper Man. L.: Corgi Books, 2012. 352 p.
409. Pratchett T. Soul Music. L.: Random House UK, 2013. 431 p.
410. Pratchett T. The Thief of Time. L.: Corgi Books, 2002. 432 p.
411. Pratchett T. Witches Abroad. L.: Corgi Books, 2013_1. 28 p.
412. Pratchett T. Wyrd Sisters. L.: Corgi Books, 2013_2. 334 p.